Журнал по культурологии и искусствоведению

Культура и цивилизация

Том 15, № 8А, 2025.

С. 1-143.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Journal of Cultural and Art Studies

Culture and Civilization

August 2025, Volume 15, Issue 8A.

Pages 1-143.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Культура и цивилизация»
Том 15, № 8А, 2025

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 12 номеров в год. Периодичность части В – 12 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Садохин Александр Петрович, доктор культурологии (5.10.1), профессор, эксперт в области социально-культурной экспертизы, ***Московская коллегия адвокатов*** – главный редактор журнала**.**

Кургузов Владимир Лукич, доктор культурологии (5.10.1), профессор, член ***Международной комиссии научных исследований культуры народов Центральной и Восточной Европы ЮV ЮНЕСКО*** – заместитель главного редактора.

В журнале публикуются научные статьи, а также сообщения о выходе книг по вопросам теории, истории и практики культуры и искусства. Основной целью журнала является содействие разработке методологии междисциплинарного синтеза знаний о проблемах формирования современной культуры и цивилизаций. Материалы открывают дискуссии по теоретическим и методологическим проблемам в области культурологии и искусствоведения. Журнал пропагандирует идеи антропоцентризма, междисциплинарности и комплексности и способствует распространению результатов фундаментальных и прикладных культурологических и искусствоведческих исследований.

Авторами статей являются культурологи и искусствоведы, ведущие специалисты в области социальных и гуманитарных наук, а также исследователи, работающие над диссертациями по проблемам культуры и искусства. Журнал рассчитан на специалистов в области культуры и искусства, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами культуры и цивилизации.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Культура и цивилизация» включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	А.П. Садохин, доктор культурологии (5.10.1)
Заместитель главного редактора	В.Л. Кургузов, доктор культурологии (5.10.1)
Научный редактор и переводчик	А.А. Маркова
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142412, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с ноября 2011 г.
Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-43671 от 24.01.2011.
ISSN 2223-5426.
Учредитель и издатель: Общество с ограниченной ответственностью «АНАЛИТИКА РОДИС».
Индекс по Каталогу периодики «Урал-Пресс»: **42949** «Культура и цивилизация».
Цена договорная. Печ. л. 19,75. Формат 60x90/8.
Дата выхода в свет: 30.12.2025.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 12 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 5150.
Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, Москва, Сущевский вал, 49.

"Culture and Civilization"
August 2025, Volume 15, Issue 8A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 12 times a year. The frequency of part B is 12 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Sadokhin Aleksandr Petrovich, Doctor of Culturology (5.10.1), Professor, expert in socio-cultural expertise**,** ***Moscow Bar Association*** **–** editor-in-chief.

Kurguzov Vladimir Lukich, Doctor of Culturology (5.10.1), Professor, Member of the ***International Commission for Scientific Research of Culture of the Peoples of Central and Eastern Europe IOV UNESCO*** – deputy chief editor.

The journal publishes articles and information about books on the theory, history and practice of culture and art. The main purpose of the journal is to contribute to the development of the methodology of an interdisciplinary synthesis of knowledge of the formation of modern culture and civilizations. The materials stimulate discussions on theoretical and methodological problems in the field of cultural studies and art history. The journal promotes the ideas of anthropocentrism, interdisciplinarity and complexity and contributes to the dissemination of the findings of theoretical and applied cultural and art research.

The articles are written by cultural specialists and art historians, leading experts in the field of social sciences and the humanities, researchers working on dissertations devoted to the problems of culture and art. The journal is designed for specialists in the field of culture and art, students and postgraduate students, as well as all people interested in the problems of culture and civilization.

The views and opinions of the publisher do not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Culture and Civilization" ("*Kul'tura i tsivilizatsiya*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	A.P. Sadokhin, Doctor of Culturology (5.10.1)
Deputy editor-in-chief	V.L. Kurguzov, Doctor of Culturology (5.10.1)
Science editor and translator	A.A. Markova
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142412, 7 Rogozhskaya str., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since November 2011.
The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).
Mass media registration certificate:
PI No. FS77-43671of 24.01.2011.
ISSN 2223-5426.
Founder and Publisher: Limited liability company "ANALITIKA RODIS".
Subscription index of the catalog of periodicals "Ural-Press": **42949** "Culture and Civilization".
Contract price. 19.75 printed sheets. Format 60x90/8.
Date of release: 30.12.2025.
Offset printing. Offset paper. Periodicity: 12 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 5150.
Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.
P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства

Варакина Галина Владиславовна – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры общего и славянского искусствознания, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство).

Кондаков Игорь Вадимович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ); ведущий научный сотрудник сектора художественных проблем массмедиа, Государственный институт искусствознания (ГИИ).

Костина Анна Владимировна – доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, проректор по научной, воспитательной и международной деятельности, Московский гуманитарный университет; директор Института фундаментальных и прикладных исследований.

Кургузов Владимир Лукич – заместитель главного редактора, доктор культурологии, профессор, член Международной комиссии научных исследований культуры народов Центральной и Восточной Европы IOV ЮНЕСКО.

Ляпкина Татьяна Федоровна – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии и социально-культурной деятельности, Арктический государственный институт культуры и искусств.

Петухов Валерий Борисович – доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой истории и культуры, Ульяновский государственный технический университет.

Рыжов Юрий Владимирович – доктор культурологии, доцент, доцент кафедры теоретических основ радиотехники, Институт радиотехнических систем и управления, Южный федеральный университет.

Садохин Александр Петрович – главный редактор журнала, доктор культурологии, профессор, эксперт в области социально-культурной экспертизы, Московская коллегия адвокатов.

Санжеева Лариса Васильевна – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры этнокультурологии, институт народов Севера, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор.

по направлению: 5.10.3. Виды искусства (с указанием конкретного искусства)

Бурганова Мария Александровна – доктор искусствоведения, профессор, завкафедрой «Монументально-декоративная скульптура», действительный член Российской академии художеств, Российский государственный художественно-промышленный университет им. С.Г. Строганова.

Килимник Евгений Витальевич – доктор искусствоведения, доцент, профессор, Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Лаврентьев Александр Николаевич – доктор искусствоведения, профессор, проректор по научной и международной работе, Российский государственный художественно-промышленный университет им. С.Г. Строганова.

Редакционная коллегия

(кандидаты наук, кандидаты и доктора наук непрофильных специальностей журнала)

Бурлина Елена Яковлевна – доктор философских наук, кандидат искусствоведения, профессор, профессор кафедры философии и культурологии, Самарский государственный медицинский университет.

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор по кафедре философии, заведующий кафедрой Онтологии и теории познания, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор Российской академии образования.

Керимов Александр Джангирович – доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Editorial Board

5.10.1. Theory and history of culture, art

Varakina Galina Vladislavovna – Doctor of Culturology, Associate Professor, Professor of the Department of General and Slavic Art History, Russian State University named after A.N. Kosygin (Technology. Design. Art) (Russia).

Kondakov Igor' Vadimovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History and Theory of Culture, Faculty of Cultural Studies, Russian State University for The Humanities; Leading Researcher of the Sector of Artistic Problems of Mass Media, State Institute of Art Studies (Russia).

Kostina Anna Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Doctor of Culturology, Professor, Vice-Rector for Scientific, Educational and International Affairs, Moscow University for the Humanities; Director of the Institute of Fundamental and Applied Research (Russia).

Kurguzov Vladimir Lukich – Deputy Chief Editor, Doctor of Culturology, Professor, Member of the International Commission for Scientific Research of Culture of the Peoples of Central and Eastern Europe IOV UNESCO (Russia).

Lyapkina Tat'yana Fedorovna – Doctor of Culturology, Associate Professor, Professor of the Department of Cultural Studies and Socio-Cultural Activities, Arctic State Institute of Culture and Arts (Russia).

Petukhov Valerii Borisovich – Doctor of Culturology, Associate Professor, Head of the Department of History and Culture, Ulyanovsk State Technical University (Russia).

Ryzhov Yurii Vladimirovich – Doctor of Culturology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theoretical Foundations of Radio Engineering, Institute of Radio Engineering Systems and Control, Southern Federal University (Russia).

Sadokhin Aleksandr Petrovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Culturology, Professor, Expert in socio-cultural expertise, Moscow Bar Association (Russia).

Sanzheeva Larisa Vasil'evna – Doctor of Culturology, Associate Professor, Professor of the Department of Ethnoculturology, Institute of the Peoples of the North, The Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia).

Serov Nikolai Viktorovich – Doctor of Culturology, Professor (Russia).

5.10.3. Types of art (with the indication of a particular art)

Burganova Mariya Aleksandrovna – Doctor of Art History, Professor, Full Member of the Russian Academy of Arts, Head of the Department of Monumental and Decorative Sculpture, Stroganov Russian State University of Art and Industry (Russia).

Kilimnik Evgenii Vital'evich – Doctor of Art History, Associate Professor, Professor, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lavrent'ev Aleksandr Nikolaevich – Doctor of Art History, Professor, Vice-Rector for Scientific and International Affairs, Stroganov Russian State University of Art and Industry (Russia).

Editorial Board

(PhDs, Doctors of Sciences in the Journal's Non-Major Specialties)

Burlina Elena Yakovlevna – Doctor of Philosophy, PhD in Art History, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Samara State Medical University (Russia).

Dokuchaev Il'ya Igorevich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Saint Petersburg State University, Professor of the Russian Academy of Education (Russia).

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Doctor of Law, Professor, Member of the Human Rights Ombudsman's Expert Council, Chief Scientific Officer of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Содержание

Теория и история культуры, искусства

Шубина Екатерина Сергеевна
История развития государственной политики России в отношении коренных малочисленных народов: социокультурный аспект 3

Шэнь Янь
Символическое значение панды в китайской культуре 15

Бедина Наталья Николаевна
Егорова Екатерина Николаевна
Узнанная цитата как приглашение к диалогу: опыт культурно-семантического анализа кинокартины «Последнее слово», режиссер М. Пеллингтон 24

Тораби Рогайех
Бахарлу Хади
Особенности перевода исторических текстов эпохи Сефевидов с русского на персидский язык 33

Сурков Артем Владимирович
Избыточность цифровых визуальных средств выразительности в медиа как проблема 44

Крылова Кристина Константиновна
Социальные аспекты жанрообразования медиатекстов англоязычных бизнес-СМИ 52

Цзян Ци
Трансформация образов и символов китайских праздников в современном культурном пространстве 62

Смирнов Олег Аркадьевич
Слабкая Диана Николаевна
Ограничение эффективности программ сохранения культурной идентичности коренных народов в условиях пенитенциарной системы Канады 70

Постнов Артём Георгиевич
Цифровой капитализм и постколониальная теория: критический анализ современных медиапрактик 77

Ван Цзинси
Функции вокальной музыки в современном кинематографе: семантика, драматургия и эмоциональное воздействие – на примере современных популярных западных фильмов 86

Виды искусства (с указанием конкретного искусства)

Крылова Виктория Игоревна
Особенности художественного языка станковой графики Алтая 1960-1980-х годов..... 99

Хайновская Татьяна Александровна
Петербургская композиторская школа в XXI веке: традиции и инновации 115

Ло Сы
Композитор Светлана Нестерова: художественный мир и особенности индивидуального стиля 121

Свирская Екатерина Васильевна
«Insular» и «Continental»: европейские влияния в английской музыке начала XVI века.....127

Мотин Данил Витальевич
Иррациональные мотивы в пьесах Теннеси Ульямса (пьеса «Кошка на раскаленной крыше») 137

Contents

Theory and history of culture, art

Ekaterina S. Shubina
History of the Development of Russian State Policy Regarding Indigenous Peoples: Sociocultural Aspects 3

Shen Yan
The Symbolic Meaning of the Panda in Chinese Culture 15

Natal'ya N. Bedina
Ekaterina N. Egorova
Recognizable Quotation as an Invitation to Dialogue: The Experience of Cultural-Semantic Analysis of the Film "The Last Word" Directed by M. Pellington 24

Torabi Rogayeh
Baharloo Hadi
Features of Translating Historical Texts of the Safavid Era from Russian into Persian 33

Artem V. Surkov
Redundancy of Digital Visual Expressive Means in Media as a Problem 44

Kristina K. Krylova
Social Aspects of Genre Formation in Media Texts of English-Language Business Media 52

Jiang Qi
Transformation of Images and Symbols of Chinese Holidays in Modern Cultural Space 62

Oleg A. Smirnov
Diana N. Slabkaya
Limitations on the Effectiveness of Cultural Identity Preservation Programs for Indigenous Peoples within the Canadian Penitentiary System 70

Artem G. Postnov
Digital Capitalism and Postcolonial Theory: A Critical Analysis of Contemporary Media Practices 77

Van Tszinsi
Functions of Vocal Music in Contemporary Cinema: Semantics, Dramaturgy, and Emotional Impact – Examples from Modern Popular Western Films 86

Types of art (with the indication of a particular art)

Viktoriya I. Krylova
Features of the Artistic Language of Altai Easel Graphics from the 1960s to 1980s 99

Tat'yana A. Khainovskaya
The St. Petersburg Composer School in the 21st Century: Traditions and Innovations 115

Luo Si
Composer Svetlana Nesterova: Artistic World and Features of Individual Style 121

Ekaterina V. Svirskaya
"Insular" and "Continental": European Influences in Early 16th Century English Music 127

Danil V. Motin
Irrational Motifs in Tennessee Williams' Plays (The Play "Cat on a Hot Tin Roof") 137

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 008 **DOI: 10.34670/AR.2025.67.72.001**

История развития государственной политики России в отношении коренных малочисленных народов: социокультурный аспект

Шубина Екатерина Сергеевна

Аспирант,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119234, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: Schubina1999@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается государственная политика России в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС) с точки зрения сохранения их языка и культурных традиций. Экономические и правовые аспекты данной политики уже освещены в научной литературе достаточно подробно. Цель настоящей статьи заключается в анализе влияния государственной политики на сохранение и развитие языка и культуры КМНС на разных этапах истории государства. В разные исторические периоды государственная политика по отношению к коренным малочисленным народам Севера (КМНС) менялась: от патерналистской модели к интеграции в социалистическое общество, а затем – к мерам по сохранению и защите этих народов и их культурного наследия. В отличие от имперского периода, политика советского государства значительно изменила социокультурные аспекты жизни этих народов. Несмотря на определенные достижения в сохранении культурного наследия (создание письменности и литературы, организация обучения на национальных языках), характерные для 1920-1930-х годов, дальнейшая политика государства, направленная на интеграцию коренных народов в советскую экономическую и социальную систему, имела негативные последствия. Многие малочисленные народы оказались в уязвимом положении, и их языки, культура и традиции оказались под угрозой исчезновения. Осознание этой проблемы на современном этапе привело к смене курса государственной политики и принятию активных мер по сохранению коренных малочисленных народов России и их культуры.

Для цитирования в научных исследованиях

Шубина Е.С. История развития государственной политики России в отношении коренных малочисленных народов: социокультурный аспект // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 8А. С. 3-14. DOI: 10.34670/AR.2025.67.72.001

Ключевые слова

Коренные малочисленные народы, государственная национальная политика, языковая политика, культура.

Введение

В процессе формирования государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Российской Федерации принято выделять три ключевых этапа, соответствующих важнейшим историческим периодам развития страны: имперский, советский и современный. Традиционно исследователи в своих работах опираются именно на эту периодизацию [С. Н. Виноградова (2010), Р. Ш. Гарипов (2010), В. А. Штыров (2012) и др.]. В настоящей статье мы не будем отходить от общепринятой традиции и рассмотрим историю государственной политики в отношении КМНС по этим основным этапам.

Основная часть

Имперский (царский) период

Политику царской и имперской России в отношении аборигенных народов условно можно разделить на два этапа, границей между которыми служит 1822 год. Первый этап характеризуется отсутствием активного вмешательства государства в жизнь коренного населения. Аборигенные народы, которые проживали на постепенно присоединяемых территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока, были обязаны выплачивать в казну ясак - вид дани, взимаемый в натуральной форме (мех, пушнина, кожа), и потому назывались в законодательстве «ясачными людьми». Коренные народы на этом этапе, хотя и несли материальную повинность, практически сохраняли независимость в вопросах самоуправления и регулирования своей жизни. Однако, как отмечает С. Н. Виноградова, в начале XVII века началось более активное освоение присоединенных территорий, натуральная повинность была заменена на денежную систему налогообложения, а часть ясачных людей перешла в категорию крепостных крестьян, что в совокупности привело к сокращению численности и обнищанию многих коренных народов [Виноградова, 2010, 128]. При таких обстоятельствах требовался новый подход к вопросам управления аборигенным населением. Ответом на эту потребность стала Сибирская административная реформа 1822 года, разработанная видным государственным деятелем М. М. Сперанским.

Реформа М. М. Сперанского ознаменовала собой второй этап развития государственной политики имперской России. Подготовленный М. М. Сперанским проект заменял понятие «ясачные люди», ранее применявшееся к коренному населению, на термин «инородцы» и предусматривал разделение аборигенного населения на категории «оседлых», «кочевых» и «бродячих». Принадлежность к той или иной группе определяла выбор подхода к социально-хозяйственному развитию народов.

При разработке реформы 1822 года учитывались особенности коренного населения, было проявлено внимательное и уважительное отношение к традициям и устоявшемуся образу жизни аборигенных народов. Так, «Устав об управлении инородцев» – один из ключевых указов, принятых в рамках осуществления реформы – закреплял за местным населением право на проживание на традиционных территориях и осуществление традиционной хозяйственной деятельности, разрешал инородцам иметь собственные институты самоуправления, гарантировал коренным народам свободу вероисповедания [М.М. Сперанский Устав «Об управлении инородцев», www]. Кроме этого, закон запрещал пришлому населению занимать земли, исторически принадлежащие инородцам, и использовать ресурсы, расположенные на этих территориях.

С социокультурной точки зрения важно отметить, что закон не предусматривал обязательное изучение коренными народами русского языка. Единственное упоминание, регулирующее использование языка, содержится в «Уставе» в параграфе 83 главы 1: «Ратуши сии и суды производят дела на татарском языке обыкновенного там наречия» [там же]. Здесь речь идет о торговых оседлых инородцах, численность которых в конкретном городе или месте довольно значительна, в связи с чем им разрешено иметь собственную ратушу или суды. При этом «Устав» предоставлял инородцам право отдавать своих детей в государственные учебные заведения и открывать свои училища.

Таким образом, реализованная реформа способствовала интеграции коренного населения в правовое поле Российской Империи, не оказав при этом негативного влияния на социальную и культурную стороны жизни аборигенов. Согласно В. А. Штырову, этап после реформы можно охарактеризовать сочетанием политики самоуправления и патернализма [Штыров, 2012, 10]. Со стороны государства осуществлялось лишь косвенное управление местным населением: государственная власть не вмешивалась в обыденную жизнь народов, у них сохранялись собственные институты самоуправления, а их традиции и культура не подвергались насильственным изменениям. Благодаря тщательно продуманной реформе М. М. Сперанского коренные народы смогли сохранить свою культурную идентичность, традиционный хозяйственный уклад и социальную организацию.

Говорить об изменениях в численности инородцев в течение имперского периода довольно сложно из-за отсутствия точных данных. Как отмечает В. М. Кабузан, учёт нерусского населения страны начал вестись лишь с 1840-х годов [Кабузан, 1992]. До этого времени информация о численности и составе инородческого населения была разрозненной и неполной. Однако российский статистик и этнограф П. И. Кеппен в середине XIX века занимался сбором данных о численности инородцев в Европейской части России. Согласно составленным им материалам, по ревизии 1834 года, в России проживало чуть более 2,3 миллионов инородцев (без учета тех народов, которые на сегодняшний день не относятся к КМНС) [Кеппен, 1853, 41]. Согласно переписи уже 1897 года, в Российской Империи на территории Европейской России, Кавказа и Сибири проживало 1 405 897 инородцев, а всего (с учетом территорий Польши и Средней Азии) - 8 297 965 [Рубакин, 2013, 54-56]. Важно отметить, что сокращение показателей не обязательно свидетельствует об уменьшении численности инородцев. Вероятно, в переписи 1897 года к данной категории были отнесены не все народы, которые учитывались в ревизии 1834 года. Кроме этого, инородцы в переписи 1897 года понимаются как отдельное сословие, а не национальность.

Если имперский период не оказал значительного воздействия на состояние быта, традиций и культуры коренных народов, то изменения государственной политики, произошедшие в советское время, в значительной мере повлияли на трансформацию упомянутых социокультурных аспектов в жизни аборигенных народов.

Государственная политика в период СССР

Государственная политика Советского Союза в отношении коренных народов не была однородной и претерпевала значительные трансформации на протяжении различных этапов своего существования. В рамках этой политики применялись различные подходы и стратегии, направленные на сохранение культурной идентичности, а впоследствии на интеграцию и ассимиляцию коренных народов.

В первые годы советской власти не существовало конкретного термина для обозначения коренных малочисленных народов, как не было и устоявшегося списка этносов, которые можно

было отнести к этой группе. Как отмечает М. А. Сергеев, окончательно перечень «малых народов Севера» определился лишь в начале 1930-х годов и включал в себя 27 народностей [Сергеев, 1947, 129].

В 1920-е – начале 1930-х годов советским правительством проводилась политика коренизации, в рамках которой были предприняты попытки создания национально-территориальных образований, что способствовало формированию этнической идентичности и сохранению культурного наследия. Государство стремилось оказать содействие коренным народам, оказавшимся в условиях социально-экономических трансформаций, для чего в 1924 году был создан специальный Комитет содействия народностям северных окраин. Этот орган был призван координировать политику в отношении этнических меньшинств, проживающих в арктических и субарктических регионах, с целью их адаптации к новым реалиям. Кроме этого, на данном этапе государство стремилось к ликвидации безграмотности среди коренного населения. Важнейшим результатом этой инициативы стало создание национальных письменностей, которые позволили разработать и издать учебные материалы, включая буквари и учебники, на родном языке представителей этнических групп [Виноградова, 2010, 132]. Так, например, в сборнике «Материалы по развитию языков и письменности народов севера в Мурманском округе» [Материалы…, 1934, 14-15] был предоставлен отчет о командировке в Полярный район Мурманского округа, в котором было отмечено, что в некоторых местных школах, включая Западнолицкую и Титовскую школы, наряду с представителями финского, русского и карельского этносов обучаются дети саамской национальности, однако на момент экспедиции (1933 год) для данной категории учащихся специализированные учебные материалы, такие как учебники и буквари, были недоступны. В связи с этим была отмечена необходимость организации отдельных образовательных групп для обучения саамских детей. В этот период создается первый букварь саамского (лопарского) языка (1933) [Черняков, 1933], учебник арифметики для начальной школы на саамском языке (1934) [Попова, 1934], а также ряд книг для чтения на саамском языке: Что дала Октябрьская Революция трудящимся саамам [Что дала Октябрьская Революция…,1933], Что такое индустриализация страны [Валерштайн, 1934], Животные жарких стран [Чарушин, 1935] и др.

В послевоенный период политика в отношении коренных народов претерпела значительные изменения, направленные на их интеграцию в советскую экономическую и социальную систему. Государство создавало условия для развития образования, здравоохранения и культуры в районах проживания аборигенного населения. Однако, несмотря на эти меры, коренные народы продолжали сталкиваться с проблемами дискриминации и ограничения в правах, что затрудняло их полноценное участие в общественной и политической жизни.

Так, в 1950-60-е годы в государственной политике по отношению к коренным малочисленным народам преобладали патерналистские тенденции и стремление полностью изменить их образ жизни. На этом этапе происходила реорганизация колхозов в совхозы и ликвидация неперспективных населенных пунктов. В результате этих процессов большинство жителей отдалённых оленеводческих стойбищ, рыбацких и охотничьих стоянок были переселены в укрупненные посёлки. Детей часто отлучали от семей и отправляли на воспитание в интернаты. Помимо этого, осуществлялась политика борьбы с кочевым образом жизни. Советское правительство проводило курс на переход к оседлости, а традиционные виды хозяйственной деятельности, такие как оленеводство, были переведены на вахтовый метод организации труда [Виноградова, 2010, 134]. В результате перехода к оседлому образу жизни, укрупнения поселений и преимущественно интернатского воспитания произошли значительные

изменения в традиционном укладе жизни коренных народов Севера, что привело к утрате многовековых культурных традиций. Новое поколение, которое исследователь Н. Б. Вахтин определяет как «поколение перелома» [Вахтин, 1993, 46], в силу отсутствия полноценного семейного воспитания не смогло в достаточной мере усвоить традиционную культуру и ценности своего народа, в связи с чем передача этого наследия потомкам оказалась под угрозой. Особенно пострадало нематериальное культурное наследие некоторых народов. Так, например, по мнению О.Б. Степановой, советское государство прививало селькупам новую культуру, однотипную для всех народов севера, в связи с чем безвозвратно была утеряна их танцевальная традиция [Степанова, www].

Аналогичные процессы затронули и языковое разнообразие – укрупнение поселков часто приводило к смешению представителей различных коренных народов, в результате чего некоторые языки оказывались в невыгодном положении и постепенно исчезали. Такая ситуация, в частности, произошла с науканским языком, некогда распространенным на территории Чукотки. В 1958 году в рамках политики, направленной на укрупнение населенных пунктов, был ликвидирован поселок Наукан. После этого события жители были переселены в четыре населенных пункта: Уэлен, Лаврентия, Пинакуль и Нунямо [Членов, 2016, 65]. Эти переселения были практически насильственными и привели к тому, что в новых местах жительства науканцы оказались в меньшинстве по сравнению с численно доминирующими чукчами и русскими, что, безусловно, повлияло на стремительную утрату науканского языка.

В 1960–1970-е годы советское правительство продолжало проводить активную политику в области повышения уровня грамотности и развития образовательной инфраструктуры на северных и дальневосточных территориях страны. На этом этапе со стороны государства предпринималась попытка продолжить предоставление образования на национальных языках коренных народов, однако эту инициативу не удавалось реализовать в полной мере. Как отмечает А. В. Ахметова, одной из ключевых проблем стал разный уровень владения родным языком детьми, которые до поступления в первый класс проживали в семьях, и детьми, воспитывавшимися в интернатах, где основным языком общения был русский [Ахметова, 2014, 117]. Это обстоятельство затрудняло внедрение программ обучения на национальных языках в общеобразовательных школах и, несмотря на подготовку профессиональных педагогов и воспитателей, владеющих как русским, так и национальными языками, процесс русификации населения остановить было уже невозможно.

Результаты политики, проводимой во времена СССР, отражены в том числе в изменившейся статистике владения родным языком. По данным всесоюзных переписей 1959 и 1989 годов, число представителей малых народов, для которых родным является язык их национальности, уменьшилось в среднем на 27,8%, несмотря на общий рост численности этих народов (около 121 тыс. человек в 1959 г., 184,5 тыс. человек в 1989 году). Единственным исключением стали алеуты: доля представителей этого этноса, владеющих родным языком, составила 22% в 1959 году и увеличилась до 27% в 1989 году [Вахтин, 1993, 47].

Период перестройки ознаменовался пробуждением национального самосознания среди представителей коренного населения [Виноградова, 2010, 136]. В это время были предприняты первые меры, направленные на возрождение, сохранение и защиту культурного наследия, традиций и языков, однако инициатива в данном случае исходила не от государства, а со стороны общественности. Активное развитие данных процессов наблюдалось уже после распада Советского государства и относится к современному этапу.

Таким образом, государственная политика Советского Союза в отношении коренных

малочисленных народов была сложным и противоречивым процессом, включающим как положительные, так и отрицательные аспекты. Несмотря на определённые достижения в области сохранения культурного наследия, политика, проводимая советским правительством, привела к значительным негативным последствиям. В период СССР многие коренные малочисленные народы оказались в уязвимом положении, а их языки, культура и традиции, представляющие уникальные объекты культурно-исторического наследия, оказались под угрозой исчезновения.

Современный этап

Итак, к концу XX века в России сложилась необходимость разработки и внедрения новой государственной политики, ориентированной на сохранение и защиту коренных народов, их традиций, наследия и культуры. Этот процесс требовал комплексного подхода, включающего правовую, социальную и экономическую составляющие. Особое внимание было необходимо уделить интересам и потребностям самих коренных народов.

В контексте правового регулирования вопросов, касающихся КМНС, следует отметить важную роль законодательных актов, принятых в 1990-е годы. В частности, Конституция Российской Федерации 1993 года, закрепив статус и особые права коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, стала важным шагом в признании и защите этнокультурного многообразия страны. Другим значимым документом стал принятый в 1999 году Федеральный закон № 82 «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», установивший правовые основы гарантий самобытного социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов РФ. Данный закон дает следующее определение КМНС: «коренные малочисленные народы Российской Федерации - народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями». В 2000 году впервые был утвержден Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. Согласно его последней редакции от 18 декабря 2021 года, на сегодняшний день в России существует 47 коренных малочисленных народов [Постановление…, www], их общая численность составляет 262,6 тыс. человек.

В 1990-е годы усилилась активность общественных движений – представители коренных народов стали формировать собственные объединения. Так, например, в марте 1990 года состоялся первый съезд коренных малочисленных народов Севера (КМНС), на котором делегатам была предоставлена возможность заявить о своих интересах на федеральном уровне. В 1993 году была официально учреждена Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (АКМНСС и ДВ РФ), которая продолжает функционировать и в настоящее время, представляя собой важнейшую общественную организацию, занимающуюся защитой прав и интересов этнических меньшинств в этих регионах. На момент создания Ассоциация объединяла 26 малочисленных народов, имевших данный статус со времен СССР.

На современном этапе ведется активное взаимодействие между государством и общественными организациями, представляющими интересы коренных малочисленных народов. В частности, эта тенденция отразилась в проведении Россией Первого Международного десятилетия коренных народов мира (1995-2004 гг.), провозглашенного Генеральной Ассамблеей ООН, и проходившего под девизом «Коренные народы: партнерство

в действии». Как отмечает М. А. Никитин, одним из важнейших результатов Первого десятилетия стало обеспечение постоянного взаимодействия между федеральным центром, общественными организациями и регионами [Никитин, 2008, 6].

Будучи государством-членом ООН, Россия продолжила реализацию международных инициатив, посвященных положению коренных народов в мире. С 2005 по 2014 годы прошло Второе Международное десятилетие, призванное закрепить и развить достижения Первого десятилетия. Однако особый интерес в рамках социокультурного аспекта государственной политики представляет Третье Международное десятилетие (2022-2032 гг.) – десятилетие языков коренных народов.

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2020 года, среди 47 этнических групп только у пяти народов более 90% представителей указали язык своей национальности в качестве родного (абазины, сойоты, теленгиты, тувинцы-тоджинцы и шапсуги). Еще у десяти народов этот показатель превышает 50 % [ВПН 2020, www]. В этой связи на современном этапе государство уделяет серьезное внимание вопросам языковой политики и сохранения традиционных культур, что выражается в разработке и реализации многочисленных федеральных программ и проектов в данной области. Ярким примером является Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная указом Президента РФ в 2012 году. В 2017 году в Совете Федерации состоялись парламентские слушания, в ходе которых обсуждалась реализация данной стратегии в части обеспечения прав КМНС. В опубликованном на официальном сайте Совета Федерации отчете упоминаются такие направления деятельности, как создание необходимых условий для получения дошкольного и школьного образования на родных языках, поддержка СМИ на родных языках, трансформация школ-интернатов в учреждения семейного типа и создание мобильно-кочевых школ [Реализация стратегии…, www].

Необходимо также упомянуть Концепцию государственной языковой политики Российской Федерации, утвержденную Правительством в 2024 году, в которой особое место отводится вопросам сохранения традиционных языков КМНС. Характеризуя современное состояние языковой политики РФ, Концепция указывает на проблему нарушения межпоколенческой передачи языков и отмечает необходимость разработки системного подхода к сохранению, изучению и развитию языков народов Российской Федерации [Распоряжение Правительства РФ…, www]. В качестве одного из основных направлений государственной языковой политики РФ называется «разработка и утверждение грамматик, содержащих нормы языков коренных малочисленных народов Российской Федерации, правил орфографии и пунктуации этих языков» [там же].

Говоря о Десятилетии языков, охватывающем период с 2022 по 2032 годы, стоит отметить, что в рамках данной инициативы в России запланировано проведение 64 мероприятий, значительная часть которых носит постоянный или регулярный характер, с периодичностью один или два года. Согласно официальному плану, программа десятилетия нацелена на решение обширного круга задач и включает в себя:

– «Мероприятия по совершенствованию государственного управления и взаимодействию с институтами гражданского общества;
– Мероприятия в сфере образования и подготовки педагогических кадров;
– Мероприятия в сфере науки;
– Мероприятия в сфере цифровизации и культуры;
– Мероприятия в сфере книгоиздания и средств массовой информации;

– Информационное обеспечение проведения в Российской Федерации Международного десятилетия языков коренных народов» [План…, www].

Стоит отметить, что за прошедшие три года в рамках Международного десятилетия языков было проведено большое количество мероприятий, многие проекты уже воплощены в жизнь или же находятся на активной стадии реализации.

Отдельно стоит выделить созданный в рамках десятилетия интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: языки и культуры [Интерактивный атлас…, www]. Данный проект предоставляет подробную информацию о культурных, экономических и социальных аспектах жизни всех 47 коренных малочисленных народов РФ. Атлас также дает комплексную социолингвистическую и географическую характеристику каждому из этих национальных языков и предоставляет возможность ознакомиться с аудио- и видеоматериалами.

Официальный сайт Десятилетия регулярно пополняется новостями и отчетами о прошедших событиях, среди которых: конкурсы эссе на национальных языках [В Карелии идёт конкурс…, www], [В Югре идёт конкурс…, www] конкурсы для педагогов [В Югре объявлен конкурс…, www], [В Ханты-Мансийске прошел форум…, www], работа над учебными материалами, создание словарей, корпусов и онлайн-переводчиков [В Иркутске состоится презентация…, www] и многое другое. Важнейшее направление деятельности в данной области занимает профессиональная подготовка преподавателей национальных языков. Так, в 2022 году Мурманский арктический государственный университет стал первым вузом в России, где начали готовить специалистов по преподаванию саамского языка. Новая образовательная программа называется «Технологии преподавания саамского языка» и реализуется в магистратуре на направлении «Филология». Первые выпускники программы уже получили квалификацию преподавателей саамского языка и смогут работать в различных образовательных учреждениях [В Мурманске защитились магистры…, www]. В августе 2025 года в Хабаровском крае пройдут мероприятия, нацеленные на поддержку языков и культур КМНС, проживающих в данном регионе. В частности, в ближайшее время стартует первый этап обучения по программе повышения квалификации «Родной язык и литература». Программа охватывает 8 языков КМНС: нанайский, негидальский, нивхский, удэгейский, ульчский, орочский, эвенский и эвенкийский [Хабаровский край …, www].

Таким образом, становится очевидным, что на современном этапе вопрос сохранения культурного наследия и языков КМНС становится всё более актуальным, и на государственном и общественном уровнях реализуются комплексные программы и проекты, направленные на поддержку и развитие их традиций, обычаев и языков. Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, проблема всё ещё требует дальнейшего внимания и активизации действий со стороны всех заинтересованных сторон.

Заключение

На различных этапах истории государственная политика в отношении КМНС прошла трансформацию от политики патернализма до стремления интегрировать коренное население в социалистическое общество, а впоследствии – к целенаправленным мерам по охране и защите народов и их наследия.

На сегодняшний день, когда угроза исчезновения многих коренных народов и их уникального наследия стала очевидной, перед государством стоит задача не только

задокументировать или искусственно возродить языки и культурные традиции, но также способствовать их развитию, популяризации и интеграции в повседневную жизнь населения. Это позволит не только сохранить культурное наследие, но и создать условия для его дальнейшего обогащения и адаптации к современным реалиям.

Библиография

1. Ахметова А. В. Эволюция системы воспитания и образования коренных малочисленных народов Дальнего Востока в 1960-е – начале 1990-х гг. // Документ. Архив. История. Современность. 2014. С. 112-121.
2. В Иркутске состоится презентация переиздания русско-эвенкийского словаря URL: https://lingvo.kmnsoyuz.ru/2025/04/01/в-иркутске-состоится-презентация-пер/
3. В Карелии идёт конкурс эссе на национальных языках «Напиши о Великой Победе!» URL: https://lingvo.kmnsoyuz.ru/2025/04/16/в-карелии-идёт-конкурс-эссе-на-национа/
4. В Мурманске защитились магистры технологии преподавания саамского языка // Языковой портал URL: https://lingvo.kmnsoyuz.ru/2024/06/25/в-мурманске-появились-магистры-по-тех/
5. В Ханты-Мансийске прошел Форум молодых преподавателей родного языка и литературы URL: https://lingvo.kmnsoyuz.ru/2025/04/22/в-ханты-мансийске-прошел-форум-молоды/
6. В Югре объявлен конкурс на лучшего педагога родного языка коренных малочисленных народов URL: https://lingvo.kmnsoyuz.ru/2025/03/31/в-югре-объявлен-конкурс-на-лучшего-пед/
7. В Югре проводится конкурс эссе на родных языках коренных малочисленных народов URL: https://lingvo.kmnsoyuz.ru/2025/04/10/в-югре-проводится-конкурс-эссе-на-родн/
8. Валерштайн Л. М. Что такое индустриализация страны. Мурманск: Издание комитета нового алфавита, 1934. 18 с.
9. Вахтин Н. Б. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб. - Париж Издательство Европейского дома, 1993. 96 с.
10. Виноградова С. Н. Формирование государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: ретроспективный анализ // Труды Кольского научного центра РАН. 2010. №. 2. С. 127-139.
11. Всероссийская перепись населения 2020 г. Том 5. Население коренных малочисленных народов Российской Федерации по родному языку: таблица 20 [Электронный ресурс] // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami
12. Гарипов Р. Ш. Государственная политика в сфере обеспечения прав коренных малочисленных народов России: история и современность // Российский юридический журнал, 2010. №. 3. С. 23-30.
13. Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: языки и культуры URL: https://atlaskmns.ru/
14. Кабузан В. М. Народы России в первой половине XIX в.: численность и этнический состав. М., 1992.
15. Кеппен П. И. Об этнографической карте Европейской России 2-е изд. СПб: Имп. Рус. геогр. о-во, 1853. 40 с.
16. Материалы по развитию языков и письменности народов севера в Мурманском округе Вып. 1 Мурманск: Издание Комитета Нового Алфавита, 1934. 44 с.
17. Никитин М.А. Государственно-национальная политика в отношении малочисленных народов России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. №8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvenno-natsionalnaya-politika-v-otnoshenii-malochislennyh-narodov-rossii (дата обращения: 07.06.2025).
18. Парламентские слушания «Реализация Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в части обеспечения прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Совет Федерации URL: http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/84801/
19. План основных мероприятий по проведению в 2022 - 2032 годах в Российской Федерации Международного десятилетия языков коренных народов https://lingvo.kmnsoyuz.ru/wp-content/uploads/2022/02/План-основных-мероприятий-по-проведению-в-2022-2032-годах-в-Российской-Федерации-Международного-десятилетия-языков-коренных-народов.pdf
20. Попова Н. С. Учебник арифметики для начальной школы. Л.: ОГИЗ, 1934. 64 с.
21. Постановление Правительства Российской Федерации от 24.03.2000 г. № 255 URL: http://government.ru/docs/all/34970/
22. Распоряжение Правительства РФ от 12.06.2024 N 1481-р Об утверждении Концепции государственной языковой политики Российской Федерации // Судебные и нормативные акты РФ URL: https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-12062024-n-1481-r/

23. Рубакин Н. А. Россия в цифрах. – М.: Рипол Классик, 2013.
24. Сергеев М. А. Малые народы Севера в эпоху социализма // Советская этнография. 1947. №. 4. С. 126-158.
25. Сперанский М.М. Указ «Об управлении инородцев», 1822 // Россия: библиотека Пашкова [Электронный ресурс] URL: https://constitutions.ru/?p=20069
26. Степанова О.Б. Селькупы. Современное культуротворчество // Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: языки и культуры URL: https://atlaskmns.ru/page/ru/people_selcupy_modart.html
27. Указ Президента Российской Федерации О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Правительство России 19.12.2012 URL: http://government.ru/docs/all/85503/
28. Федеральный закон от 30.04.1999 "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" (последняя редакция) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928/
29. Хабаровский край масштабно подошел к подготовке учителей родных языков // Языковой портал URL: https://lingvo.kmnsoyuz.ru/2024/06/25/в-мурманске-появились-магистры-по-тех/
30. Чарушин Е. И. Животные жарких стран. Л.: ОГИЗ – ДЕТГИЗ, 1935. 10 с.
31. Черняков З. Е. Букварь на саамском языке. Л.: ОГИЗ, 1933. 70 с.
32. Членов М. А., Крупник И. И. Наукан: главы к истории // Спасти и сохранить: Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения. Материалы научно-практической конференции в Анадыре 12-14 апреля 2016 г. М., 2016. – Вып. 1. С. 38-73.
33. Что дала Октябрьская Революция трудящимся саамам. Л: Ленпартиздат, 1933. 16 с.
34. Штыров В. А. Государственная политика в области обеспечения устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. М., 2012. С. 8-23.

History of the Development of Russian State Policy Regarding Indigenous Peoples: Sociocultural Aspects

Ekaterina S. Shubina

Postgraduate Student,
Lomonosov Moscow State University,
119234, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: Schubina1999@mail.ru

Abstract

This article examines Russia's state policy towards the indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East (IPN) from the perspective of preserving their languages and cultural traditions. The economic and legal aspects of this policy have already been covered in considerable detail in the academic literature. The purpose of this article is to analyze the impact of state policy on the preservation and development of the language and culture of IPN at different stages of the state's history. Over different historical periods, state policy toward the Indigenous Peoples of the North (IPN) has evolved: from a paternalistic model to integration into socialist society, and then to measures to preserve and protect these peoples and their cultural heritage. Unlike the imperial period, Soviet state policy significantly altered the sociocultural aspects of these peoples' lives. Despite certain achievements in preserving cultural heritage (the creation of written languages and literature, the organization of education in national languages) characteristic of the 1920s and 1930s, subsequent state policy aimed at integrating indigenous peoples into the Soviet economic and social system had negative consequences. Many IPNs found themselves in a vulnerable position, and their languages, culture, and traditions were at risk of extinction. Recognition of this problem in the

modern era has led to a shift in state policy and the adoption of active measures to preserve the indigenous peoples of Russia and their culture.

For citation

Shubina E.S. (2025) Istoriya razvitiya gosudarstvennoi politiki Rossii v otnoshenii korennykh malochislennykh narodov: sotsiokul'turnyi aspekt [History of the Development of Russian State Policy Regarding Indigenous Peoples: Sociocultural Aspects]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (8A), pp. 3-14. DOI: 10.34670/AR.2025.67.72.001

Keywords

Indigenous minorities, state nationalities policy, language policy, culture.

References

1. Akhmetova A. V. (2014) Evolyutsiya sistemy vospitaniya i obrazovaniya korennykh malochislennykh narodov Dal'nego Vostoka v 1960-e – nachale 1990-kh gg. [Evolution of the system of upbringing and education of indigenous small-numbered peoples of the Far East in the 1960s – early 1990s.] *Document. Archive. History. Modernity*, pp. 112-121.
2. Vinogradova S. N. (2010) Formirovanie gosudarstvennoy politiki v otnoshenii korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: retrospektivnyy analiz [Formation of state policy towards indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia, and the Far East: a retrospective analysis]. *Proceedings of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences*, no. 2, pp. 127-139.
3. Garipov R. Sh. (2010) Gosudarstvennaya politika v sfere obespecheniya prav korennykh malochislennykh narodov Rossii: istoriya i sovremennost' [State policy in the field of ensuring the rights of indigenous small-numbered peoples of Russia: history and modernity]. *Russian Law Journal*, no. 3, pp. 23-30.
4. Nikitin M. A. (2008) Gosudarstvenno-natsional'naya politika v otnoshenii malochislennykh narodov Rossii [State-national policy towards small-numbered peoples of Russia]. *Bulletin of Adyghe State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Culturology*, no. 8. Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvenno-natsionalnaya-politika-v-otnoshenii-malochislennyh-narodov-rossii [Accessed 07/06/25].
5. Sergeev M. A. (1947) Malye narody Severa v epokhu sotsializma [Small peoples of the North in the era of socialism]. *Soviet Ethnography*, no. 4, pp. 126-158.
6. Chlenov M. A., Krupnik I. I. (2016) Naukan: glavy k istorii [Naukan: chapters to history]. In: *Save and Preserve: The Cultural Heritage of Chukotka: Problems and Prospects of Preservation*. Proceedings of the scientific-practical conference in Anadyr, April 12–14, 2016. Moscow, no. 1, pp. 38-73.
7. *Language Portal* (2025, April 1). Presentation of the reissue of the Russian-Evenki dictionary to take place in Irkutsk. *Language Portal*. https://lingvo.kmnsoyuz.ru/2025/04/01/в-иркутске-состоится-презентация-пер/ [Ac. 07/06/25].
8. Language Portal (2025, April 16). Essay contest in national languages "Write about the Great Victory" underway in Karelia. *Language Portal*. https://www.perplexity.ai/search/kak-oformit-bibliograficheskii-BMBKZET.SmOw3P78k0Ss7Q?login-source=visitorGate&login-new=true [Accessed 07/06/25].
9. Language Portal (2024, June 25). Masters defend theses in the technology of teaching the Saami language in Murmansk. *Language Portal*. https://lingvo.kmnsoyuz.ru/2024/06/25/в-мурманске-появились-магистры-по-тех/ [Accessed 07/06/25].
10. Language Portal (2025, April 22). Forum of young teachers of native language and literature held in Khanty-Mansiysk. *Language Portal*. https://lingvo.kmnsoyuz.ru/2025/04/22/в-ханты-мансийске-прошел-форум-молоды/ [Accessed 07/06/25].
11. Language Portal (2025, March 31). Competition announced for the best teacher of the native language of indigenous small-numbered peoples in Yugra. *Language Portal*. https://lingvo.kmnsoyuz.ru/2025/03/31/в-югре-объявлен-конкурс-на-лучшего-пед/ [Accessed 07/06/25].
12. Language Portal (2025, April 10). Essay contest in native languages of indigenous small-numbered peoples held in Yugra. *Language Portal*. https://lingvo.kmnsoyuz.ru/2025/04/10/в-югре-проводится-конкурс-эссе-на-родн/ [Accessed 07/06/25].
13. Interactive Atlas of Indigenous Small-Numbered Peoples of the North, Siberia and the Far East: Languages and Cultures (n.d.). Available at: https://atlaskmns.ru/ [Accessed 07/06/25].
14. Federation Council (n.d.). Parliamentary hearings “Implementation of the Strategy of State National Policy of the Russian Federation until 2025 regarding the rights of indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East”. *Federation Council*. http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/84801/ [Accessed 07/06/25].

15. Plan osnovnyh meropriyatiy po provedeniyu v 2022-2032 godah v Rossiyskoy Federatsii mezhdunarodnogo desyatiletiya yazykov korennyh narodov [Plan of main events for conducting the International Decade of Indigenous Languages of the Russian Federation in 2022–2032 (n.d.)]. Available at: https://lingvo.kmnsoyuz.ru/wp-content/uploads/2022/02/План-основных-мероприятий-по-проведению-в-2022-2032-годах-в-Российской-Федерации-Международного-десятилетия-языков-коренных-народов.pdf (Accessed 07 June 2025).
16. Government of the Russian Federation (2000, March 24). Decree No. 255. Available at: http://government.ru/docs/all/34970/ [Accessed 07/06/25].
17. Government of the Russian Federation (2024, June 12). Order No. 1481-r on approval of the Concept of State Language Policy of the Russian Federation. *Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation*. https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-12062024-n-1481-r/ [Accessed 07/06/25].
18. Speransky M. M. (1822). Decree "On the management of aliens". In: Russia: Pashkov Library [Electronic resource]. Available at: https://constitutions.ru/?p=20069 [Accessed 07/06/25].
19. Stepanova O. B. (n.d.). Selkups. Contemporary cultural creativity. In: Interactive Atlas of Indigenous Small-Numbered Peoples of the North, Siberia and the Far East: Languages and Cultures. Available at: https://atlaskmns.ru/page/ru/people_selcupy_modart.html [Accessed 07/06/25].
20. President of the Russian Federation (2012, December 19). Decree on the Strategy of State National Policy of the Russian Federation until 2025. *Government of Russia*. http://government.ru/docs/all/85503/ [Accessed 07/06/25].
21. Federal Law of 30.04.1999 "On guarantees of the rights of indigenous small-numbered peoples of the Russian Federation" (latest edition). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928/ [Accessed 07/06/25].
22. Language Portal (2024, June 25). Khabarovsk Krai intensively prepared teachers of native languages. *Language Portal*. https://lingvo.kmnsoyuz.ru/2024/06/25/в-мурманске-появились-магистры-по-тех/ [Accessed 07/06/25].
23. Valershtein L. M. (1934) *Chto takoe industrializatsiia strany* [What is the Industrialization of a Country]. Murmansk: Izdanie komiteta novogo alfavita. 18 pp.
24. Vakhtin N. B. (1993) *Korennoe naselenie Krainego Severa Rossiiskoi Federatsii* [Indigenous Population of the Far North of the Russian Federation]. St. Petersburg–Paris: Izdatel'stvo Evropeiskogo doma. 96 pp.
25. Kabuzan V. M. (1992) *Narody Rossii v pervoi polovine XIX veka: chislennost' i etnicheskii sostav* [The Peoples of Russia in the First Half of the 19th Century: Number and Ethnic Composition]. Moscow.
26. Keppen P. I. (1853) *Ob etnograficheskoi karte Evropeiskoi Rossii* [On the Ethnographic Map of European Russia]. 2nd ed. St. Petersburg: Imp. Russ. geogr. obshchestvo. 40 pp.
27. *Materialy po razvitiiu iazykov i pis'mennosti narodov Severa v Murmanskom okruge*, vyp. 1 [Materials on the Development of Languages and Literacy of the Peoples of the North in Murmansk District, vol. 1]. (1934) Murmansk: Izdanie Komiteta Novogo Alfavita. 44 pp.
28. Popova N. S. (1934) *Uchebnik arifmetiki dlia nachal'noi shkoly* [Arithmetic Textbook for Primary School]. Leningrad: OGIZ Publ. 64 pp.
29. Rubakin N. A. (2013) *Rossiia v tsifrakh* [Russia in Figures]. Moscow: Ripol Klassik Publ.
30. Charushin E. I. (1935) *Zhivotnye zharkikh stran* [Animals of Hot Countries]. Leningrad: OGIZ–DETGIZ Publ. 10 pp.
31. Chernyakov Z. E. (1933) *Bukvar' na saamskom iazyke* [Primer in the Saami Language]. Leningrad: OGIZ Publ. 70 pp.
32. *Chto dala Oktyabr'skaia Revoliutsiia trudiaschimsia saamam* [What Did the October Revolution Give to the Working Saami]. (1933) Leningrad: Lenpartizdat Publ. 16 pp.
33. Shtyrov V. A. (2012) "Gosudarstvennaia politika v oblasti obespecheniia ustoichivogo razvitiia korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiiskoi Federatsii" [State Policy on Ensuring the Sustainable Development of Indigenous Minorities of the North, Siberia, and the Russian Far East], in *Sovremennoe sostoianie i puti razvitiia korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiiskoi Federatsii*. Moscow, pp. 8–23.
34. Rosstat (2020) *All-Russian Population Census 2020. Volume 5. Population of Indigenous Small-Numbered Peoples of the Russian Federation by Native Language: Table 20* [online]. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami [Accessed 07/06/05].

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 008 **DOI: 10.34670/AR.2025.94.71.002**

Символическое значение панды в китайской культуре

Шэнь Янь

Аспирант,
Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: 136843047@qq.com

Аннотация

В статье проводится комплексный анализ символического значения панды в китайской культуре, раскрывается её роль как многогранного культурного кода, интегрирующего философские, художественные и социально-политические аспекты. Исследуется эволюция образа панды от древних мифологических представлений до современной дипломатической практики и экологического символизма. Особое внимание уделяется интерпретации чёрно-белого окраса панды в контексте философии Инь-Ян, а также её репрезентации в искусстве и фольклоре. Подчёркивается значимость панды как инструмента мягкой силы и национального бренда Китая. На основе междисциплинарного подхода выявлены механизмы трансформации и адаптации культурного символа в условиях глобализации.

Для цитирования в научных исследованиях

Шэнь Янь. Символическое значение панды в китайской культуре // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 8А. С. 15-23. DOI: 10.34670/AR.2025.94.71.002

Ключевые слова

Панда, Культурный Символ, Китай, Философия Инь-Ян, Дипломатия Панд, Художественный Образ.

Введение

Панда, как уникальный биологический вид и глубокий культурный символ, занимает особое место в китайской цивилизации. Её черно-белый окрас, миролюбивый характер и связь с традиционной философией делают её не только объектом научных исследований, но и важным элементом национальной идентичности Китая. В условиях роста глобального интереса к китайской культуре и усиления роли мягкой силы актуализируется необходимость комплексного изучения символического значения панды в историческом, философском, художественном и социальном контекстах. Данная статья направлена на системный анализ многомерной символики панды в китайской культуре, прослеживание её эволюции от древних мифологических представлений до современных дипломатических и экологических практик. Особое внимание уделяется философской интерпретации образа панды в рамках концепции Инь-Ян, её роли в искусстве и фольклоре, а также современным вызовам, связанным с коммодификацией и сохранением вида.

Исследование основано на междисциплинарном подходе, сочетающем методы культурологии, семиотики, философии и экологии. Результаты работы могут быть использованы в дальнейших исследованиях китайской культуры, а также в практике публичной дипломатии и экологического просвещения.

Многомерная интерпретация образа панды как культурного символа

Панда как эндемичный флаговый вид Китая подверглась глубокому процессу символизации, в котором её образ был неразрывно связан с национальной стратегией развития. В данном процессе биологический объект был постепенно трансформирован в национальный символ, наделённый множеством значений. В начальный период становления Китайской Народной Республики большим пандам была придана роль «символов мира», которые в качестве государственных даров использовались для преодоления дипломатической изоляции и передачи дружественных сигналов [Официальный сайт Народного правительства района Куньлунь, www]. В период реформ и открытости, после создания механизмов научно-технического и культурного сотрудничества между Китаем и другими странами, панда стала использоваться в качестве посредника в транснациональном научном сотрудничестве и гуманитарном обмене, а её образ стал систематически и интернационально представляться. С начала XXI века, в условиях активного участия Китая в дискурсе глобального экологического управления, образ большой панды был трансформирован в символ национальной мягкой силы и экологической цивилизации, что рассматривается как воплощение взятия на себя ответственности в области сохранения биоразнообразия и устойчивого развития.

«Пандовая дипломатия» как важный компонент публичной дипломатии Китая характеризуется значительной трансформацией практической модели: от политического дарения к научно-техническому сотрудничеству. Начальный этап был обозначен как «период дарения подарков», в течение которого 23 большие панды были переданы Китаем в дар девяти странам, включая СССР, КНДР, США и Японию, с целью передачи дружественных чувств и политической доброй воли через редких животных. Последующий этап был определен как «период коммерческих гастролей», когда панды временно предоставлялись в аренду для международных выставок [Хуаньцюван, www]. Данным механизмом не только расширялось культурное влияние, но и формировалась первоначальная система финансирования

природоохранной деятельности. Современный этап характеризуется переходом к «периоду научного сотрудничества», в рамках которого осуществляются долгосрочные и системные международные проекты, сфокусированные на исследованиях по охране панд. Подобным сотрудничеством охватываются как научно-технические аспекты, так и культурные компоненты.

К настоящему времени Китаем были установлены партнёрские отношения по совместным исследованиям панд с зоопарками многих стран, а также координируется ряд глобальных природоохранных проектов [Синьхуа, www]. Данной многомерной и комплексной дипломатической практикой не только эффективно стимулируется научная охрана популяции панд, но и формируется важный путь реализации дипломатии мягкой силы и конструирования образа Китая как ответственной державы. В настоящее время защита панд включена в ключевую повестку дня строительства экологической цивилизации Китая и стала знаковым проектом для проверки эффективности реализации экологической политики. Закон КНР «О защите дикой природы» официально повысил защиту панд до уровня национальной стратегии, что не только укрепило её правовой статус, но и установило институциональную основу в качестве национального символа [Закон КНР «Об охране дикой природы», www]. В данном законе особо подчёркивается системная защита исчезающих видов и их мест обитания, что отражает стратегическое намерение государства тесно интегрировать экологическое управление с формированием имиджа. В 2016 году в Китае был запущен пилотный проект системы национального парка больших панд, общая площадь которого спроектирована приблизительно в 27 000 квадратных километров. Данная инициатива была направлена на преодоление административных границ и реализацию целостной и системной стратегии управления охраной [Baidu, www]. Создание национального парка было не только институциональным нововведением в области защиты видов, но и рассмотрено как конкретная практика концепции «гармоничного сосуществования человека и природы». Большая панда, таким образом, вышла за пределы своего биологического статуса и превратилась в культурный символ, отражающий продвижение Китаем зеленого развития и участие в глобальном экологическом управлении. Эти меры не только способствовали восстановлению дикой популяции панд, но и оказали значительный положительный побочный эффект на функционирование всей экосистемы и повышение регионального биоразнообразия.

Панда, от дипломатического подарка до научно-исследовательского медиума, а затем и до символа экологической цивилизации, прошла трансформацию функций, что отражает этапные характеристики Китая в построении национального образа, межкультурном внешнем взаимодействии и стратегии экологического управления. Многогранная роль панды в области публичной дипломатии и экологической защиты не только демонстрируется как гибкость и адаптивность стратегии мягкой силы Китая, но и подчеркивает её растущий дискурсивный потенциал в глобальных экологических вопросах. В будущем система значений панды как национального символа Китая будет обогащаться и расширяться под влиянием изменений в мировой ситуации.

Философия культуры панды: гармония Инь и Ян в природе

С точки зрения междисциплинарного подхода, распределение черно-белого окраса панды интерпретируется через призму традиционной китайской философской концепции Инь-Ян, где оно рассматривается как воплощение гармоничного единства и взаимного перерождения противоположностей в живой природе. Данная морфологическая характеристика обладает не

только адаптивной ценностью в биологическом смысле, но и наделяется глубоким культурным символизмом и философской значимостью.

В «Сицы шанчжуань» «Книги Перемен» говорится: «Чередование инь и ян называется дао», где считается, что все сущее во вселенной образуется взаимодействием двух фундаментальных сил инь и ян. Окраска тела панды формируется двумя цветами черным (инь) и белым (ян), а распределение этих цветов проявляет очевидное отношение взаимного включения инь и ян. Черные области вокруг глаз, ушей, плеч и конечностей и белые области на морде, спине и брюхе образуют яркий контраст, но в то же время соединяются и естественно переходят друг в друга, что может быть рассмотрено как визуальная метафора диалектического отношения «в инь присутствует ян, в ян присутствует инь». Это обладает структурной изоморфностью с космогонической теорией, описанной Чжоу Дуньи в эпоху Сун в «Толковании диаграмы Великого Предела»: «Беспредельное – это Великий Предел; Великий Предел в движении порождает ян, а в покое порождает инь» [Чжоу Дуньи, 2023].

Распределение окраса панды служит естественной метафорой для конфуцианской концепции «золотой середины», подчеркивающей принцип «удержания двух крайностей и использования середины». Как отмечал Чжу Си в «Комментариях к „Чжун юн“»: «Середина есть отсутствие отклонений и беспристрастности, имя отсутствия избытка и недостатка». Черный и белый цвета панды имеют четкое разграничение, но не создают ощущения резкого контраста, визуально представляя баланс и гармонию. Данная природная морфологическая характеристика может быть использована для интерпретации идеала «красоты срединной гармонии» в конфуцианстве, благодаря чему осмысляется эстетическое и этическое стремление к «умеренности» и «гармонии» в китайской культуре.

На уровне поведенческой экологии пищевая специализация панды, выражающаяся в почти исключительном потреблении бамбука, и предпочтение укромных бамбуковых зарослей в качестве среды обитания часто интерпретируются в рамках даосской философской парадигмы. Как провозглашено в «Дао Дэ Цзин»: «Человек следует земле, земля следует небу, небо следует Дао, а Дао следует естественности». Данный принцип подчеркивает необходимость следования изначальной природе всех сущностей. Стратегия выживания панды, характеризующаяся неучастием в хищнической конкуренции и отсутствием агрессии к иным видам, воспринимается как воплощение философских категорий «недеяния» и «непротивления», представляя собой натурцентричный пример практической реализации принципа «следования естественности Дао» [Лао-цзы, 2021].

Следует отметить, что связь между черно-белым окрасом панды и философией Инь-Ян не должна интерпретироваться как простое уподобление, но рассматривается как интерпретация, осуществляемая в междисциплинарном поле культурной семиотики и натурфилософии. Данная герменевтическая практика не только обогащает культурную семантику панды, но и предоставляет биосимволическое обоснование для понимания концепций телесности, природы и космоса в китайской философии. В последующих исследованиях могут быть разработаны дальнейшие направления анализа механизмов взаимной интерпретации между животной морфологией и философскими концепциями в различных культурах с позиций семиотики и сравнительной философии.

Выражение образа панды в художественном творчестве

Формирование художественных репрезентаций панды и становление связанных с ней эстетических парадигм представляет собой междисциплинарный процесс культурной

эволюции, протекающий сквозь исторические периоды и медийные форматы. Воспроизведение данного образа в искусстве не только отражает эстетическое восприятие природных существ в китайской культуре, но и демонстрирует процессы трансляции и реконструкции культурного символа в различных исторических контекстах.

В традиционном искусстве образ панды редко изображался автономно, но регулярно воплощался через синтез с мифологическими существами, такими как пиксиу и цилинь, формируя тем сложные композиции, наделяемые значением благоприятного предзнаменования [Официальный сайт Народного правительства города Яань, www]. Подобные изображения регулярно встречаются в древней живописи, тканых изделиях и декоре предметов, где подчеркивались черты мистичности и церемониальности. Данная репрезентация отражает культурную семантику, приписываемую панде в ранних визуальных системах включая символизацию мира, благополучия и отведения злых сил. В эпоху Цин, с усилением регионального культурного самосознания, в народных новогодних картинах провинции Сычуань начали изображаться реалистичные образы панд. Данные изображения постепенно отделялись от мифологического контекста, трансформируясь в самостоятельные эстетические объекты. Этот переход был отмечен не только превращением панды из мифологизированного символа в объект натуралистического изображения, но и заложил основу для последующей разработки её художественного образа в современном искусстве.

С 1980-х годов тема панды в современном искусстве обрела новый изобразительный язык. Известный художник Хань Мэйлинь, посредством синтеза традиционной китайской живописи в свободном стиле с современным декоративным искусством, создал произведения с изображением панд, отличающиеся лаконичными формами и плавными линиями. Данный подход не только усилил визуальную выразительность неповторимой наивности образа, но и привнес в него эстетические качества современности. Данный художественный стиль оказало глубокое влияние и заложило парадигму для модернизационного преобразования визуальных символов панды. Важным этапом также стало создание образа талисмана Олимпийских игр 2008 года в Пекине по имени Цзинцзин, где органично сочетаются эстетика туши и карикатурный стиль [Официальный сайт Центрального народного правительства КНР, www]. Данный образ не только воплощает традиционную китайскую художественную концепцию «передачи духа через форму», но и соответствует визуальным канонам международных коммуникаций, что стало характерным примером успешной трансформации традиционных культурных символов в современном контексте.

В сфере аудиовизуального творчества образ панды был транснационально актуализирован в качестве медиума глобального культурного обмена. В киносерии «Кунг-фу панда», несмотря на западное происхождение производственной команды, осуществлено глубинное внедрение элементов китайской философии боевых искусств и гастрономической культуры. Данными средствами сконструирован нарративный универсум, обладающий не только восточным духовным ядром, но и глобальной рецепционной способностью. В киноленте образ «По» был сконструирован не как биологическая репрезентация, а как репрезентант и транслятор китайских культурных ценностей. Данной практикой культурного трансфера был продвинут глобальный дискурс символа панды и обеспечено его множественное интерпретационное прочтение.

Таким образом, художественная репрезентация панды прошла путь от ранней мифологической символизации через современные формальные инновации к глобальной культурной реконфигурации в аудиовизуальной сфере, где наблюдается постоянная

трансформация эстетических парадигм и культурной идентичности. В данном эволюционном процессе были продемонстрированы не только наследование и трансформация традиционных образов в художественном творчестве, но и выявлены сложные механизмы семиотической трансмиссии и рецепции в межкультурном контексте, что предоставило значительный кейс для исследований международной коммуникации китайских художественных символов.

Локальное проявление культуры панды в китайской народной культуре

Пандой как специфически китайским культурным символом и экологическим маркером в многочисленных локальных фольклорных традициях сформированы регионально-специфические культурные формации, посредством которых демонстрируется богатое культурное разнообразие и актуализируются локальные знания. В Сычуани, особенно в районах компактного проживания народности цян и тибетцев байма, панде приписывается сакральное и ритуальное значение. У народа цян она почитается как посланец горных божеств, посредством ежегодных обрядовых церемоний не только укрепляется духовная связь между этнической группой и природой, но и сохраняются традиционные экологические представления [Шо, Синь, Золотых, 2022]. В уезде Пинъу тибетцами байма посредством вплетения изображений панды в традиционные костюмы достигнуто слияние природной символики и культурной идентичности, что демонстрирует процессы инкорпорации и реинтерпретации природных элементов в материальной культуре.

В районе Тайваня с 1990-х годов образ панды постепенно был интегрирован в культурно-креативную индустрию. Посредством дизайна фигурок, товаров культурного назначения и визуального искусства панда была трансформирована из природного биологического символа в культурный потребительский товар, обладающий экономической ценностью, что привело к формированию локализованной производственной цепочки значительного масштаба. Данный процесс демонстрирует адаптивность и рекреационный потенциал культурных символов в условиях современной рыночной среды.

Современная трансформация и вызовы образа панды

С ускорением процессов модернизации и глобализации общества символическая система культуры панды подвергается множественным вызовам, а её трансформационные траектории требуют дальнейшего осмысления на академическом и практическом уровнях.

Во-первых, обостряется противоречие между коммодификацией культурного символа и сохранением его смыслового наполнения. В процессе коммерческого освоения образ панды активно используется в сферах товарного маркетинга и продвижения культурно-туристических проектов. Хотя это способствует популяризации культуры, одновременно могут нивелироваться либо подменяться его изначальное духовное содержание и сакральная значимость. Сбалансирование экономической эффективности с аутентичностью и глубиной культурной репрезентации становится ключевой задачей обеспечения устойчивого развития культуры.

Во-вторых, этика и практика охраны панд переживают критический переходный этап. Стратегия защиты постепенно смещается с изначальной модели, ориентированной на искусственное разведение в неволе и сохранение вида, к комплексному управлению

экосистемами, включающему охрану целостных местообитаний, создание экологических коридоров и реинтродукцию особей в дикую природу. Данная трансформация не только отражает эволюцию концепции охраны от «отдельного вида» к «экосистеме», но и демонстрирует углублённое понимание Китаем взаимосвязи между сохранением биоразнообразия и устойчивым развитием в контексте строительства экологической цивилизации. Интеграция технологических методов, участия местных сообществ и этических принципов определит дальнейшее развитие работы по охране панд.

При переходе от традиционных форм к современным культура панды несёт в себе глубокое локальное культурное содержание, одновременно сталкиваясь с такими вызовами, как глобализация, коммерциализация и эволюция этических норм. В дальнейшем необходимо добиваться баланса в рамках культурной политики, отраслевой практики и стратегий охраны, содействуя устойчивому развитию и инновационному наследованию данного символа в новую эпоху.

В китайской культуре символическое значение панды представляет собой многоуровневую и динамически развивающуюся систему смыслов, которая обогащается и трансформируется в соответствии с историческим контекстом и социальными изменениями. С древних времён панда воспринималась как сакральное животное-предзнаменование, тогда как в современную эпоху её роль была переосмыслена в качестве дипломатического посла и символа экозащиты. Культурная память и ценности китайской нации не только воплощаются в образе панды, но и постепенно преобразуются в культурный символ, обладающий глобальной значимостью. На философском уровне традиционная мудрость «единства Неба и человека» и «гармоничного сосуществования» воплощается пандой, а её чёрно-белый окрас интерпретируется как визуальное выражение гармонии инь и ян, что отражает стремление к балансу и естественности, присущее традиционной китайской культуре.

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что панда представляет собой сложный и многогранный культурный символ, глубоко укорененный в китайской цивилизации. Его значение эволюционировало от сакрального мифологического образа до современного инструмента мягкой силы и экологического послания, отражая ключевые этапы развития китайского общества и его взаимодействия с мировым сообществом. Анализ показал, что символика панды интегрирует в себе философские концепции (Инь-Ян, «золотая середина», «недеяние»), художественные практики и народные традиции, формируя уникальный культурный код, который продолжает развиваться в условиях глобализации.

Важным результатом работы является систематизация этапов «пандовой дипломатии» и выявление её роли в формировании имиджа Китая как ответственной экологической державы. Подчеркивается, что современная стратегия охраны панд, основанная на экосистемном подходе и создании национальных парков, стала практической реализацией концепции «экологической цивилизации».В перспективе актуальными задачами остаются балансирование между коммерциализацией образа и сохранением его культурной аутентичности, а также дальнейшая разработка механизмов интеграции традиционных ценностей в глобальный культурный контекст. Исследование вносит вклад в понимание механизмов конструирования национальной идентичности через культурные символы и предлагает основы для дальнейших междисциплинарных исследований в области семиотики, культурологии и международных коммуникаций.

Библиография

1. Почему панда получила такое название и как стала всемирным любимцем // Официальный сайт Народного правительства района Куньлунь. – URL: https://kdl.gov.cn/detail/cid/1840/aid/116282.
2. Бурные сорок лет: Дипломатия панд // Хуаньцюван. – URL: https://finance.huanqiu.com/article/9CaKrnK8wf7.
3. Всемирная популярность панды: всеобщая любимица // Синьхуа. – URL: http://www.xinhuanet.com/world/20240403/3190d15171df4f2595ca4cc754fb1406/c.html.
4. Об охране дикой природы : закон Китайской Народной Республики // Официальный сайт Всекитайского собрания народных представителей. – URL: http://www.npc.gov.cn/c2/c30834/202212/t20221230_321016.html.
5. Международный день биологического разнообразия, нет более успешного примера охраны вида, чем охрана большой панды // Baidu. – URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1700440711836359880&wfr=spider&for=pc.
6. Чжоу Дуньи. Изложение диаграммы «Великий предел» с комментариями к «Книге проникновения». – Шанхай : Шанхайские древние книги, 2023. – 183 с.
7. Лао-цзы. Дао Дэ Цзин / пер. с кит. – Цзянсу : Гуанлин, 2021. – 134 с.
8. Глубины тысячелетий: Новый взгляд на древние названия большой панды // Официальный сайт Народного правительства города Яань. – URL: https://www.yaan.gov.cn/xinwen/show/b5e6b8e7-a7e7-46fc-8f36-e67ccd89506c.html.
9. Талисман XXIX летних Олимпийских игр 2008 года в Пекине – Фува // Официальный сайт Центрального народного правительства КНР. – URL: https://www.gov.cn/test/2007-03/28/content_1059362.htm.
10. Шо В., Синь Ц., Золотых Л. Г. Трансляция традиционной китайской культуры в философию новой эпохи // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 3-1. – С. 40–54.

The Symbolic Meaning of the Panda in Chinese Culture

Shen Yan

Graduate Student,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1 Leninskiye Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: 136843047@qq.com

Abstract

The article provides a comprehensive analysis of the symbolic meaning of the panda in Chinese culture, revealing its role as a multifaceted cultural code that integrates philosophical, artistic, and socio-political aspects. The evolution of the panda's image is explored–from ancient mythological perceptions to modern diplomatic practices and environmental symbolism. Special attention is paid to the interpretation of the panda's black-and-white coloration within the context of Yin-Yang philosophy, as well as its representation in art and folklore. The significance of the panda as a tool of soft power and a national brand of China is emphasized. Based on an interdisciplinary approach, the mechanisms of transformation and adaptation of this cultural symbol in the context of globalization are identified.

For citation

Shen Yan (2025) Simvolicheskoye znacheniye pandy v kitayskoy kul'ture [The Symbolic Meaning of the Panda in Chinese Culture]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (8A), pp. 15-23. DOI: 10.34670/AR.2025.94.71.002

Keywords

Panda, Cultural Symbol, China, Yin-Yang Philosophy, Panda Diplomacy, Artistic Image.

References

1. Why the Panda Got Its Name and How It Became a World Favorite // Official Website of the Kunlun Regional People's Government. – URL: https://kdl.gov.cn/detail/cid/1840/aid/116282.
2. A Turbulent Forty Years: Panda Diplomacy // Huanqiuwan. – URL: https://finance.huanqiu.com/article/9CaKrnK8wf7.
3. The Panda's Global Popularity: Everyone's Favorite // Xinhua. – URL: http://www.xinhuanet.com/world/20240403/3190d15171df4f2595ca4cc754fb1406/c.html.
4. Wildlife Protection Law of the People's Republic of China // Official Website of the National People's Congress. – URL: http://www.npc.gov.cn/c2/c30834/202212/t20221230_321016.html.
5. International Day for Biological Diversity: There is no more successful example of species conservation than the giant panda // Baidu. – URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1700440711836359880&wfr=spider&for=pc.
6. Zhou Dunyi. Exposition of the Great Limit Diagram with Commentary on the Book of Penetration. – Shanghai: Shanghai Ancient Books, 2023. – 183 p.
7. Lao Tzu. Tao Te Ching / translated from Chinese. – Jiangsu: Guangling, 2021. – 134 p.
8. The Depths of Millennia: A New Look at the Ancient Names of the Giant Panda // Official Website of the Ya'an City People's Government. – URL: https://www.yaan.gov.cn/xinwen/show/b5e6b8e7-a7e7-46fc-8f36-e67ccd89506c.html.
9. The Mascot of the XXIX Summer Olympic Games 2008 in Beijing - Fuwa // Official Website of the Central People's Government of the PRC. – URL: https://www.gov.cn/test/2007-03/28/content_1059362.htm.
10. Sho W., Xin C., Zolotykh L. G. Translation of Traditional Chinese Culture into the Philosophy of the New Era // Ideas and Ideals. – 2022. – Vol. 14, No. 3-1. – Pp. 40–54.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 791.43 **DOI: 10.34670/AR.2025.89.15.003**

Узнанная цитата как приглашение к диалогу: опыт культурно-семантического анализа кинокартины «Последнее слово», режиссер М. Пеллингтон

Бедина Наталья Николаевна

Доктор культурологии,
профессор кафедры культурологии и религиоведения,
Северный (Арктический) федеральный
университет им. М.В. Ломоносова.
163000, Российская Федерация, Архангельск, наб. Северной Двины, 17;
e-mail: bedina-nat@yandex.ru

Егорова Екатерина Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры культурологии и религиоведения,
Северный (Арктический) федеральный
университет им. М.В. Ломоносова.
163000, Российская Федерация, Архангельск, наб. Северной Двины, 17;
e-mail: ruslit1611@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена культурно-семантическому анализу кинокартины «Последнее слово», реж. М. Пеллингтона, 2017 года. В анализе фильма использованы интертекстуальный и герменевтический методы исследования для выявления механизма работы аллюзии как приёма, посредством которого зрителя приглашают к диалогу. Киноискусство, дублируя реальность, представляет возможности творческого осознания действительности, а посредством цитаты приглашает к диалогу о жизненном пути, о стремлении человека к идеалу. Выстроенные с опорой на оппозиции порядка и беспорядка сюжетные линии «обрамляют» метафору «жизнь как текст», а осмысление кинодискурса как важной составляющей части сознания современного человека позволяет рассмотреть вопрос о роли искусства (джазовой музыки и живописи П. Пикассо) как в диалоге режиссера со зрителем, так и в массовой культуре в целом. Обнаруженные в ходе анализа маркеры категорий времени и пространства, детали и геометрия кадра, цветовые схемы и музыкальные отсылки становятся доказательством присутствия в фильме имплицитных и эксплицитных цитат (экфрас). Выявленные и обозначенные ассоциативные предметные, цветовые и звуковые ряды репрезентируют механизм работы аллюзии. Между тем аллюзии раскрывают принципы работы режиссера, который, вероятно, не стремится, чтобы источник узнали, а иногда будто нарочно скрывает очевидное. Именно поэтому одной из гипотез исследования стало положение о том, что организация художественного пространства текста обнаруживает смысловую общность с работами П. Пикассо («Девочка на шаре», «Водоем» и др.). Словно подражая художнику, режиссер даёт возможность зрителю смотреть на образ главной героини с нескольких ракурсов сразу.

Для цитирования в научных исследованиях

Бедина Н.Н., Егорова Е.Н. Узнаваемая цитата как приглашение к диалогу: опыт культурно-семантического анализа кинокартины «Последнее слово», режиссер М. Пеллингтон // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 8А. С. 24-32. DOI: 10.34670/AR.2025.89.15.003

Ключевые слова

Аллюзия, аллюзивность, цитата, диалог, кинотекст, метафора, кубизм, П. Пикассо, джаз, музыка, массовая культура.

Введение

Исследователи отмечают, что аллюзивность является характерной чертой современного кинематографа, востребованной в массовой культуре. По нашему мнению, в кинотексте аллюзивность может стать частью целой стратегии по реализации авторского замысла. При этом именно в текстах массовой культуры в силу их ориентации на усредненного читателя/зрителя и тиражируемости социальные и культурные тренды проявляются в наиболее откровенном виде. Массовая культура воспринимает и отбирает культурные формы прошлого, которые оказываются востребованы в современности, нередко редуцируя их до конкретного знакового элемента и комбинируя эти элементы в мозаике собственного текста. Можно сказать, что такая работа с наследием прошлого есть универсальный закон развития культуры, то есть не является уникальной характеристикой постмодернистской игры в современной массовой культуре. Как писал еще Б.М. Эйхенбаум, «создание новых художественных форм есть акт не изобретения, а открытия, потому что формы эти скрыто существуют в формах предшествующих периодов» [Эйхенбаум, с. 146]. Этот тезис ученого описывает литературный процесс, но в настоящее время методы литературоведения и лингвистики становятся востребованными и для исследования других форм культуры [Фатеева, с. 50]. Так, например, Ю.В. Массальская отмечает: «Новые парадигмы лингвистических исследований, которые появились и активно развивались в конце XX века, позволили взглянуть на аллюзию как на средство активизации интертекстуальных связей и один из инструментов человеческого мышления. Этот «инструмент» дает возможность концептуализировать окружающий мир, находить ассоциативные взаимосвязи между разнообразными системами понятий» [Массальская, с. 74]. Знание о культуре, по А.Я. Флиеру, «это продукт культурной саморефлексии, размышлений культуры о самой себе, собирание и систематизация материала, обеспечивающего понимание того, “что такое культура” в аспекте ее соотнесенности с обществом и человеком. Существенным здесь является вопрос о принципах понимания и интерпретации разного рода знаний» [Флиер, с. 44].

Аллюзия в кино как формат диалога со зрителем

Думается, применение аллюзии в кино можно отнести к универсальному игровому приему формата беседы со зрителем. По-видимому, предугадывание результата восприятия зависит от субъективных и объективных факторов. К субъективным можно отнести фоновое знание (зрительскую осведомленность, общекультурную компетенцию), а к объективным – контекст восприятия и ресурсы киноязыка. Важным оказывается и чувство времени, сопричастность к отображению пути человека и влияния на этот путь контекстов времени. Кино как один из

массовых видов искусства может не только стандартизировать и коммерциализировать культурные формы прошлого и настоящего, составляющие фоновое знание, но и способствовать интеграции элитарной культуры в повседневность. Классик теории культуры В. Беньямин в эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости», ставшем одним из основополагающих текстов XX века по теории кино, указывает, что кино дает возможность массам приобщиться к искусству и одновременно высказать свое отношение к нему: «Из наиболее консервативного, например, по отношению к Пикассо, оно [общество, публика] превращается в самое прогрессивное, например, по отношению к Чаплину» [Беньямин, с. 49]. В качестве показательного примера актуализации и социализации элитарной культуры в тексте культуры массовой может выступить кинокартина «Последнее слово» (2017) режиссера Марка Пеллингтона, посвященная социальной проблеме перфекционизма как одного из болезненных состояний человека и одновременно погружающая зрителя в ауру неоромантической модернистской культуры.

В стремлении к совершенству люди не видят ничего плохого. Достижение идеала в искусстве если не норма, то законное желание и мастера, и публики. Если перенести взгляд с жизни на искусство, то, вероятнее всего, это будет одобрено обществом. Но как только вектор с искусства перемещается в формат жизни – это становится предельным качеством, от которого часто страдает и сам человек, и его окружающие. Стирание границ между реальностью и искусством, формирование отношения к жизни как к рукотворному произведению, сознательная эстетизация жизни – одна из самых трагичных тенденций в общеевропейской культуре эпохи модернизма, не в последнюю очередь приведшая как к сломанным судьбам конкретных ее представителей, так и к социально-политическим трагедиям целых народов. Фильм «Последнее слово» показывает частную трагедию Гарриет Лоулер (Ширли Маклейн) – успешной бизнес-леди, готовой в свои 80 лет совершить самоубийство от одиночества, разочарования и одновременно стремления контролировать в жизни все, даже ее окончание. Неудачную попытку суицида героиня совершает в самом начале истории, а затем заказывает молодой журналистке Энн Шерман (Аманда Сейфрид) собственный некролог: фабула фильма состоит в подготовке текста будущего некролога, сюжет раскрывает процесс самоопределения трех действующих лиц – Гарриет, Энн и Бренды (Энн Джевел Ли Диксон), девочки-подростка из неблагополучной семьи, помощь которой, по мысли Гарриет, должна стать центральной темой ее некролога. Цинизм поставленной задачи преодолевается в тексте за счет откровенности ее формулирования, а также сентиментальной искренности, постепенно рождающейся в отношениях трех героинь.

С точки зрения киноведческого анализа – это фильм, как будто снятый на реальных событиях, потому что он псевдоавтобиографичен. Представленный в фильме тип (псевдоавто)биографии можно назвать аналитическим, используя терминологию М.М. Бахтина: «В основу его кладется схема с определенными рубриками, по которым и распределяется весь биографический материал <…> Руководящим началом и здесь является целое характера, с точки зрения которого безразличны время и порядок проявления той или иной части этого целого» [Бахтин, 178]. Между тем фильм построен, с одной стороны, на метафоре «жизнь как текст» (а точнее – на тексте некролога, то есть «о прожитой жизни»), с другой – архетипичен (в трех разных возрастных состояниях раскрывается образ женщины, бунтующей против сложившихся жизненных обстоятельств). Безусловно, образ человека, бесстрашно идущего своей дорогой, несмотря на условности и ограничения социального окружения, и берущего на себя ответственность за выбор собственного пути, основывается на ницшеанской идее личности. Три

стадии становления человека (верблюд, лев и младенец) из «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше реализуются здесь в трех женских образах. Девочка Бренда, еще как верблюд, взваливающий на себя тюки традиции, осваивает предлагаемые ей обществом и Гарриет нормы и правила (хотя уже готова устанавливать свои), Энн, как лев, набрасывающийся на эти тюки, верифицирует их в слове, а Гарриет, как младенец-сверхчеловек, уже берет на себя ответственность за собственный выбор правил и норм. Откровенно символичен подарок, который в финале Гарриет отправляет Бренде, – фонарь с запиской «Иди! Остальные последуют за тобой!». При этом, как и у Ницше, в фильме М. Пеллингтона герой остается на своем пути одинок, поскольку это только его путь и больше ничей. Без глубокой социально-философской критики, несвойственной текстам массовой культуры, ницшеанская воля к власти облекается здесь в очень привлекательный образ власти над собственной жизнью, соответствующий неоромантической энергии модернистских текстов в духе Г. Ибсена, Дж. Лондона, С. Моэма и других классиков европейско-американского модернизма.

Музыкальные джазовые традиции поддерживают этот образ свободного творческого духа человека, как и слоган любимого Энн радио «Коха», где «крутят» виниловые пластинки с записями классиков американского джаза: «Независимая музыка для независимых умов». Музыка в фильме повсюду: при первой встрече с героиней в наушниках Энн звучит композиция, служащая ее визитной карточкой (музыка как бы объективирует смысл: «она не та, кем кажется»); музыкальная коллекция пластинок у Гарриет с отсылкой на творчество Нины Симон (еще одной американки-бунтарки), джаз и блюз как музыкальный фон всей кинокартины, популярная песня «Any Time At All», выпущенная Диком Джеймсом в 1950 году, призывающая героев «вернуться, сделать что-то, встретиться с теми, кого любишь» и др.

Наконец, главным образом, на наш взгляд, интерес к кинокартине может быть вызван еще и тем, что его визуальный ряд отсылает к работам в стиле кубизма П. Пикассо (портрету американки «Гертруды Стайн» // в образе Гарриет, «Девочка на шаре» // в образе Энн, «Водоем», опыты рисования светом Пикассо // в образе Бренды). Визуальные аллюзии в фильме «Последнее слово» можно назвать основным приемом киноязыка Марка Пеллингтона. Он будто подражает П. Пикассо, давая возможность зрителю смотреть на образ с нескольких ракурсов сразу.

Посредством деталей режиссер все время намекает на геометрию произведений: тройка становится четверкой (Гарриет, Энн и Бренда едут к дочери Гарриет – Элизабет (Энн Хеч), три основные темы некролога – семья, работа, миссия – дополняются «козырем» в формате музыкальной коллекции, собранной главной героиней).

Режиссер как человек, погруженный в модернистскую культуру, использует ее образы и формирует тем самым индивидуально-авторский герменевтический код, наполненный бесчисленными возможностями цитирования текстов прошлого (живописных шедевров, шедевров из мира музыки и литературы). Создается впечатление, что режиссера будто не заботит, узнал ли зритель живописный или музыкальный текст культуры, историю жизни знаменитости или др. культурологическую пресуппозицию. Осмыслил, уловил черты шедевра – хорошо, цель достигнута, задумался – прекрасно, не заметил – подскажут рецензии и отзывы других зрителей.

Любопытно в кинокартине М. Пеллингтона раскрыты категория времени, застывшая в эссе Энн «Андалусия сейчас», и категория пространства, запечатленная в сцене купания и рисунками света на воде (погружения в водоем // работа Пикассо «Водоем», опыты светописи).

Если название эссе Энн обращает нас к родине П. Пикассо, то содержание – к еще одной

работе «Девочка на шаре»: «Мне было пять, когда в город приехал цирк. Мне было шесть, когда он уехал. Мне было семь, когда я поняла, что он никогда не вернется. Клоун крутил тарелки, прыгал через горящие кольца, создавая мир магии и загадки, а потом в клубах дыма он исчез. Три кольца, два кольца, одно кольцо. Ничего. С цирком ничто не сравнится». «Это о матерях и дочерях» (Гарриет). «Ты должна стать кем-то» (Она же).

Найденные и обозначенные в статье отсылки (аллюзии) на классические произведения мирового искусства – не являются результатом исследования по поиску прецедентных текстов культуры в кинематографе. Интерес представляет сам механизм использования и суть цитирования (подражания мастерам авангарда в живописи, джаза в музыке). В данной работе недостаточно констатировать подобие элементов, геометрии, цвета и звука. Наша задача состоит в том, чтобы по возможности осмыслить механизм использования аллюзии, а для этого недостаточно ограничиться только явными примерами.

Приведенные аллюзии раскрывают принципы работы режиссера с цитатой. По-видимому, он не стремится, чтобы источник узнали, а иногда будто нарочно скрывает очевидное.

Математические и музыкальные приемы режиссера словно рассчитаны по формуле с учетом оппозиций: четное – нечетное, порядок – беспорядок. Под режиссерской формулой мы понимаем расщепление образа на 3/4. Оно происходит за счет тройки – с одной стороны, и четверки – с другой. Геометрический порядок «вторит» режиссерской алгебре. Детали в кадре, в начале «суть» / функция персонажа Гарриет реализована за счет трех образов и временных категорий, затем появляется четвертый – дочь Гарриет. Когда наполненными оказываются три подтемы некролога («козырь», «подвиг», «карьера»), остается и возникает главная – семья. Шар и куб на картине

П. Пикассо – устойчивость и неустойчивость (устойчивость четверки – куб, неустойчивость, фортуна тройки – шар). Форма озера на картине П. Пикассо «Резервуар» (как и озеро по сюжету фильма) – форма эллипса, гористая местность, горы – форма параллелепипеда (вытянутого куба).

Первый уровень механизма аллюзий связан с ассоциациями. Зрительское восприятие, основанное на поиске аналогий и в стремлении к разгадке метафоры, «считывает» через составляющие образа образ цельный. Через детали (арка, включенная в форму ромба у окна (рис. 1), газон, убранный «в ромбик», геометрия рисунка на одежде и аксессуарах (рис. 2), количество предметов в описании интерьера (рис. 3) и пр.), через оппозиции четного и нечетного, порядка и беспорядка, бунта и смирения у зрителей формируются представления (ассоциации цвета и формы служат «катализаторами» смыслов).

Рисунок 1 - Кадр из фильма «Последнее слово»

Рисунок 2 - Кадр из фильма «Последнее слово»

Рисунок 3 - Кадр из фильма «Последнее слово»

На втором уровне – (можно назвать его предметным) – возникают предметы или указания на предметы, которые присутствуют на полотнах (изображены, написаны и художником):

Рисунок 4 - Кадр из фильма «Последнее слово» (The Last Word, 2017)

Необходимо отметить, что цвет одежды героини повторяет цвета полотна Пикассо. Она приехала к отцу, в родительский дом / своего рода куб / разговор с отцом за квадратным столом.

Она, как и девочка на шаре, готова рискнуть (то, к чему призывает Гарриет), на дальнем плане изображены цирковые артисты (возникает аналогия с эссе Энн.

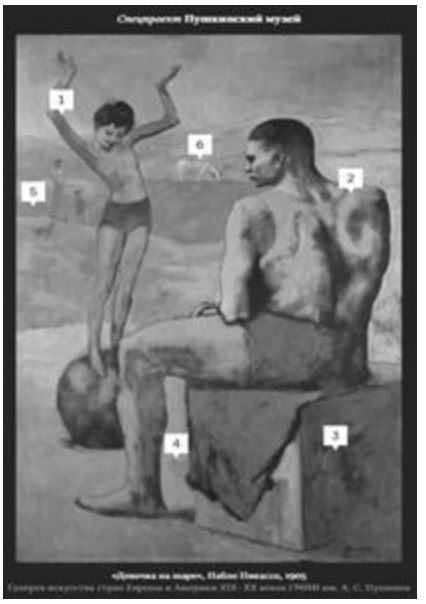

Рисунок 5 - Картина П. Пикассов «Девочка на шаре»

На третьем уровне к цветовым аллюзиям примыкают звуковые. Именно музыка, в которой находят себя героини фильма, объединяет. Парадоксально, но по сюжету совпадения в музыкальных предпочтениях Энн и Гарриет позволяют одной заново начать жить (начать свою историю), а другой – с достоинством исправить («отредактировать текст некролога»). И удивительно, что зритель встречает Энн «в наушниках» (и вместе с ней слышит, что та слушает в наушниках). Наушники, на наш взгляд, выступают маркером закрытого (звукового) пространства, внутреннего мира героя. Перемешение звуковых волн из открытого пространства (слышат все) в закрытое пространство (слышит герой / слушают героини в автомобиле) или вовсе найденные звуковые дорожки на виниловых пластинках коллекции в шкафу – составляющие смысловой палитры художника-режиссера. Музыка выступает в качестве универсального языка, позволяющего часть превратить в целое, она гармонизируют отношения героев, раскрывает их самих, точно передаёт трагикомическое и драматическое настроение.

В качестве музыкальных цитат в фильме использованы прямые отсылки (упомянутые нами ранее в статье) к произведениям: Al Lerner & Dick Haymes – «Any Time at All», Nathan Matthew David – «Interview Montage», The Kinks – «Waterloo Sunset», Arbuckle – «A New Day», а также N. Simone – «Gin House Blues» др.

Итак, музыкальные джазовые традиции, как и музыкальный фон всей кинокартины, служит ещё одной составляющей механизма работы аудиовизуальных ассоциаций, реализующих коннотативную функцию в сюжете. Так, по-видимому, режиссер работает с «палитрой» смыслов (обращаясь то к звуку, то к цвету, то к удивительно интересной актерской игре).

Заключение

В исследовании нами была предпринята попытка рассмотреть аллюзивность как один из приёмов современного кинематографа. По нашему мнению, в анализируемой кинокартине аллюзивность становится режиссерской стратегией выстраивания диалога со зрителем, приглашением к свободному размышлению. При этом в фильме в силу ориентации на усредненного зрителя некоторые цитаты из живописи и музыки выступают в явной форме,

другие – в скрытой, имплицитной. Поднятые режиссером проблемы современного человека (по сути) вечные темы – темы одиночества, поиска смысла жизни / жизненного пути – раскрыты через аллюзию, механизм работы которой служит опорой для сюжетной линии всего произведения.

Библиография

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Литературно-критические статьи. – Москва : Худ. лит., 1986. – С. 121–290.
2. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости : избранные эссе / [Предисловие, составление, перевод и примечания С. А. Ромашко]; Немецкий культурный центр имени Гете. – Москва : Медиум, 1996. – 239, [1] с.
3. Брассай. Разговоры с Пикассо / Ред. Л. Андерсон, пер. Н. Чеснокова. – Москва : Ад Маргинем, 2019. – 400 с.
4. Массальская Ю.В., Ихсанова Л.И., Безземельная О.А. К вопросу об определении понятия «аллюзия» // Российский лингвистический бюллетень. – 2020. – № 4 (24). – С. 74–76. – DOI 10.18454/RULB.2020.24.4.11.
5. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. – Москва : Агар, 2000. – 280 с.
6. Флиер А.Я. Культурологическая интерпретация социальной реальности // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2016. – № 3 (47). – С. 39–46.
7. Эйхенбаум Б.М. О литературе : Работы разных лет / [Вступ. ст. М. О. Чудаковой, Е. А. Тоддес]. – Москва : Сов. писатель, 1987. – 540, [2] с.

Recognizable Quotation as an Invitation to Dialogue: The Experience of Cultural-Semantic Analysis of the Film "The Last Word" Directed by M. Pellington

Natal'ya N. Bedina

Doctor of Cultural Studies,
Professor of the Department of Cultural Studies and Religious Studies,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
163000, 17 Severnoy Dviny Embankment, Arkhangelsk, Russian Federation;
e-mail: bedina-nat@yandex.ru

Ekaterina N. Egorova

PhD in Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Religious Studies,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
163000, 17 Severnoy Dviny Embankment, Arkhangelsk, Russian Federation;
e-mail: ruslit1611@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the cultural-semantic analysis of the film "The Last Word" directed by M. Pellington, 2017. The analysis of the film uses intertextual and hermeneutic research methods to identify the mechanism of allusion as a technique through which the viewer is invited to dialogue. Cinema, duplicating reality, presents opportunities for creative awareness of reality, and through quotation invites a dialogue about life's path, about a person's striving for the ideal. The plot lines

built on the opposition of order and disorder "frame" the metaphor of "life as text," and the understanding of film discourse as an important component of the consciousness of modern man allows us to consider the role of art (jazz music and paintings by P. Picasso) both in the director's dialogue with the viewer and in mass culture as a whole. The markers of time and space categories, details and geometry of the frame, color schemes and musical references discovered during the analysis become evidence of the presence of implicit and explicit quotations (ekphrasis) in the film. The identified and designated associative subject, color and sound series represent the mechanism of allusion. At the same time, allusions reveal the principles of the director's work, who probably does not seek for the source to be recognized, and sometimes seems to deliberately hide the obvious. That is why one of the hypotheses of the study was the proposition that the organization of the artistic space of the text reveals a semantic commonality with the works of P. Picasso ("Girl on a Ball," "The Reservoir," etc.). As if imitating the artist, the director allows the viewer to look at the image of the main character from several angles at once.

For citation

Bedina N.N., Egorova E.N. (2025) Uznavayemaya tsitata kak priglasheniye k dialogu: opyt kul'turno-semanticheskogo analiza kinokartiny «Posledneye slovo», rezhisser M. Pellington [Recognizable Quotation as an Invitation to Dialogue: The Experience of Cultural-Semantic Analysis of the Film "The Last Word" Directed by M. Pellington]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (8A), pp. 24-32. DOI: 10.34670/AR.2025.89.15.003

Keywords

Allusion, allusiveness, quotation, dialogue, film text, metaphor, cubism, P. Picasso, jazz, music, mass culture.

References

1. Bakhtin, M.M. (1986) Literaturno-kriticheskie stat'i [Literary-critical articles], Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., pp. 121–290.
2. Benjamin, W. (1996) Proizvedenie iskusstva v epohu ego tekhnicheskoj vosproizvodimosti : izbrannye esse [The Work of Art in the Age of Its Technical Reproducibility: Selected Essays], Moscow, Medium Publ., 239, [1] p.
3. Brassaj. (2019) Razgovory s Pikasso [Conversations with Picasso], Moscow, Ad Marginem Publ., 400 p.
4. Massalskaya, U. V., Ikhsanova L. I., Bezzemelnaya O. A. (2020) K voprosu ob opredelenii ponyatiya «allyuziya» [The concept of "allusion" and approaches to its study], Russian Linguistic Bulletin, No. 4 (24), pp. 74–76.
5. Fateeva, N.A. (2000) Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov [Counterpoint of Intertextuality, or Intertext in the World of Texts], Moscow, Agar Publ., 280 p.
6. Flier, A.Ya. (2016) Kul'turologicheskaya interpretatsiya sotsial'noy real'nosti [Cultural interpretation of social reality]. Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv – Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts, № 3 (47), pp. 39–46.
7. Eikhenbaum, B.M. (1987) O literature : Raboty raznyh let [On Literature: Works of Different Years], Moscow, Sovetsky Pisatel Publ., 540, [2] p.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 008 **DOI: 10.34670/AR.2025.43.84.004**

Особенности перевода исторических текстов эпохи Сефевидов с русского на персидский язык

Тораби Рогайех

Магистр,
Университет Тарбиат Модарес,
14115-111, Исламская Республика Иран, Тегеран,
ул. Але-Ахмад, ш. Джалале-Але-Ахмад, 349;
e-mail: r.torabi67@gmail.com

Бахарлу Хади

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка,
Университет Тарбиат Модарес,
14115-111, Исламская Республика Иран, Тегеран,
ул. Але-Ахмад, ш. Джалале-Але-Ахмад, 349;
e-mail: baharloo@modares.ac.ir

Аннотация

Настоящее исследование посвящено анализу особенностей перевода специализированных исторических текстов эпохи Сефевидов с русского языка на персидский. Основным исследовательским материалом в данной работе выступила монография П.П. Бушева "Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг.", которая представляет собой ценный источник по изучению русско-иранских отношений периода поздних Сефевидов, Перевод способствует более глубокому пониманию российской перспективы на Иран и исторические реалии того периода. Цель данного исследования – классификация типичных трудностей перевода исторических текстов с русского языка на персидский и разработка методических рекомендаций для их преодоления, с учётом специфики исторического контекста и языковых различий. Проведённый анализ позволил выявить следующие основные проблемы перевода: 1. соблюдение профессиональной переводческой этики и необходимость экстралингвистических знаний, включая знание исторических реалий; 2. наличие архаизмов, историзмов и омонимов, затрудняющих точную передачу смысла; 3. проблема этимологического и семантического буквализма, особенно при переводе терминов; 4. трудности перевода собственных имен и топонимов, требующие адаптации; 5. проблема выбора единицы перевода в зависимости от контекста; 6. сложности, связанные с передачей временных понятий, учитывая различия в системах летоисчисления (юлианский vs. солнечный календарь). В статье не только рассматриваются основные трудности перевода исторических текстов эпохи Сефевидов, но и предлагаются конкретные практические методы для их преодоления. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов в учебном процессе при

подготовке переводчиков, а также в научной работе историков, специализирующихся на российско-иранских отношениях сефевидского периода.

Для цитирования в научных исследованиях

Тораби Рогайех, Бахарлу Хади. Особенности перевода исторических текстов эпохи Сефевидов с русского на персидский язык // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 8А. С. 33-43. DOI: 10.34670/AR.2025.43.84.004

Ключевые слова

Перевод, эквивалентность, русский язык, персидский язык, посольство Артемия Волынского, исторический текст.

Введение

Потребность в общении и сотрудничестве между народами и странами в научных и литературных сферах – одна из ключевых особенностей современного мира. Такое взаимодействие невозможно без переводческой деятельности. Трудно представить прогресс в науке, литературе и культуре без роли перевода.

Основная функция перевода – обеспечение эффективного языкового посредничества для межкультурного взаимодействия.

Согласно теории В.Н. Комиссарова, задачи переводчика: 1) достижение семантической эквивалентности; 2) сохранность смысловых структур оригинала [Комиссаров, 1990, 51]. Современные концепции признают невозможность полной передачи содержания из-за семантико-культурных потерь. Требуется оптимальная передача значимой информации из ИЯ в ПЯ. Это обусловило эволюцию парадигмы: от идеи тождественности к динамической эквивалентности.

В.С. Виноградов определяет эквивалентность как системообразующую концепцию: «эквивалентность – удерживание равноправия содержательной, смысловой, стилистической и коммуникативной информации» [Виноградов, 2021,18].

Выбор стратегии эквивалентности зависит от специализации и компетенции переводчика. Особенно актуальна эта проблема при переводе исторических текстов эпохи Сефевидов с русского на персидский. Эти документы содержат информацию о внешних связях, наблюдениях русских послов и торговых отношениях, восполняют пробелы историографии.

Исследование фокусируется на: 1) выявлении лингвокультурных особенностей, 2) анализе переводческих проблем, 3) разработке методических рекомендаций. Комплексный подход помогает преодолеть межъязыковые и межвременные барьеры.

Исследование. Материалы и методология

Актуальность исследования обусловлена существенным пробелом в современной переводоведческой литературе, где вопросы русско-персидского перевода исторических дискурсов остаются недостаточно изученными, несмотря на их возрастающую востребованность в условиях развития научного и культурного сотрудничества между Россией и Ираном.

Исторические тексты можно разделить на две основные категории: созданные в изучаемую эпоху и современные произведения, анализирующие прошлые события. Перевод исторических

документов, написанных несколько веков назад, представляет особую сложность, поскольку требует использования языковых средств, характерных для конкретного исторического периода. Каждая эпоха уникальна и неповторима и, как отмечают исследователи, «отличается присущими только ей обстоятельствами, которые отражаются в специфической исторической терминологии» [Миньяр-Белоручева, Покровская, 2013, 47]. Это требует от переводчика глубокого понимания исторического, культурного и языкового контекста той эпохи, чтобы сохранить аутентичность текста и точно передать смысл на языке перевода. При работе с такими текстами крайне важно одновременно учитывать как историческую точность, так и естественность изложения на целевом языке.

Основу исследования составляет перевод труда П.П. Бушева "Посольство Артемия Волынского в Иран (1715-1718 гг.)". П.П. Бушев – выдающийся советский иранист-историк, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения АН СССР, чьи фундаментальные работы по истории русско-иранских отношений XVI-XVIII веков представляют значительную научную ценность. Особый интерес представляют его исследования по международным отношениям в Средней Азии XIX века, включая такие работы как "Миф о Буширской победе" и "Ирано-афганские отношения в 1837-1863 гг.", которые служат авторитетным источником социокультурной и политической информации об Иране и российско-иранских связях.

В рамках настоящего исследования авторами был осуществлен перевод отдельных глав указанного труда, что позволило выявить специфические проблемы перевода исторических текстов с русского языка на персидский. Особую ценность представляет содержание книги, включающее расшифрованные донесения русского посланника Артемия Волынского, адресованные Петру I и его канцлеру. Эти уникальные документы, хранившиеся в российских архивах более 250 лет, содержат исключительно важные сведения о состоянии Иранского государства того периода.

Теоретическую основу данного исследования составили фундаментальные труды по теории перевода, включая работы таких выдающихся учёных, как Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров, А.В. Фёдоров, Ю. Найда и Дж. Кэтфорд, а также современные научные статьи и учебные пособия в области переводоведения.

В качестве основных методов исследования были использованы описательно-аналитический метод при изучении теоретических аспектов перевода исторических текстов, сравнительно-сопоставительный метод в процессе практического перевода, и метод сплошной выборки при отборе конкретных примеров для анализа. Особое внимание уделялось качественному анализу переводческих трансформаций при передаче исторической терминологии и культурных реалий с русского языка на персидский, что позволило выработать практические рекомендации по преодолению типичных трудностей перевода текстов исторического характера. Комплексное применение этих методов обеспечило научную достоверность полученных результатов и возможность их использования в дальнейших исследованиях по историческому переводоведению.

Практический опыт перевода исторических текстов с русского на персидский язык выявил ряд специфических трудностей, требующих особого методологического подхода. Эти вопросы, непосредственно связанные с особенностями русско-персидского языкового и культурного взаимодействия, будут детально проанализированы в следующих разделах исследования. Среди них особого внимания заслуживают: 1) соблюдение профессиональной переводческой этики и необходимость экстралингвистических знаний; 2) наличие архаизмов, историзмов и омонимов;

3) проблема этимологического и семантического буквализма; 4) Проблема перевода собственных имен и топонимов; 5) проблема выбора единицы перевода; 6) трудности, связанные с передачей временных понятий, учитывая различия в системах летоисчисления (юлианский vs. солнечный календарь).

Соблюдение профессиональной переводческой этики и необходимость экстралингвистических знаний

К числу универсальных аспектов перевода исторических текстов относится соблюдение профессиональной переводческой этики, требующей абсолютной объективности, деидеологизированного подхода и строгой нейтральности при интерпретации контекстов оригинала и репрезентации исторических персонажей. Также критически необходимы экстралингвистические знания. Согласно классическим моделям (например, модель Ньюмарка), перевод включает три этапа: когнитивно-аналитический (понимание текста), переводческий (реконструкция содержания) и редакторский (финальная проверка) [Комисаров, 2011, 148]. Эффективность начального этапа зависит от знания переводчиком эпохи, её социокультурных особенностей и событий, особенно при передаче антропонимов, топонимов, архаичной лексики и терминов. Недостаточная компетенция ведёт к буквальным переводам, искажениям и нарушению достоверности. Перевод требует владения языковыми особенностями обоих языков в синхроническом и диахроническом аспектах. Это позволяет передавать структурные особенности предложений, сохраняя исторический колорит или адаптируя его к современным нормам. Особую сложность представляет стилистика документов, насыщенных архаизмами, историзмами и устаревшими грамматическими формами, требующими распознавания семантики и нахождения функциональных эквивалентов, что невозможно без понимания эволюции языковых систем. В русско-персидской паре эти трудности усугубляются различиями в развитии языков и традициях фиксации событий.

Проблема перевода историзмов, архаизмов и омонимов

В ходе анализа переведенного текста был выявлен ряд архаичных лексических единиц (устаревших слов, имеющих современные эквиваленты), которые отражают языковые особенности исторического периода оригинала. Эти устаревшие слова можно классифицировать по нескольким группам:

– Административно-правовая лексика: "грамота" (совр. "официальный документ"), "подданный" (в историческом значении "лицо в феодальной зависимости");
– Социально-бытовая лексика: "толмач" ("устный переводчик"), "осведомитец" (архаичная форма "осведомителя");
– Устаревшие союзы и наречия: "понеже" (совр. "так как"), "ежели" ("если"), "наипаче" ("особенно");
– Наречия степени: "зело" ("очень"), "напредь" ("сначала");
– Этноконфессиональные термины: "басурман" (ист. "мусульманин").

В ходе работы с историческим текстом был выявлен пласт специфической лексики - историзмов, обозначающих реалии, исчезнувшие из современной жизни. К таким единицам относятся прежде всего термины государственного устройства ("царь", "монарх"), воинские звания ("подпоручик" - обер-офицерский чин между прапорщиком и поручиком), старинные

единицы измерения ("пуд" - около 16,38 кг, "верста" - 1066 метров), а также названия исторических средств передвижения. Последние представляют особый интерес для исследователей: "буса" (крупная долбленая лодка из дуба), "коломенка" (использовавшаяся с XVI по XIX век на Уральских реках беспалубная барка для перевозки зерна и металла) и "шкут" (морское плоскодонное судно, предназначенное для вытаскивания на берег). Эти термины требуют особого подхода при переводе, так как обозначают понятия, не имеющие прямых аналогов в современной действительности. Чаще всего используются три стратегии перевода: транслитерация с пояснением, поиск функционального аналога или описательный перевод. Особую сложность представляют многозначные термины вроде "подпоручик", обозначающие одновременно воинский чин и его носителя. Адекватная передача таких историзмов требует от переводчика не только лингвистической компетенции, но и глубоких знаний исторического контекста, особенностей материальной культуры и социальной организации описываемой эпохи. Данные лексические единицы являются ценным материалом для исследования эволюции специальной терминологии и разработки методик перевода исторических текстов.

Перевод воинских и гражданских чинов (существовавших до 1917 года) представляет особую сложность при работе с историческими текстами. Для передачи таких устаревших понятий традиционно используются две основные стратегии: либо применение современных эквивалентов (например, "прапорщик" и его персидский эувивалент Сотван-йар или Сотван доввом (دوم) ستوانیار, [Восканян, 2013, 726], либо транскрибирование с пояснительной сноской. Однако рассматриваемый текст требует особого подхода, поскольку речь идет о так называемом "обратном переводе". Особенность ситуации заключается в том, что текст описывает исторических деятелей страны, на язык которой осуществляется перевод. В данном случае необходимо обратиться к авторитетным персидским источникам, чтобы восстановить первоначальные наименования тех реалий, которые ранее были переведены русскими авторами и теперь требуют обратной передачи на персидский язык.

Перевод устаревших единиц измерения в исторических текстах, таких как "пуд" (русская мера веса, равная 16,38 кг до введения метрической системы), требует особого методологического подхода. Наиболее эффективной стратегией представляется комбинирование нескольких приемов: при первом упоминании следует использовать транскрипцию термина с пояснением в скобках - "пуд (перс. پود، معادل ۱۶/۳۸ کیلوگرم)", а в дальнейшем возможно варьирование между транскрибированной формой и современным эквивалентом в зависимости от контекста. Однако для научных изданий оптимальным решением будет указание двойного значения: "пуд (≈16,38 кг или من معادل - распространенная в Персии того периода единица измерения)". Такой подход требует тщательного изучения персидских систем измерений соответствующего исторического периода, выявления функциональных аналогов и учета региональных особенностей. Особую сложность представляет вариативность значений таких единиц в зависимости от конкретного временного отрезка и географического региона. Реализация данной стратегии позволяет одновременно сохранить историческую достоверность оригинала, обеспечить понятность для современного читателя и соблюсти требования научной точности, что особенно важно при работе с архивными документами и исследовательскими материалами по истории русско-персидских отношений.

При работе с историческим документом был выявлен пласт устаревших орфографических норм, отражающих языковую практику XVIII века. К характерным примерам относятся: "аудиэнция" (совр. "аудиенция"), "ево" (совр. "его"), "чрез" (совр. "через"), "персицкий" (совр.

"персидский"), "отсуду" и "ат се[го места]" (совр. "отсюда"), "итить" (совр. "идти"), "лутчий" (совр. "лучший"). Эти формы демонстрируют эволюцию русской орфографической системы, в частности: 1) изменения в передаче заимствований ("аудиэнция" → "аудиенция"); 2) упрощение местоименных форм ("ево" → "его"); 3) стабилизацию предлогов ("чрез" → "через"); 4) унификацию прилагательных ("персицкий" → "персидский"); 5) развитие наречной системы ("отсуду" → "отсюда").

Особую сложность представляют устаревшие фразеологические конструкции, требующие смысловой декомпозиции. Например, выражение "чрез посылку согласиться" (букв. "достичь согласия через отправку [посланий]") в современном русском эквивалентно "договориться посредством переговоров". Подобные конструкции отражают: исторические реалии дипломатической коммуникации; изменения в синтаксической норме или эволюцию управленческих практик.

Проблема омонимии представляет собой одну из наиболее распространённых и сложных задач в переводческой практике. Особую трудность создаёт тот факт, что различные типы омонимов - фонетические, грамматические и графические - требуют определения своего значения исключительно через контекст. В исторических текстах эта проблема усугубляется тем, что устаревшие языковые формы могут совпадать с современными, но иметь совершенно иное значение, что ставит перед переводчиком необходимость особенно тщательного контекстуального анализа. Ярким примером из практики перевода может служить форма "чаю", которая в зависимости от контекста может представлять собой либо устаревшую форму глагола "чаять" в первом лице единственного числа настоящего времени (в значении "ожидаю", "надеюсь"), либо современную форму родительного падежа существительного "чай". Подобные случаи требуют от переводчика не только прекрасного знания исторической грамматики и лексики, но и умения проводить глубокий контекстуальный анализ, учитывающий стилистические особенности эпохи, жанровую специфику текста и исторический фон описываемых событий. Особенно сложными представляются ситуации, когда контекст сам по себе недостаточно ясен, что требует привлечения дополнительных исторических источников и лингвистических исследований для точной интерпретации. В таких случаях важнейшим инструментом переводчика становится сравнительный анализ параллельных текстов и знание эволюции языковых форм, позволяющее установить точное значение омонимичной конструкции в конкретном историческом контексте.

Проблема этимологического и семантического буквализма

Проблема буквализма при переводе исторических текстов с русского на персидский язык проявляется в двух формах: этимологическом (перевод по внешнему сходству слов) и семантическом (учёт только первичного значения без контекста). Пример – некорректный перевод термина «посольство» в контексте «Посольство Артемия Волынского в Иран» как «سفارتخانه آرتمی والینسکی در ایران», что создаёт ложное представление о постоянном представительстве. Правильный подход требует учёта исторического контекста (временная миссия XVIII века), дипломатических практик и жанра документа, предлагая варианты: «ماموریت دیپلماتیک آرتمی والینسکی در ایران», «سفارت آرتمی والینسکی به ایران», «به ایران» с пояснением или «هیئت اعزامی آرتمی والینسکی به ایران». Важно учитывать семантическую эволюцию слов, исторический контекст и современные терминологические стандарты, особенно при переводе административной и дипломатической терминологии. Качественный перевод должен включать исторический комментарий,

обеспечивать терминологическое единообразие и учитывать восприятие целевой культуры, поскольку буквальный перевод искажает смысл и нарушает принцип адекватности.

Классический пример – перевод многозначного слова «журнал» как «периодическое издание», игнорируя контекст. В документе («Более 250 лет пролежали в архивах Журнал Артемия Петровича Волынского…») используется значение «дневник, запись событий», подтверждённое контекстом и практикой XVIII века. В современных персидских словарях преобладает значение «магазин», что ведёт к ошибочной интерпретации. Адекватный перевод – «دفتر ثبت» или «گزارش های روزانه» с историческим комментарием. Это демонстрирует, как механическое применение частотного значения без учёта контекста и полисемии искажает смысл и интерпретацию.

Следующий пример – перевод термина «салтан», внешне схожего с «султан» (правитель), но обозначающего военный чин XVIII века, примерно капитана: «Когда посольство переехало речку, его встретил Салтан старший над войсками…» Салтан поздравил Волынского и сопровождал его с правой стороны. Эта ситуация требует сохранения термина «سلطان» с пояснением: «سلطان (درجه نظامی معادل سروان در ارتش روسیه قرن هجدهم)». Это сохраняет аутентичность и обеспечивает понятность для персоязычной аудитории. Контекстуальный анализ (командование 300 солдатами, церемониальные функции) подтверждает статус военного чиновника, а не правителя.

Проблема перевода собственных имен и топонимов

В исторических текстах частое употребление имен собственных – исторических деятелей, событий, топонимов, договоров, династий и государственных образований – представляет особую сложность. Перевод требует выбора между транскрипцией и транслитерацией. Сложности усугубляются вариативностью написания (например, «Алексей» → «آلکسی», читается как «Алекси» или «Алексеи»). Качественный перевод требует единообразия методологии и проверки по авторитетным источникам, чтобы избежать ложных этимологических соответствий.

Если существует устоявшийся эквивалент, как «صفویه» → «Сефевиды», транскрипция считается ошибкой. То же касается личных имён: «یوداش تادیوش کروسینسکی» должен передаваться как «Иуда Фаддей Крусинский». Отклонение от научных эквивалентов может исказить смысл. При отсутствии эквивалента допустимы транскрипция или транслитерация с пояснением. Переводчик должен изучить научную литературу на языке перевода для выявления признанных эквивалентов, обеспечивая преемственность историографической традиции.

Перевод топонимов требует дифференцированного подхода. Названия стран передаются по устоявшимся эквивалентам. Названия населённых пунктов требуют индивидуального решения. Пример – город Ниязоба: варианты «Ниязоба», «Низабат», «Низовая» → перс. «نیاز اوبا». Аналогично: «Шемахи» → «شماخی». Такие случаи требуют проверки по авторитетным источникам.

Исторический контекст важен, так как топонимы менялись со временем. Переводчик должен учитывать как современные, так и исторические формы, отдавая предпочтение зафиксированным академически. При отсутствии эквивалента допустима транскрипция с пояснением. Пример – «Смирна» (ныне «Измир»): оптимально – «Смирна (современный Измир)» с кратким пояснением. Баланс между точностью и понятностью важен: в научных текстах – сноски, в популярных – краткие вставки. Проверка каждого спорного топонима по авторитетным источникам обязательна.

Особую сложность представляет передача атрибутивных форм географических названий. В персидском языке изафетные конструкции соответствуют русским прилагательным, что требует внимания к словообразованию. Примеры: «Хивинская экспедиция» → «ماموریت تحقیقاتی به خیوه», «Дербентская пристань» → «اسکله دربند». При этом опускаются суффиксы -ская, -ский.

Сложности возникают с административными терминами: «Шемахинский даруга» → « داروغه شماخی», «Шемахинский хан» → «خان شماخی». Особенно трудно, когда суффикс присоединяется к заимствованию: «Низовская пристань» → «اسکله نیاز اوبا». Перевод требует понимания формы топонима и его грамматической интеграции.

Для адекватного перевода необходимо:

– различать топонимы и атрибутивные формы;

– знать устоявшиеся персидские эквиваленты;

– понимать опущение русских суффиксов при переходе к изафетной конструкции;

– учитывать исторический контекст.

Особое внимание требуется при работе с составными терминами. Пример: «Дербентский правитель» → *«حاکم دربندی» – ошибка, правильный вариант: «حاکم دربند». Это подчёркивает необходимость глубокого лингвистического и исторического анализа при передаче атрибутивных форм географических названий.

Проблема выбора единиц перевода

В теории перевода Л.С. Бархударова понятие «единицы перевода» как минимального сегмента исходного языка, имеющего соответствие в языке перевода [Бархударов, 1975, с. 176], приобретает особую значимость при работе с историко-географическими терминами. Пример – перевод «Закавказье»: выбор между морфемным уровнем («За» + «Кавказ» → «ماوراء قفقاز») и целостным словом (устоявшийся эквивалент «قفقاز جنوبی») определяет точность передачи. При наличии академически зафиксированного эквивалента приоритет должен отдаваться ему, а не буквальному морфемному анализу.

Сложности возникают, когда буквальный перевод исторических терминов искажает смысл или игнорирует традицию наименования. В переводе с русского на персидский это требует проверки каждого термина по авторитетным источникам, учёта современных стандартов географического именования и соблюдения единообразия. Корректное определение единицы перевода – выбор целостного понятия вместо морфемного разбора – становится условием сохранения лингвистической точности и исторической достоверности.

Трудности, связанные с передачей временных понятий

В контексте межкультурного перевода особое внимание следует уделять не только технической конверсии дат, но и их интерпретации в рамках исторического нарратива. Например, указание даты коронации монарха или начала войны может иметь различную символическую нагрузку в русской и персидской историографии. Переводчик должен учитывать, как воспринимается событие в целевой культуре, и при необходимости адаптировать комментарий или пояснение, чтобы сохранить историческую значимость.

Кроме того, в персидской традиции существует практика использования поэтических или религиозных обозначений времени, таких как «سال ظهور» или «سال فتح»، которые не имеют прямого календарного эквивалента. В таких случаях переводчик сталкивается с задачей не только

передачи даты, но и сохранения культурного контекста, что требует глубокого знания источников и традиций обеих стран.

Также важно учитывать, что в некоторых исторических документах даты могут быть указаны с ошибками, особенно в рукописных источниках или при переписке данных из разных систем. Переводчик должен проявлять критическое мышление и, при необходимости, сверяться с несколькими источниками, чтобы избежать распространения неточностей.

Таким образом, передача временных понятий в исторических переводах представляет собой многослойную задачу, включающую лингвистическую точность, культурную адаптацию, хронологическую сверку и стилистическую согласованность. Только комплексный и вдумчивый подход позволяет обеспечить адекватность перевода и сохранить научную достоверность текста.

Заключение

Перевод исторических текстов – задача многосложная, требующая знаний в лингвистике, истории и культурологии. Исследование выявило ключевые проблемы русско-персидского перевода:

– требование глубокого знания исторического контекста;
– соблюдение нейтральности;
– работа с архаизмами и устаревшей орфографией;
– преодоление буквализмов;
– передача имен собственных;
– выбор единицы перевода;
– конвертация дат между календарями.

Особая трудность – обратный перевод персидских реалий, требующий архивной работы, анализа, консультаций и глоссариев. Методологически важен дифференцированный подход:

– Зафиксированные эквиваленты для устоявшихся терминов
– Транскрипция с пояснением для уникальных понятий
– Контекстуальный анализ для многозначных терминов

Исследование систематизирует проблемы, предлагает решения и создаёт базу для будущих работ. Качественный перевод требует сочетания языковой, исторической и культурной компетенции.

Библиография

1. Аверьянова Г.Н. История России в зеркале русского языка книга для чтения (продвинутый этап)М., 2006. – 338с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., «Междунар. отношения», 1975. 239с.
3. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы): М.: институт общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
4. Восканян. Г.А. Ред. Шоджаи М. Русско-персидский словарь.-фарханг моасер; Тегеран. 2013. 1213с.
5. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935-1940.
6. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: М., 2011. 410 с.
7. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): М.: 1990. 253 с.
8. Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е. Особенности перевода исторических терминов, межкультурная коммуникация, 2013, Том 10, № 2
9. بيدگلی سيد محمود سادات ، مدنی جاويد مريم، تغيير مبدأ تقويم شمسي از هجري به شاهنشاهي در دوره محمدرضاشاه، پژوهش نامه تاريخ اجتماعي و اقتصادي، سال هشتم، [Бидголи Сейед Махмуд Садат, Мадани Джавид Марьям, Изменение происхождения солнечного календаря с хиджры на шахиш в эпоху Мохаммада Реза-шаха, Исследовательский журнал

социальной и экономической истории, 8-й год, выпуск 1, весна и лето 2019 г.]1398 شمارة اول، بهار و تابستان
10. عابددوست حسين، دكتر حبيب ا... آيت اللهي، سير تغيير و تحول تقويم در ايران و تحليل نمادهاي كهن گاه شماري ايراني در تقويم هاي رقومي دوره اسلامي، فصلنامه علمي- پژوهشی نگره شماره16 پاييز [Хабиб А... Аятоллахи, Абеддуст Хоссейн, д-р
Ход изменений и эволюция календаря в Иране и анализ древнеиранских хронологических символов в цифровых календарях исламского периода, Ежеквартальный научно-исследовательский журнал .Negreh, выпуск 16, осень 2010 г].осень 2010 г ,16

Features of Translating Historical Texts of the Safavid Era from Russian into Persian

Torabi Rogayeh

Master's Degree,
Tarbiat Modares University,
14115-111, 349 Jalale Ale-Ahmad str., Ale-Ahmad str., Tehran, Islamic Republic of Iran;
e-mail: r.torabi67@gmail.com

Baharloo Hadi

PhD in Philological Sciences,
Associate Professor of the Russian Language Department,
Tarbiat Modares University,
14115-111, 349 Jalale Ale-Ahmad str., Ale-Ahmad str., Tehran, Islamic Republic of Iran;
e-mail: baharloo@modares.ac.ir

Abstract

This study analyzes the features of translating specialized historical texts from the Safavid era from Russian into Persian. The primary research material is P.P. Bushev's monograph "The Embassy of Artemy Volynsky to Iran in 1715–1718," which serves as a valuable source for studying Russian-Iranian relations during the late Safavid period. The translation contributes to a deeper understanding of the Russian perspective on Iran and the historical realities of that era. The aim of this study is to classify typical difficulties in translating historical texts from Russian into Persian and to develop methodological recommendations for overcoming them, taking into account the specifics of historical context and linguistic differences. The analysis revealed the following main translation challenges: 1) adherence to professional translation ethics and the need for extralinguistic knowledge, including familiarity with historical realities; 2) the presence of archaisms, historicisms, and homonyms that complicate accurate meaning transfer; 3) the problem of etymological and semantic literalism, especially when translating terms; 4) difficulties in translating proper names and toponyms, which require adaptation; 5) the issue of selecting the appropriate translation unit based on context; 6) challenges related to conveying temporal concepts, considering differences in calendar systems (Julian vs. solar calendar). The article not only examines the main difficulties of translating historical texts from the Safavid era but also proposes specific practical methods to address them. The practical significance of the study lies in the applicability of its results in translator training programs and in the research of historians specializing in Russian-Iranian relations during the Safavid period.

For citation

Torabi Rogayeh, Baharloo Hadi (2025) Osobennosti perevoda istoricheskikh tekstov epokhi Sefevidov s russkogo na persidskiy yazyk [Features of Translating Historical Texts of the Safavid Era from Russian into Persian]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (8A), pp. 33-43. DOI: 10.34670/AR.2025.43.84.004

Keywords

Translation, equivalence, Russian language, Persian language, Artemy Volynsky's embassy, historical text.

References

1. Averyanova, G. N., The history of Russia in the mirror of the Russian language, a book for reading (advanced stage), - M., 2006. 338 p.
2. Barkhudarov L.S. Language and translation. M.: International relations, 1975. 239 p.
3. Vinogradov V.S. Introduction to translation studies (general and lexical issues): M.: Institute of General Secondary Education of the Russian Academy of Education, 2001. 224 p.
4. Vaskanyan. G. A., Ed. Shojai M. Russian-Persian Dictionary.-Farhang moaser; Tehran. 2013. 1213 p.
5. D.N. Ushakov, Explanatory Dictionary of the Russian Language: In 4 volumes M.: Sov. encycl.: OGIZ, 1935-1940.
6. Komissarov V.N. Modern translation studies: M., 2011. 410 p.
7. Komissarov V.N. Translation theory (linguistic aspects): M.: 1990. 253 p.
8. Minyar-Belorucheva A.P., Pokrovskaya M.E. Features of the translation of historical terms, intercultural communication, 2013, Volume 10, No. 2
9. Beidgoli, S.M.S., Madani Javid, M.. The change of the solar calendar's origin from Hijri to Imperial during Mohammad Reza Shah's era. Pajouheshnameh-ye Tarikh-e Ejtemaei va Eghtesadi [Journal of Social and Economic History Research]2016. 8(1). (In Persian)
10. Abeddoust, H., Ayatollahi, H. A. The evolution of calendars in Iran and analysis of ancient Iranian timekeeping symbols in digital calendars of the Islamic era. Negareh Scientific-Research Quarterly, 16. 2010. (In Persian)

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 008 **DOI: 10.34670/AR.2025.94.44.005**

Избыточность цифровых визуальных средств выразительности в медиа как проблема

Сурков Артем Владимирович

Кандидат культурологии,
доцент кафедры медиакоммуникации
департамента факультета журналистики УГИ,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: mapt2004@mail.ru

Аннотация

«Горшочек, не вари!»(нем. «Töpfchen, steh!») – взывают герои сказки «Сладкая Каша» (нем. Der süße Brei) братьев Гримм, и данная реплика служит прекрасной иллюстрацией восприятия визуальной культуры на рубеже 2024-2025 годов: без дополнительной эмпирики очевидна избыточность цифровых визуальных форматов существования изображений и образов, экспансию и множественность которых, автору статьи видится необходимым остановить подобно горшку с кашей из сказки. Данная статья посвящена проблемам, сопутствующим существованию изображения в современных медиа. Основной задачей исследования становится дифференциация внутренних процессов областей визуального в текущий исторический период (2020-е годы) и анализ феноменологических аффектов. В заключение статьи автор предлагает собственное решение в области визуального как с практической, так и с теоретической точек зрения.

Для цитирования в научных исследованиях

Сурков А.В. Избыточность цифровых визуальных средств выразительности в медиа как проблема // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 8А. С. 44-51. DOI: 10.34670/AR.2025.94.44.005

Ключевые слова

Визуальность, визуальная культура, избыточность, медиа, медиакоммуникация, семантика, эстетика.

Введение

Краткая аннотация этой статьи не случайно начинается со сказочной иллюстрации: современные исследователи медиа все чаще прибегают к литературным произведениям как наиболее точным метафорам современных процессов. Так в работе 2022 года «Экскоммуникация. Три эссе о медиа и медиации» [Гэллоуэй, Такер, Уорк, 2022] А. Р. Гэллоуэй, Ю. Такер и М. Уорк анализируют древнегреческий миф о Гермесе, Ириде и фуриях, акцентируя актуальность сказаний для нынешних процессов медиа. М. Уорк иносказательно констатирует: «Можно вспомнить и опасения ЖАНА БОДРИЙЯРА по поводу обсценного экстаза коммуникации: он словно предвидел, насколько валентна станет Ирида за последние десятилетия. Гермес одержим качеством коммуникации – Ирида одержима ее количеством» [Гэллоуэй, Такер, Уорк, 2022, с.177]. Процессы коммуникации, описанные древними греками через образы Богов являются примерами медиации в культуре, в том числе и визуальной.

Основная часть

Современный реципиент визуальной культуры вне зависимости от возраста, гендера, социальной принадлежности и статуса вступает в коммуникацию с изображением. В этом плане понятия «визуальная коммуникация» и «восприятие образов» во многом оказываются синонимичны. Изображение (чаще цифровое) формируется различными способами: фотографией, рисованной иллюстрацией, 3д-графикой, технологиями виртуальной и дополненной реальности или генерацией на основе Искусственного Интеллекта (далее ИИ). Изображение побуждает реципиента к действию: насладиться информационным или развлекательным контентом, убеждает купить товар или услугу, проголосовать за конкретного кандидата или (что чаще) поделиться содержимым в мессенджерах и социальных сетях. И перечисленный нами ранее список медиа, даже в рамках различных целей как отправителя сообщения, так и реципиента, оказывается растущим по экспоненте объемом графической информации.

Первый наш тезис – *перцепция избыточного инструментария визуальности обусловлена физиологией и психологией.* Опираясь на данные окулографического сервиса Gazerecoder, восприятие образа (как статичного, так и динамически меняющегося) в среднем занимает у респондента одинаковое время: не имеет значения, что именно показали пользователю - фотографию, генерацию ИИ или 3д-графику. На суггестию влияет в большей степени не содержание изображения, а частотность его показа, на чем и строятся многие рекламные стратегии продвижения (в «карусели» поста бренда Vetements) [Vetements Official, www]. В традиции отечественной психологической науки 2000-2010 годов часто принято трактовать данное явление как следствия «клипового мышления» (характеризуется поверхностным восприятием информации, трудностями в концентрации внимания и снижением креативности) [Харман, 2023]. Параллельно влияние визуальных медиатехнологий в психологии (чаще европейской и американской) связывают данный факт с Синдромом дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ), выявляемый чаще всего у детей младшего школьного возраста [Моргуль и др., 2021]. Респонденты держат в своем внимании большое количество визуальных образов и не концентрируются на чем-то одном – *все сливается в единый контекст без фокуса на конкретном сообщении*. Данные аффекты раскрываются как реакция, последствия в связи с

изменениями в культуре. С определенной уверенностью можно утверждать, что это лишь «симптомы», свойственные современному обществу, и эти симптомы носят характер проблемы, стоящей перед этим обществом.

И на наш взгляд, эта проблема лежит намного глубже: с феноменологической точки зрения вызывает интерес именно многообразие форм цифрового визуального контента и их избыточность, а не способы их трансляции и дистрибуции (мы можем показать респонденту образ в течение разного промежутка времени, проблемой становится не то, что респондент не успеет его считать, а в том, что подобных образов увидит множество). Происходит естественное расширение представлений о мире и, как уточняет А. Р. Гэллоуэй со ссылкой на Спинозу: «чем больше мы расширяем свое сознание в мир, тем больше рискуем оказаться от него отчужденными» [Гэллоуэй, Такер, Уорк, 2022, с.42]. Кроме этого, мы «грязнем» в герменевтической интерпретации, при этом «само присутствие имеет смысл, вне зависимости от его толкований» [Гэллоуэй, Такер, Уорк, 2022, с.70]. То есть любое изображение в ленте Instagram (принадлежит корпорации Meta, объявленной экстремистской и запрещенной на территории РФ) становится предметом для герменевтического анализа, максимально отдаляя наше сознания от мира. М. Ямпольский аргументирует привлекательность этого и с точки зрения эстетики, что отлично соотносится с явлением беспорядочного просмотра соцсетей: «Неконтролируемая жизнь чувств» всегда создает иллюзию актуальности, ведь для читателя или зрителя нет ничего актуальнее собственного аффекта [Ямпольский, 2022, с. 321]. Современный пользователь и сам находится в культуротворческом потоке – генерирует визуальный контент самостоятельно посредствам мобильных устройств дабы поделиться собственным аффектом от восприятия: посмотрите какое это! Таким образом, восприятие визуальной культуры на рубеже 2020–2030 годов:

– зависит от частотности показа;
– ориентировано на распространение визуальной репрезентации аффекта;
– формирует в большей степени контекст мировоззрения (а не некую сингулярность);
– инициирует культуротворческий акт пользователя.

Второй наш тезис – *цели взаимодействия акторов коммуникативного процесса не требует настолько избыточного инструментария визуальности.* И здесь, на наш взгляд, вновь стоит прибегнуть к образам многовековой давности, обращаясь к теории «причинности» Аристотеля. Так, древнегреческий философ выделял 4 категории причинности вещей, существующих в мире: материальную, формальную, движущую, и целевую.

Возьмем, к примеру, цифровое изображение домашнего питомца (фотографию или генерацию ИИ), которое в избытке присутствует в социальных сетях:

– *Материальная причина* подобной картинки – зарегистрированная в виде байтов реальность (или контекст) или сумма расчетов ИИ, обученного на реальных фотографиях;
– *Формальная причина* проявляется как изображение в цветности 32 бита, возможно что-то заставило пользователя выбрать именно ее (цвет, композиция, форма);
– *Движущая причина* (отметим: она отличается от предыдущей именно внутренней интенции автора изображения, это не контекст и не форма) – то, что заставляет автора выбрать именно его. Сюда мы можем отнести личные амбиции автора, его психологические и внешние мотивы (например пропажа, болезнь или смерть питомца);
– И наконец *целевая причина – некая ожидаемая реакция: одобрение, комментарий,*

дальнейшая дистрибуция изображения.

Как видно из этих четырех категорий причинности, многие изображения возникают случайно и не несут какой-либо практической пользы в качестве инструмента, что фундаментально отличается от визуальности предыдущих эпох: ранее изображение фактом своего существования решало просветительскую, презентационную или религиозную задачу. Фотографии становились фактом верификации личности или события, рекламные постеры – призывом купить конкретный товар или услугу. *Современный модус существования изображений алогичен и вызывает безусловный интерес одним фактом своего бессмысленного (в данном случае без оценочно) и беспричинного бытия*.

Продолжая феноменологический анализ, сравним изображение с ремесленническим инструментом. Г. Харман, ссылаясь на Э. Гуссерля, отмечает, что «с точки зрения эмпиризма, качества – единственное, что важно» [Цветков, Павлова, 2023, с. 65], объекты оцениваются по своему функционалу: молоток – по силе (весу) удара, свеча – по яркости горения и. т. д. И в текущей коммуникационной ситуации пользователь постоянно вынужден выбирать какой вид/тип/класс изображений (и медиа) использовать для передачи своего сообщения. Справедливо вспомнить известную цитату М. Маклюэна: «медиа есть сообщение» [Маклюэн, 2003, с. 6], и на современном витке развития общественной мысли мы можем с уверенностью констатировать: медиа – не просто сообщение, медиа – вещь в себе в кантовском прочтении. Упомянутый Г. Харманом эмпиризм, на наш взгляд, – весомый аргумент: изображение в медиа в онтологическом смысле перестают обладать закладываемым в них содержанием: буквально «перегорают» как свечи или «ломаются» от интенсивного взаимодействия как молоток. С определенной уверенностью можно утверждать, что *человечество в целом не нуждается в таком количестве визуальных инструментов*.

В заглавии нашей статьи упомянута «проблема», и для автора этот термин носит системный характер: обращаясь к коммуникативной теории, модель Шеннона и Уивера [Ямпольский, 2022] описывает три элемента: Отправитель – канал – получатель. Классики теории коммуникации описывают три уровня проблем, характерных для данной модели:

– техническая проблема – насколько точно может передаваться сообщение;
– семантическая проблема – как передаётся смысл;
– проблема эффективности – насколько эффективно значение сообщения влияет на поведение.

Техническая проблема – не столь важна для предмета нашей статьи, так как детерминируется каналами связи и устройствами воспроизведения визуального. Сфокусируемся на двух оставшихся проблемах:

Говоря о семантике изображения, справедливо отметить, что на момент написания статьи (апрель 2025 года) современные теории анализа практически цитируют идеи Ч. С. Пирса, Ф. Соссюра, Р. Барта, Дж. Т. Митчелла (то есть в большинстве своем относятся к доцифровой эпохе визуального). Строго говоря, для исследований семантики и нет прагматической потребности – ни в одном из дискурсов – философском, искусствоведческом, теории медиа – не остается места анализу изображения, особенно в контексте графики, созданной ИИ. Во многом это обусловлено множественностью предмета исследования.

Данная статья не ставит перед собой задачу разработать новую теорию анализа семантики с учетом цифровой и сетевой специфики изображения. Вместе с тем нам кажется, что конкретные ходы могут быть предприняты в области практики работы с визуальным. Прародитель компьютерной графики и современной визуальной культуры – корпорация Adobe – практически

не публикует научные исследования, посвященные семантике изображения. Вместе с тем, в руководстве по фирменному стилю программных продуктов компании от 25 октября 2010 на странице 23 встречается классификация видов фотографий, используемых пользователями для оформления макетов в социальных медиа: Atmospheric/detail, Depersonalized, Personal. Экстраполируя данные категории на визуальную культуру в целом, мы увидим, что вообще все типы изображений (не только фотографии) можно по семантике разделить на те же три группы: Атмосферные/детали, Деперсонализированные и Персональные. Продолжая свою логику, на странице 24, специалисты Adobe подчеркивают (не претендуя на универсальность принципа), что нет никакой необходимости использовать в макете вашего изображения только персональные портретные образы. Следовательно, применительно к содержанию социальных сетей – нет никакой потребности наполнять ленту одними портретами.

И здесь мы рискнем предложить собственную интерпретацию принципов Adobe: для любого информационного послания имеет смысл репрезентовать *деталь* (как нечто укорененное в опыте зрителя как сенсорный паттерн), *деперсонализированное действие* (как некий образ того, что зритель сам может совершить) и, наконец, *персону-характер-портрет* (как *конкретный* образец документальности – верификацию того, что увиденное имеет право на существование в реальности или воображении). На момент написания статьи не существует единой метрики, способной калькулировать все портретные фотографии в социальных сетях, но любая эмпирика, например, Instagram в 2024 году (принадлежит корпорации Meta, объявленной экстремистской и запрещенной на территории РФ) показывает особенную популярность портретов среди аудитории (рекордсменами оказались футболисты К. Роналду и Л. Месси). Очевиден количественный дисбаланс изображений в сторону портретов – именно они вызывают самую активную реакцию аудитории. Нарциссизм в социальных медиа рассматривается отдельно психологами [Савина, 2020; Янсон, www] и в их исследованиях, на наш взгляд, трудно обнаружить истинные смыслы подобного массового поведения. А. Бергсон в доцифровой и досетевой период существования современной культуры отмечал «Наше актуальное существование, по мере того как оно развертывается во времени, удваивается существованием виртуальным, изображением в зеркале. Каждое мгновение нашей жизни дает, следовательно, две стороны: оно актуально и виртуально, восприятие, с одной стороны, и воспоминание – с другой» [Бергсон, 1999, с. 1033]. При этом остальные типы изображений остаются менее востребованными пользователями сети. Данный пример проявляет закономерность: изображения вызывают семантическое прочтение, когда понятны (у знака есть значение), то есть укоренены в зрительском опыте пользователя или имеют дескриптор. Следовательно, чтобы избавиться от избыточности визуального: достаточно сместить культуротворческий аспект изображения с конкретного на абстрактное – *поменять модус его существования на разнообразие форм*. В защиту этого тезиса мы можем сказать, что отсутствие конкретики в изображении приводит зрителя к новым переживаниям, не укоренённым в опыте. В примере выше была упомянута серия рекламных изображений бренда Vetemens [Vetements Official, www]: трижды показана одна и та же фотография футболки с различной степенью размытия, изменения в снимках не значительны – данная кампания не дает разнообразия визуального, а эксплуатирует повтор как инструмент суггестии.

И здесь уместно перейти к последней проблеме эффективности – насколько значение сообщения влияет на поведение зрителя. Из самой модели Шеннона-Уивера не очевидно, в чем заключается «качество» коммуникации и как следствие качество воспринимаемого изображения. В бытовом обращении с цифровым изображением в период до 1980-2020-х годов

прослеживался некий диктат разрешения (resolution) изображения и его соответствия экрану демонстрации/печатному устройству. Напротив, использование функции enhancer (изменение детализации и разрешения изображения), доступное в современных сервисах, позволяет детализировать и довести до печатных требований любое изображение. Следовательно, любые споры про низкие стандарты изображения более не актуальны. И кроме этого, у пользователя/зрителя нет ни эстетического, ни технологического категориального аппарата для оценки изображения. И решение в данном случае видится либо вводом новых технических регламентов использования изображений (вот лишь часть перспективных технологий: VR, AR, HDR и т. д.), либо в новой визуальной конвенции эстетики, где будет установлена иерархия образов (что пока даже помыслить не представляется возможным).

Заключение

Многие затронутые в статье аспекты визуального переизбытка информации безусловно останутся без конкретных решений. Возвращаясь к первой метафоре братьев Гримм, скорее всего, невозможно ограничить распространение изображений, но возможно сконцентрироваться на разнообразии их содержания. Как логично отмечают авторы Экскоммуникации – Гермес (как образец содержания сообщения) важнее Ириды (отвечающей за форму и дистрибуцию). Причинность каждого изображения также не всегда аргументирована в категориях Аристотеля и идеях Э. Гуссерля: в избыточном визуальном нет необходимости. И данные концептуальные основания, как мы успели убедиться, подтверждаются в рамках модели Шеннона-Уивера. Однако, в коммуникативном плане, предлагаемая корпорацией Adobe классификация образов по их семантике доступно иллюстрирует, что содержание изображений во многом способно решить проблему этой избыточности: достаточно снизить процент конкретных персонализированных образов – уникальный опыт пользователя может быть транслирован и через абстрактное.

Библиография

1. Бергсон А. Воспоминание настоящего / / Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Мн.: Харвест, 1999. –1408 с.
2. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с. (Приложение к серии «Публикации Центра Фундаментальной Социологии»).
3. Моргуль А. Р. и др. Влияние информационных технологий на развитие тревожных расстройств у детей с СДВГ //FORCIPE. – 2021. – Т. 4. – №. S1. – С. 703-704.
4. Савина С. А. Взаимосвязь нарциссизма и интернет-зависимости у лиц, пользующихся социальными сетями //МНСК-2020. Психология. – 2020. – С. 45–46.
5. Харман, Г. Искусство и объекты / перевод с английского Д. Кралечкина; под научной редакцией М. Черновой. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2023. 440 с. (Библиотека журнала «Логос»).
6. Цветков В.Л., Павлова А.А. Клиповое мышление как актуальная психологическая проблема // Вестник Московского университета МВД России. 2023. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klipovoe-myshlenie-kak-aktualnaya-psihologicheskaya-problema (дата обращения: 2025-04-18).
7. Экскоммуникация. Три эссе о медиа и медиации: пер. с англ. - М. : Ад Маргинем Пресс, 2022. - 256 с. Содерж. авт.: Александр Р. Гэллоуэй, Юджин Такер, Маккензи Уорк.
8. Ямпольский М. Б. Возвращение Адама //Миф, или Современность архаики. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха. 2022. 416 с.
9. Янсон Д. В. Культура Инстаграма* (Instagram – проект Мета Platforms INC., данная социальная сеть запрещена на территории РФ) как зеркало нарциссизма современного общества. URL: http://zi-kozlov.ru/collections/vestnik-33-1-2024.pdf#page=379 (дата обращения: 2025-04-18).
10. Shannon C. E. A Mathematical Theory of Communication URL:

https://people.math.harvard.edu/~ctm/home/text/others/shannon/entropy/entropy.pdf (дата обращения: 2025-04-18).
11. Vetements Official Instagram account URL: (https://www.instagram.com/p/DFs4FLLxVym/?igsh=M3FiaHoyM2g4cmtt) (дата обращения: 2025-04-18).

Redundancy of Digital Visual Expressive Means in Media as a Problem

Artem V. Surkov

PhD in Cultural Studies,
Associate Professor of the Department of Media Communication,
Department of Journalism Faculty of UGI,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
620002, 19 Mira str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: mapt2004@mail.ru

Abstract

"Pot, stop cooking!" (German: "Töpfchen, steh!") – exclaim the characters of the Brothers Grimm's fairy tale "Sweet Porridge" (German: Der süße Brei), and this remark serves as an excellent illustration of the perception of visual culture at the turn of 2024–2025: without additional empirical evidence, the redundancy of digital visual formats of images and representations is evident, and the author of the article believes it is necessary to stop their expansion and multiplicity, much like the pot of porridge in the fairy tale. This article addresses the problems accompanying the existence of images in modern media. The main objective of the research is to differentiate the internal processes within the realm of the visual in the current historical period (the 2020s) and analyze phenomenological affects. In conclusion, the author proposes their own solution in the field of the visual from both practical and theoretical perspectives.

For citation

Surkov A.V. (2025) Izbytochnost' tsifrovykh vizual'nykh sredstv vyrazitel'nosti v media kak problema [Redundancy of Digital Visual Expressive Means in Media as a Problem]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (8A), pp. 44-51. DOI: 10.34670/AR.2025.94.44.005

Keywords

Visuality, visual culture, redundancy, media, media communication, semantics, aesthetics.

References

1. Bergson A. Remembering the present // Bergson A. Creative evolution. Matter and memory. Mn.: Harvest, 1999. -1408 p.
2. McLuhan G. M. Understanding Media: External human Extensions / Translated from English by V. Nikolaeva; Senior Lecturer M. Vavilova, Moscow; Zhukovsky: CANON-press-Ts, Kuchkovo Pole, 2003– 464 p. (Appendix to the series "Publications of the Center for Fundamental Sociology").
3. Morgul A. R. and others. The influence of information technology on the development of anxiety disorders in children with ADHD //FORCIPE. – 2021. – Vol. 4. – No. S1. – pp. 703-704.
4. Savina S. A. The relationship between narcissism and Internet addiction in people using social networks // MNSK-2020. Psychology. 2020. pp. 45-46.
5. Harman, G. Art and objects / translated from English by D. Kralechkin; edited by M. Chernova. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2023. 440 p. (The library of the Logos magazine).

6. Tsvetkov V.L., Pavlova A.A. Clip thinking as an actual psychological problem // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klipovoe-myshlenie-kak-aktualnaya-psihologicheskaya-problema (date of reference: 2025-04-18).
7. Excommunication. Three Essays on Media and mediation: translated from English, Moscow: Adam Press, 2022, 256 p. Author's notes: Alexander R. Galloway, Eugene Tucker, Mackenzie Wark.
8. Yampolsky M. B. The Return of Adam // Myth, or the Modernity of Archaism. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House. 2022. 416 p.
9. Janson D. V. Instagram Culture* (Instagram is a project of Meta Platforms INC., this social network is banned in the territory of the Russian Federation) as a mirror of the narcissism of modern society. URL: http://zi-kozlov.ru/collections/vestnik-33-1-2024.pdf#page=379 (accessed: 2025-04-18).
10. Shannon C. E. A Mathematical Theory of Communication URL: https://people.math.harvard.edu /~ctm/home/text/others/shannon/entropy/entropy.pdf (accessed: 2025-04-18).
11. Vetements Official Instagram account URL: (https://www.instagram.com/p/DFs4FLLxVym/?igsh=M3FiaHoyM2g4cmtt) (date accessed: 2025-04-18).

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 008 **DOI: 10.34670/AR.2025.68.28.006**

Социальные аспекты жанрообразования медиатекстов англоязычных бизнес-СМИ

Крылова Кристина Константиновна

Соискатель,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
Педагог дополнительного образования,
Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: kristina_krylova03@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается процесс появления новых жанров в языке в целом и в медиасегменте англоязычного бизнес-дискурса в частности. Автор исследует научные подходы к определению процесса жанрообразования в дискурсе и изучает влияние цифровизации и социальных изменений на данный феномен, а также рассматривает понятие медиатекста и свойственные ему характеристики. В статье изучаются понятия «жанр», «функциональный стиль» и «регистр» и приводятся отличия между ними. Кроме того, проводится обзор различных классификаций и категорий жанров современных онлайн-СМИ и их отличие от «традиционных» жанров журналистики. На основе теоретического обзора научной литературы современных исследований, а также практического анализа популярных англоязычных бизнес-медиа выделяются ключевые компоненты и характеристик жанров, которые часто встречаются в данном сегменте дискурса. Также автором выделяются основные факторы, которые влияют на динамику жанрообразования в современных медиатекстах англоязычных бизнес-СМИ.

Для цитирования в научных исследованиях

Крылова К.К. Социальные аспекты жанрообразования медиатекстов англоязычных бизнес-СМИ // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 8А. С. 52-61. DOI: 10.34670/AR.2025.68.28.006

Ключевые слова

Жанр, жанрообразование, бизнес-СМИ, медиатекст, бизнес-дискурс.

Введение

Процесс речевой коммуникации как интерпретация или воспроизведение текста всегда реализуется в контексте определенного речевого стиля, практики или жанра. Именно появление или внедрение в дискурс новых жанров выступает в качестве катализатора для повышения языкового разнообразия и расширения речевого репертуара. Тем не менее, в современной науке присутствуют разные подходы к определению статуса, сути и границ понятия «жанр» (М. М. Бахтин, А. Вержбицкая и др), поскольку данный феномен является междисциплинарным и применяется в разных отраслях науки, а также тесно связан с динамичностью и постоянным развитием языка [Никонова, 2020].

Появлению в языке новых жанров, как правило, предшествуют изменения в социуме, которые формируют потребность в новых способах выражения мыслей в конкретной области применения языка. Новые социальные практики стимулируют появление новых практик в дискурсе, которые, с течением времени, преобразовываются в устойчивые речевые жанры, характерные для определенных сфер коммуникации. В англоязычном бизнес-дискурсе, где социальные изменения, вызванные развитием научно-технического прогресса, появлением новых социальных институтов и масштабными процессами информатизации и глобализации, происходят особенно часто, жанрообразование является непрерывным процессом, необходимым для регулирования коммуникации как на локальном уровне, так и на международной арене.

Основная часть

На протяжении длительного периода времени жанр рассматривался исследователями как вид текстов, а система речевых жанров – как упрощенная схема, которая симплицифицирует и поверхностно упорядочивает существующие типы текстов, разбивая их на классификации [Хомутова]. Значительное переосмысление подходов к формулированию сути и классификации видов жанра произошло в течение последних 40 лет. Основоположником теории речевых жанров принято считать известного автора М. М. Бахтина, который в своих работах определяет жанр как «относительно устойчивый тип высказывания для каждой сферы использования языка» [Бахтин, 1986: 428]. Именно он впервые вывел процесс изучения жанра за пределы художественного текста и рассматривал жанр как «типическую форму высказывания». Согласно М. М. Бахтину, в типических ситуациях речь принимает определенные типические формы, которые и соответствуют жанру.

В нашем исследовании, мы опираемся на теорию речевых жанров М.М. Бахтина, поскольку рассматриваем процесс жанрообразования в социальном контексте и четко разграничиваем понятия «жанр», «функциональный стиль» и «регистр». Соотношение этих понятий до сих пор представляет широкий исследовательский интерес. Как отмечает М. М. Бахтин, жанровые стили определенных социальных сфер представляют из себя функциональные стили как таковые, а стиль является элементом жанрового единства высказывания [Бахтин, 1997]. Вслед за О. С. Ахмановой, в нашем исследовании мы придерживаемся следующего определения стиля: «одна из дифференциальных разновидностей языка, языковая подсистема с своеобразным словарем, фразеологическими сочетаниями, оборотами и конструкциями, отличающаяся от других разновидностей в основном экспрессивно-оценочными свойствами составляющих её элементов

и обычно связанная с определенными сферами употребления речи» [Ахманова 1969: 454-455]. В свою очередь, понятие функционального стиля близко, но не синонимично термину «регистр», который Д. Кристал определяет как «социально обусловленный вариант языка» [Crystal, 1997: 457]. Кроме того, регистр зачастую относят к маркеру формальности высказывания (формальный, неформальный) [Мороховский, 1991], социальных ролей (дружеский, профессиональный, нейтральный) [Gimenez-Moreno, 2011].

Становится очевидно, что понятия «жанр», «функциональный стиль» и «регистр» тесно связаны с социальным аспектом языка. Рассматривая дискурс как «текст, погруженный в жизнь» [Арутюнова, 1990] мы не можем не придавать особое внимание социальным факторам, которые влияют на процесс формирования новых жанров и их внедрения в коммуникативный процесс. Именно такие социальные факторы, как научно-технический прогресс, развитие новых форматов и платформ коммуникации, процессы мировой глобализации и цифровизации и др. выступают в качестве катализатора жанрообразования в самых разных направлениях коммуникации, в том числе и в цифровых бизнес-медиа [Шайхитдинова, 2022].

В связи с цифровизацией коммуникационных процессов на передний план выходит появление новых жанров в деловых онлайн-СМИ. Причем, данный процесс осуществляется параллельно с цифровизацией устоявшихся журналистских жанров. Так, жанры интервью, обзора, репортажа, комментария, статьи переносятся в онлайн-формат и встречаются на сайтах современных бизнес-СМИ (Harvard Business Review, CNN, USA Today, The Wall Street Journal и др.), сохраняя свои традиционные характеристики, черты и структуру. С другой стороны, цифровизация медиа стимулирует появление и новых жанров. К таким исследователи относят онлайн-конференции, интерактивные блоги, «вопрос-ответ», оцифрованный аналитический обзор, «твиттер-репортаж» и др. [Сафина, 2013].

В цифровой медиалингвистике центральное место занимает понятие медиатекста, которое зародилось в 90-х годах XX в. В узком смысле под медиатекстом принято понимать совокупный «продукт трех глобальных подсистем массовой коммуникации: журналистики, PR и рекламы» [Казак, 2012] [Добросклонская, 2008], а в широком – любой текст медийного вида, направленный на массовую аудиторию [Федоров, 2012]. Так, американский ученый Алан Белл утверждает, что понятие медиатекста не сводится к пониманию под текстом простой последовательности слов, представленных на бумажном носителе, а включает в себя огромный спектр элементов, таких как голосовые качества, музыка, визуальные образы и звуковые спецэффекты. Автор считает, что «медиатексты фактически отражают технологии, используемые для их производства и распространения» [Bell, 1996]. Другое определение медиатекста выдвигает российский ученый Г. Я. Солганик, который призывает понимать под медиатекстом «разновидность текста, принадлежащую массовой информации, характеризующуюся особым типом автора (принципиальное совпадение производителя речи и ее субъекта), специфической текстовой модальностью (открытая речь, многообразное проявление авторского Я), рассчитанную на массовую аудиторию» [Солганик, 2005].

Медиатекст обладает отдельным набором характеристик, которые также тесно связанны с социальными изменениями в обществе. К данным особенностям принято причислять медийность (медиатекст всегда создается при помощи определенных медиасредств, к которым относят радио, телевидение, Интернет, печатные издания и др.); массовость (медиатекст всегда направлен на широкую аудиторию и находится в доступности); интегративность; поликодовость (медиатекст оперирует рядом семиотических кодов, как вербальных, так и

невербальных) [Фаткуллина, 2012]. С течением времени и ходом технического прогресса, понятие поликодовости эволюционировало, и вслед за ним появилось новое понятие мультимодальности. Данный термин предлагают зарубежные исследователи Г. Кресс и Т. ван Лиувен, которые называют мультимодальность взаимосвязью между аудиальными текстами и различными изображениями, видеоматериалами, письменным текстом и т.д. [Kress, van Leeuwen, 2001]. Сегодня в качестве одной из значимых характеристик медиатекста выделяют не только потенциальное наличие в нем кодов одной или нескольких семиотических систем, но и его направленность на конкретную систему восприятия и, следовательно, сенсорную модальность. Именно это свойство текста принято называть «мультимодальностью» [Трубников, 2017]. А. А. Кибрик отмечает, что коммуникация является мультимодальной по своей природе, поскольку ее содержание, помимо речевых кодов, передается также с помощью невербальных коммуникативных средств [Кибрик, 2010]. В рамках данного исследования мы придерживаемся именно термина «мультимодальность», поскольку бизнес медиатексты отличаются интерактивностью и зачастую включают в себя невербальные средства коммуникации, такие как инфографика, оформление материала (фоновые изображения, выбор цветовой гаммы, шрифтов и т.д.), визуальное сопровождение и др.

В бизнес-СМИ медиатексты отличаются по своим функционально-жанровым характеристикам, и спектр жанров в медиадискурсе постоянно расширяется. Так, Т. Г. Добросклонская выделяет следующие основные категории жанров медиатекста: новости; комментарий; публицистику; рекламу [Добросклонская, 2008]. С другой стороны, западные исследователи придерживаются разделения медиатекстов на три ключевых жанровых направления: информационный (например, новостной медиатекст, репортаж); толковательный (например, комментарий, редакционная статья); жанр статьи (обзор, профиль) преимущественно социально-развлекательной направленности [Montgomery, 2007: 45].

Вопрос выделения жанров в онлайн-медиа интересует многих современных исследователей. Социальные институты и новые способы, методы и форматы взаимодействия определяют границы норм стиля и жанров, которые, тем не менее, гораздо более размыты в Интернет-среде [Бахтиозина, 2024]. Рассуждая об Интернет-журналистике, А. А. Калмыков и Л. А. Коханова утверждают, что жанровое многообразие в сети характеризуется присутствием «всего по всем, в каждом и везде» [Калмыков, Коханова, 2005: 134]. За последние 20 лет появились работы, в которых описываются такие жанры цифровых СМИ, как блиц-опрос, вопрос-ответ, анкета [Калмыков, Коханова, 2005], репортаж в режиме реального времени [Сафина, 2013], портретный очерк, скетч [Тырыгина, 2010], блог-дискуссия, аналитический прогноз [Данюшина, 2011] и др. Как отмечает Ю. В. Данюшина, жанры делового общения широко представлены в онлайн-среде, причем эта репрезентация может приобретать две ключевые формы: 1) на сайтах публикуются материалы, которые изначально являются «несетевыми» и/или не требуют специальной адаптации под цифровой формат 2) материалы приобретают «новые» или «модифицированные жанры», которые не характерны для «традиционных», оффлайн- СМИ [Данюшина, 2011].

Практическое исследование подтверждает тезис исследователей о многообразии новых жанров в современных бизнес-медиа. Наглядно появление новых жанров медиатекстов в бизнес-дискурсе современных англоязычных СМИ можно увидеть, обратившись к актуальным медиа-сайтам. Например, в разделе «медиа» в категории «бизнес» на портале The Wall Street Journal [The Wall Street Journal] можно увидеть медиатексты в самых разных жанрах,

значительно отличающихся от жанров оффлайн-СМИ. Среди них интерактивный формат квиза-опроса, позволяющий пользователям протестировать свои знания, а затем представляющий информацию в коротких блоках с помощью сторителлинга. Отдельно стоит отметить рубрику материалов, выполненных в жанре «вопрос-ответ»: структурирование информации блоками путем предоставления комментариев на актуальные вопросы. Кроме того, на сайте можно встретить большое количество видеоматериалов, в таких жанрах, как онлайн-интервью, обзоры и комментарии экспертов, а также оцифрованные медиатексты устоявшихся журналистских жанров, такие как репортажи, статьи, рекламные материалы, интервью и др.

Пример интеграции диалогических жанров [Месеняшина, 2010] можно увидеть на сайте CNN [CNN], где пользователи могут активно вовлекаться в публикуемый контент, оставляя комментарии или взаимодействуя в открытых онлайн-обсуждениях. Кроме того, на портале присутствуют и материалы, выполненные в формате «сборника» цитат, отсортированных по темам, а также жанры текстовых онлайн-репортажей в разделе «блог», в рамках которого журналисты осуществляют освещение актуальных событий в формате коротких сообщений, публикуемых в режиме реального времени. Данные материалы преобразуются в обособленные рубрики и регулярно публикуются на портале, что дает возможность выделять их в качестве отдельных текстовых жанров, характерных для бизнес-медиа.

Новые социально обусловленные жанры можно встретить и на сайте The Harvard Business Review [The Harvard Business Review]. Медиатексты в этом онлайн-СМИ эффективно адаптированы под современные реалии и приобретают новые форматы, включают в себя интерактивные функции, видеоконтент и оцифрованную инфографику. Жанры «вопрос – ответ», «блогерский онлайн-репортаж», «подборка экспертных комментариев» и другие фигурируют и на этой платформе, посвященной бизнес-тематике. Появление новых жанров в бизнес-дискурсе онлайн-СМИ уже не окказиональное явление, а динамично развивающийся феномен, который охватывает все онлайн-платформы и средства массовой информации.

Тем не менее, нельзя утверждать, что набор жанров медиатекстов может быть ограничен или четко систематизирован. Тексты средств массовой информации, особенно на просторах сети Интернет, постоянно приобретают новые формы и жанровые характеристики. Безусловно, процесс жанрообразования в цифровых бизнес-СМИ происходит стихийно, однако, среди ключевых компонентов, которые их объединяют, авторы выделяют следующие:

– диалогичность и лаконичность (возникновение коммуникации на основе взаимодействия, краткое и четкое преподнесение информации) [Якубинский, 1986];
– мультимодальность (взаимосвязь между аудиальными текстами и различными изображениями, видеоматериалами, письменным текстом и т.д., которое выражается в комбинации речевых кодов и невербальных коммуникативных средств) [Kibrik, 2002]; [Kress, van Leeuwen, 2001].
– гипертекстуальность (возможность нелинейного прочтения электронного текста в форме, состоящей из фрагментов и сносок) [Масалова, 2023].
– высокая степень экспрессивности (широкий набор стилистических и суггестивных приемов, стратегии и тактики воздействия и влияния, фигуры речи) [Попова, 2020];
– персонализация (привлечение внимания аудитории через личное обращение и специфическую лексику) [Ахренова, Зарипов, 2023].
– переработка и систематизация информации, нежели ее создание (современные медиатексты «не создают, а отбирают и «упаковывают», распространяют информацию)

[Распопова, 2021: 39] и др.

Данные характеристики можно связать с некоторыми социальными факторами, которые влияют на процесс жанрообразования в современных англоязычных цифровых СМИ. К данным факторам можно отнести, среди прочего:

– технологический прогресс и развитие информационных технологий, которые влекут за собой интерактивность онлайн-материалов и возможность пользователей взаимодействовать с контентом (аудитория может отправить в издание свои вопросы на определенную тему, которые редакторы будут учитывать при подготовке информационных материалов) [Попова, 2021], [Шайхитдинова, 2022];
– «перенасыщенность» информационного поля (в текущих реалиях пользователь сталкивается с огромным потоком информации, поэтому для улучшения восприятия платформы предпочитают преподносить данные в максимально структурированном и лаконичном виде) [Труфанова, 2019];
– «ленивость» современного Интернет-пользователя (маркетинговые исследования подтверждают, что Интернет-аудитория отдает предпочтение наиболее простым и емким источникам информации) [Гугуева, 2012], [Можейкина, 2015].

Заключение

Таким образом, в сфере англоязычного сетевого бизнес-дискурса новые жанры возникают на платформах современных онлайн-СМИ, в социальных сетях и блогах. Преимущественно этот процесс стимулируют запросы и потребности аудитории цифровых СМИ, а также активное развитие информационных технологий. Новые жанры отличаются качественным разнообразием, но их объединяют ряд общих лингвистических характеристик и элементов, которые отличаются от жанров традиционных медиа своей интерактивностью, мультимодальностью и адаптивностью.

Библиография

1. *Арутюнова Н. Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
2. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. // Изд. 2-ое, стереотип. М.: «Сов. Энциклопедия», 1969. 608 с.
3. *Ахренова Н. А., Зарипов Р.И.* Лингвопрагматические характеристики современного поликодового мультимодального медиатекста в контексте информационно-психологического воздействия // Медиалингвистика. 2023. №4. С. 428–448.
4. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 428–472.
5. *Гугуева Д. А.* Новые социальные характеристики интернет-пользователей и интернет-сообществ // Russian Journal of Education and Psychology. 2012. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novye-sotsialnye-harakteristiki-internet-polzovateley-i-internet-soobschestv (дата обращения: 19.06.2025).
6. *Данюшина Ю. В.* Многоуровневый анализ англоязычного сетевого бизнес-дискурса: диссертация на соискание уч. ст. д. ф.н. М., 2011. 486 с.
7. *Дементьев В. В.* Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 109-121.
8. *Добросклонская Т. Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ : современная английская медиаречь : учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 264 с.
9. *Казак М. Ю.* Специфика современного медиатекста // Лингвистика речи. Медиастилистика : кол. моногр., посвящ. 80-летию проф. Г.Я. Солганика. М., 2012. С. 320-334.
10. *Кибрик А. А.* Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. 2010. Вып. IV. С. 134–152.

11. Месеняшина Л.А. Диалогический жанр? // Вестник ЧелГУ. 2010. №22. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dialogicheskiy-zhanr (дата обращения: 19.06.2025).
12. *Можейкина Л. Б.* Личностные характеристики активных пользователей социальных сетей // Медицина Кыргызстана. 2015. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-harakteristiki-aktivnyh-polzovateley-sotsialnyh-setey (дата обращения: 19.06.2025).
13. *Мороховский А. Н.* Стилистическая дифференциация современного английского языка // А.Н. Мороховский, О.П. Воробьева, Н.И. Лихошерст, З.В. Тимошенко. Стилистика английского языка. Киев, 1991. С. 227-240.
14. *Никонова Е. А.* Определение понятия «Жанр» (основные подходы, проблемы и перспективы): систематический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. №9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-ponyatiya-zhanr-osnovnye-podhody-problemy-i-perspektivy-sistematicheskiy-obzor (дата обращения: 20.07.2025).
15. *Попова Е. А.* Политический дискурс в обучении иностранным языкам студентов-международников и политологов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2020. №1 (834). С. 77-87.
16. *Попова Т. В.* Технический прогресс как фактор изменения социального значения массовой информации: новый взгляд на власть медиа // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. №11-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnicheskiy-progress-kak-faktor-izmeneniya-sotsialnogo-znacheniya-massovoy-informatsii-novyy-vzglyad-na-vlast-media (дата обращения: 21.06.2025).
17. *Распопова С. С.* Автор как реальный человек и образ автора в медиатексте // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. №4(2). С. 149–158.
18. *Сафина А. Р.* Особенности жанров интернет-СМИ // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. №2-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-zhanrov-internet-smi (дата обращения: 18.05.2025).
19. *Солганик Г.Я.* К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник Моск. Ун-та. Серия 10: «Журналистика». 2005. No 2. С. 7-15.
20. *Трубников А. М.* Методика оценки полимодального текста через призму ценностей. // Сборник: Стратегии интернационализации в иноязычном образовании: материалы и доклады междунар. конференции. Самара: Изд-во Самарского университета, 2017. С. 252–257.
21. *Тырыгина В. А.* Жанровая стратификация масс-медийного дискурса. М.: УРСС, 2010. 320 с.
22. *Фаткуллина Ф. Г., Андрианова К. В.* Медиатекст как фактор формирования массового сознания // Вестник Башкирского университета. 2012. No 3 (1). Т. 17. С. 1476-1478.
23. *Фёдоров А. В.* Анализ аудиовизуальных медиатекстов. М.: МОО «Информация для всех», 2012. 182 с.
24. *Хомутова Т. Н.* Типология жанра: от теории к практике // Вестник ЮУрГУ. 2006. №6. С. 60-64.
25. *Шайхитдинова С. К.* К методу выявления дискурсивных практик идеологии в текстах массовой коммуникации // ВЭПС. 2022. №4. С. 123-127.
26. *Шерстяных И. В.* Теория речевых жанров: лекционно-практический курс для магистров. М.: ФЛИНТА; Наука, 2014. 546 с.
27. *Якубинский, Л. П.* О диалогической речи // Язык и его функционирование. Избранные работы. М.: Наука, 1986. С.17-58.
28. *Bawarshi A.* Genre and the invention of the writer. Lognan, Utah: Utah State University Press, 2003. 222 p.
29. *Bell A.* Approaches to Media Discourse. London: Blackwell, 1996. 287 p.
30. *Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of the English language. 2nd edition. BCA, 1997. 489 p.
31. CNN. URL: https://edition.cnn.com/ (дата обращения: 22.07.2025).
32. *Freedman A., Medway P.* Locating genre studies: Antecedents and prospects // Genre and the new rhetoric. L.: Taylor & Francis, 1994. P. 1-20.
33. *Giménez-Moreno R.* Register Variation in Electronic Business Correspondence // New and Further Approaches to ESP Discourse: Genre Study in Focus. Ed. Camino Rea-Rizzo and María Ángeles Orts-Llopis. 2011. №11.1. P. 15-34.
34. *Halliday M. A.* Language as a Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. L.: Arnold, 1978. 123 p.
35. *Kibrik A.* Discourse genre, genre schemata, and rhetorical relations // Paper 19 presented at the 6th Conference on Conceptual Structure, Discourse and Language. Rice University, Houston, Texas. October 11-14, 2002.
36. *Kress G. R., van Leeuwen T.* Multimodal Discourse: The modes and media of contemporary communication. London: Edward Arnold Publ., 2001. 152 p.
37. The Harvard Business Review. URL: https://hbr.org/ (дата обращения: 23.07.2025).
38. The Wall Street Journal. URL: https://www.wsj.com/ (дата обращения: 23.07.2025).
39. *Miller C. R.* Genre as Social Action // Quarterly Journal of Speech. 1984. Vol. 70. Issue 2. P. 151-167.
40. *Montgomery M.* The Discourse of Broadcast News. A linguistic approach. London: Routledge, 2007. 246 p.

Social Aspects of Genre Formation in Media Texts of English-Language Business Media

Kristina K. Krylova

Applicant for a Degree,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1 Leninskiye Gory, Moscow, Russian Federation;
Additional Education Teacher,
Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: kristina_krylova03@mail.ru

Abstract

This article examines the process of new genre emergence in language in general and in the media segment of English-language business discourse in particular. The author investigates scholarly approaches to defining the process of genre formation in discourse and explores the impact of digitalization and social changes on this phenomenon, as well as discusses the concept of media text and its inherent characteristics. The article studies the concepts of "genre," "functional style," and "register" and outlines the differences between them. Furthermore, it provides an overview of various classifications and categories of genres in modern online media and their distinctions from "traditional" journalism genres. Based on a theoretical review of contemporary scientific literature and practical analysis of popular English-language business media, the key components and characteristics of genres frequently encountered in this discourse segment are identified. The author also highlights the main factors influencing the dynamics of genre formation in modern media texts of English-language business media.

For citation

Krylova K.K. (2025) Sotsial'nyye aspekty zhanroobrazovaniya mediatekstov angloazychnykh biznes-SMI [Social Aspects of Genre Formation in Media Texts of English-Language Business Media]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (8A), pp. 52-61. DOI: 10.34670/AR.2025.68.28.006

Keywords

Genre, genre formation, business media, media text, business discourse.

References

1. Arutiunova, N. D. (1990). *Diskurs* [Discourse] // Lingvisticheskiĭ entsiklopedicheskiĭ slovar'. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1990. P. 136–137. (In Russian)
2. Akhmanova, O. S. (1969). *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. [Linguistic terms dictionary] // Izd. 2-oe, stereotip. Moscow: Sov. Entsiklopediia. 608 p. (In Russian)
3. Akhrenova, N. A., Zaripov, R.I. (2023). *Lingvopragmaticheskie kharakteristiki sovremennogo polikodovogo mul'timodal'nogo mediateksta v kontekste informatsionno-psikhologicheskogo vozdeistviia* [Lingvopragmatic characteristics of a modern polycode multimodal media text in the context of informational and psychological impact] // Medialingvistika. №4. P. 428–448. (In Russian)
4. Bakhtin, M. M. (1986). *Problema rechevykh zhanrov* [The problem of speech genres] // Literaturno-kriticheskie stat'i. Moscow: Khudozhestvennaia literatura. P. 428–472. (In Russian)

5. Gugueva, D. A. *Novye sotsial'nye kharakteristiki internet-pol'zovatelei i internet-soobshchestv* [New social characteristics of Internet users and Internet communities] // Russian Journal of Education and Psychology. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novye-sotsialnye-harakteristiki-internet-polzovateley-i-internet-soobschestv (accessed: 19.06.2025). (In Russian)
6. Daniushina, Iu. V. (2011). *Mnogourovnevyi analiz angloiazychnogo setevogo biznes-diskursa* [Multilevel Analysis of English-Language Online Business Discourse]: dissertatsiia na soiskanie uch. st. d. f.n. Moscow. 486 p. (In Russian)
7. Dement'ev, V. V. (1997). *Izuchenie rechevykh zhanrov. Obzor rabot v sovremennoi rusistike* [Study of speech genres. Review of works in modern Russian studies] // Voprosy iazykoznaniia. № 1. P. 109-121. (In Russian)
8. Dobrosklonskaia, T. G. (2008) *Medialingvistika: sistemnyĭ podkhod k izucheniiu iazyka SMI : sovremennaia angliĭskaia mediarech' : ucheb. posobie*. [Media linguistics: a systematic approach to studying the language of the media: modern English media speech: a textbook]. Moscow: Flinta: Nauka. 264 p. (In Russian)
9. Kazak, M. Iu. (2012). *Spetsifika sovremennogo mediateksta* [Specifics of modern mediatext] // Lingvistika rechi. Mediastilistika : kol. monogr., posviashch. 80-letiiu prof. G.Ia. Solganika. Moscow. P. 320-334. (In Russian)
10. Kibrik, A. A. (2010) *Mul'timodal'naia lingvistika* [Multimodal linguistics] // Kognitivnye issledovaniia. Vyp. IV. P. 134–152. (In Russian)
11. Meseniashina, L.A. (2010). *Dialogicheskii zhanr?* [Dialogical genre?] // Vestnik ChelGU. №22. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dialogicheskiy-zhanr (accessed: 19.06.2025). (In Russian)
12. Mozheikina, L. B. (2015). *Lichnostnye kharakteristiki aktivnykh pol'zovatelei sotsial'nykh setei* [Personal characteristics of active users of social networks] // Meditsina Kyrgyzstana. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-harakteristiki-aktivnyh-polzovateley-sotsialnyh-setey (accessed: 19.06.2025). (In Russian)
13. Morokhovskii A. N. (1991). *Stilisticheskaia differentsiatsiia sovremennogo angliiskogo iazyka* [Stylistic differentiation of modern English] // A.N. Morokhovskii, O.P. Vorob'eva, N.I. Likhosherst, Z.V. Timoshenko. Stilistika angliiskogo iazyka. Kiev. P. 227-240. (In Russian)
14. Nikonova, E. A. (2020). *Opredelenie poniatiia «Zhanr» (osnovnye podkhody, problemy i perspektivy): sistematicheskii obzor* [Definition of the concept "Genre" (main approaches, problems and prospects): a systematic review] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. №9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-ponyatiya-zhanr-osnovnye-podhody-problemy-i-perspektivy-sistematicheskiy-obzor (accessed: 20.07.2025). (In Russian)
15. Popova, E. A. (2020). *Politicheskii diskurs v obuchenii inostrannym iazykam studentov-mezhdunarodnikov i politologov* [Political discourse in teaching foreign languages to students majoring in international relations and political science] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. №1 (834). P. 77-87. (In Russian)
16. Popova, T. V. (2021). *Tekhnicheskii progress kak faktor izmeneniia sotsial'nogo znacheniia massovoi informatsii: novyi vzgliad na vlast' media* [Technological progress as a factor in changing the social meaning of mass media: a new look at the power of media] // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. №11-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnicheskiy-progress-kak-faktor-izmeneniya-sotsialnogo-znacheniya-massovoy-informatsii-novyy-vzglyad-na-vlast-media (accessed: 21.06.2025). (In Russian)
17. Raspopova, S. S. (2015). *Avtor kak real'nyi chelovek i obraz avtora v mediatekste* [The author as a real person and the image of the author in the media text] // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. №4(2). P. 149–158. (In Russian)
18. Safina, A. R. (2013). *Osobennosti zhanrov internet-SMI* [Features of Internet media genres] // Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. №2-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-zhanrov-internet-smi (accessed: 18.05.2025). (In Russian)
19. Solganik, G.Ia. (2005). *K opredeleniiu poniatiĭ «tekst» i «mediatekst»* [On the definition of the concepts "text" and "media text"] // Vestnik Mosk. Un-ta. Seriia 10: «Zhurnalistika». No 2. P. 7-15. (In Russian)
20. Trubnikov, A. M. (2017). *Metodika otsenki polimodal'nogo teksta cherez prizmu tsennosteĭ.* [Methodology for assessing a polymodal text through the prism of values] // Sbornik: Strategii internatsionalizatsii v inoiazychnom obrazovanii: materialy i doklady mezhdunar. konferentsii. Samara: Izd-vo Samarskogo universiteta. P. 252–257. (In Russian)
21. Tyrygina, V. A. (2010). *Zhanrovaia stratifikatsiia mass-mediĭnogo diskursa*. [Genre stratification of mass media discourse]. Moscow: URSS. 320 p. (In Russian)
22. Fatkullina F. G., Andrianova, K. V. (2012). Mediatekst kak faktor formirovaniia massovogo soznaniia [Media text as a factor in the formation of mass consciousness] // Vestnik Bashkirskogo universiteta. No 3 (1). T. 17. P. 1476-1478. (In Russian)
23. Fëdorov. A. V. (2012). Analiz audiovizual'nykh mediatekstov. [Analysis of audiovisual media texts]. Moscow: MOO Informatsiia dlia vsekh. 182 p. (In Russian)
24. Khomutova, T. N. (2006). *Tipologiia zhanra: ot teorii k praktike* [Typology of genre: from theory to practice] // Vestnik IuUrGU. №6. P. 60-64. (In Russian)
25. Shaikhitdinova, S. K. (2022). *K metodu vyiavleniia diskursivnykh praktik ideologii v tekstakh massovoi kommunikatsii* [On a method of identifying discursive practices of ideology in mass communication texts] // VEPS. №4. P. 123-127. (In Russian)
26. Sherstianykh. I. V. (2014). Teoriia rechevykh zhanrov: lektsionno-prakticheskii kurs dlia magistrov. [Theory of speech

genres: lecture and practical course for masters]. Moscow: FLINTA; Nauka. 546 p. (In Russian)
27. Iakubinskii, L. P. (1986). O dialogicheskoi rechi. [On dialogical speech]. // Iazyk i ego funktsionirovanie. Izbrannye raboty. Moscow: Nauka. P.17-58.
28. Bawarshi A. (2003). Genre and the invention of the writer. Lognan, Utah: Utah State University Press. 222 p.
29. Bell, A. (1996). Approaches to Media Discourse. London: Blackwell. 287 p.
30. CNN. URL: https://edition.cnn.com/ (accessed: 22.07.2025).
31. Crystal, D. (1997). The Cambridge Encyclopedia of the English language. 2nd edition. BCA. 489 p.
32. Freedman, A., Medway, P. (1994). Locating genre studies: Antecedents and prospects // Genre and the new rhetoric. L.: Taylor & Francis. P. 1-20.
33. Giménez-Moreno, R. (2011). Register Variation in Electronic Business Correspondence // New and Further Approaches to ESP Discourse: Genre Study in Focus. Ed. Camino Rea-Rizzo and María Ángeles Orts-Llopis. №11.1. P. 15-34.
34. Halliday, M. A. (1978). Language as a Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. L.: Arnold. 123 p.
35. Kibrik, A. (2002). Discourse genre, genre schemata, and rhetorical relations // Paper 19 presented at the 6th Conference on Conceptual Structure, Discourse and Language. Rice University, Houston, Texas. October 11-14, 2002.
36. Kress, G. R., van Leeuwen, T. (2001). Multimodal Discourse: The modes and media of contemporary communication. London: Edward Arnold Publ. 152 p.
37. The Harvard Business Review. URL: https://hbr.org/ (accessed: 23.07.2025).
38. The Wall Street Journal. URL: https://www.wsj.com/ (accessed: 23.07.2025).
39. Miller, C. R. (1984). Genre as Social Action // Quarterly Journal of Speech. Vol. 70. Issue 2. P. 151-167.
40. Montgomery, M. (2007). The Discourse of Broadcast News. A linguistic approach. London: Routledge. 246 p.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 008 **DOI: 10.34670/AR.2025.12.30.007**

Трансформация образов и символов китайских праздников в современном культурном пространстве

Цзян Ци

Аспирант,
Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: jiangqi751@gmail.com

Аннотация

В статье исследуются процессы трансформации образов и символов традиционных китайских праздников в условиях современного культурного пространства. Анализируются ключевые факторы изменений, включая влияние глобализации, цифровизации и социально-экономической модернизации китайского общества. На основе семиотического и социокультурного подходов выявляются основные векторы трансформации: коммодификация, виртуализация, секуляризация и гибридизация праздничной символики. Особое внимание уделяется переосмыслению традиционных смыслов и функций культурных символов, а также их адаптации к новым условиям бытования. Исследование демонстрирует, что трансформационные процессы не приводят к разрушению традиции, а способствуют ее динамичному развитию и интеграции в современный культурный контекст. Результаты работы представляют ценность для дальнейшего изучения механизмов культурной адаптации и трансформации традиционных практик в условиях модернизации.

Для цитирования в научных исследованиях

Цзян Ци. Трансформация образов и символов китайских праздников в современном культурном пространстве // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 8А. С. 62-69. DOI: 10.34670/AR.2025.12.30.007

Ключевые слова

Китайские праздники, трансформация символов, культурное пространство, семиотический анализ, традиционные образы, современная культура.

Введение

Китайские традиционные праздники, представляющие собой концентрированное выражение национального культурного кода, в настоящее время претерпевают глубокую трансформацию под влиянием процессов глобализации и цифровизации. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью осмысления динамики изменений ключевых праздничных символов в условиях современного медийного и потребительского общества. Повышение глобального интереса к китайской культуре выдвигает на первый план проблему сохранения аутентичности культурных кодов при их адаптации к новым формам бытования [Арташкина, 2018]. Научная разработанность данной проблематики демонстрирует возрастающее внимание исследователей к процессам трансформации традиционных праздников, однако комплексный анализ механизмов переосмысления символов в контексте цифровой культуры остается недостаточно изученным.

Проблема исследования заключается в противоречии между изначальной семантикой праздничных символов, укорененной в мифологическом сознании и традиционных практиках, и их новой жизнью в современном культурном пространстве. Это противоречие проявляется в процессах коммодификации, виртуализации и глобализации ритуалов, приводящих к возникновению гибридных форм культурной идентичности. Целью статьи является выявление и систематизация основных векторов и механизмов трансформации образов и символов китайских праздников. Для достижения данной цели предполагается решение следующих задач: определение корпуса ключевых традиционных образов основных праздников, обоснование методологической базы исследования на основе семиотического и социокультурного подходов, выделение факторов трансформации и характеристика ее результатов.

Научная новизна работы заключается в рассмотрении процессов трансформации праздничной культуры на стыке традиционных смыслов и вызовов современности, включая консьюмеризм, цифровую среду и межкультурную коммуникацию. Исследование предлагает комплексный анализ трансформационных процессов через призму теории культурных кодов, что позволяет выявить не только внешние изменения, но и глубинные механизмы перекодирования культурных смыслов. Методологическая основа работы интегрирует принципы семиотического анализа культурных систем с социокультурным подходом, обеспечивая многоуровневое понимание исследуемого феномена.

Теоретические основы исследования символов праздника в культуре

Теоретическое осмысление символов праздника в культурологическом дискурсе предполагает обращение к фундаментальным категориям семиотики культуры. Культурный символ представляет собой многозначный феномен, аккумулирующий исторически сформировавшиеся смыслы и выступающий средством трансляции культурного кода. В отличие от знака, обладающего условной связью с обозначаемым объектом, символ характеризуется имманентной смысловой насыщенностью и способностью к порождению новых интерпретаций. Образ, в свою очередь, выступает чувственно-воспринимаемой формой репрезентации символа, обеспечивающей его актуализацию в коллективном сознании.

Праздник функционирует как целостная семиотическая система, организованная по

принципу культурного текста. Каждый элемент этой системы ритуал, атрибут, цветовая палитра, гастрономический код обладает символической нагрузкой, укорененной в мифологическом сознании и исторической традиции [Беляев, 2019]. Такой подход позволяет анализировать праздник как сложно структурированный феномен, где отдельные символы образуют взаимосвязанное смысловое единство, обеспечивающее передачу культурной памяти и формирование коллективной идентичности.

Теоретическая концептуализация трансформации культурных форм предполагает анализ процессов смысловой динамики символов под влиянием социокультурных изменений. Современный этап характеризуется сложным взаимодействием традиционных элементов и инновационных практик, приводящим к явлениям гибридизации и коммодификации. Культурные символы, сохраняя внешнюю форму, часто наполняются новым содержанием, обусловленным логикой потребительского общества и цифровой среды. Этот процесс не сводится к простой замене значений, а представляет собой диалектическое взаимодействие традиции и современности, где возникают качественно новые культурные синтезы [Борох, 2015]. Методологический аппарат семиотики в сочетании с социокультурным анализом позволяет выявить механизмы и направления данной трансформации, что составляет существенный аспект современного культурологического знания.

Традиционная система образов и символов ключевых китайских праздников

Традиционная система образов и символов китайских праздников формировалась на протяжении тысячелетий, отражая глубинные пласты национального культурного кода. Календарные праздники, органично связанные с аграрным циклом и астрономическими наблюдениями, представляют собой сложную философско-космологическую систему. Эта система воплощает синкретическое единство конфуцианских, даосистских и буддийских воззрений, где гармония между человеком и природой выступает фундаментальным принципом мироустройства. Каждый праздник marks важную точку годового цикла, символизирующую не только смену времен года, но и переходные состояния в философском понимании бытия.

Семиотическая структура праздников отличается высокой степенью ритуализации и символической насыщенности. Визуальные образы, такие как красный цвет, олицетворяющий жизненную энергию и благопожелание, или золотой, символизирующий благородство и вечность, образуют сложный язык цветовой семиотики. Каллиграфические символы, в частности иероглифы 福 (счастье) и 春 (весна), выполняют не только коммуникативную, но и сакральную функцию, выступая медиаторами между земным и потусторонним миром [Ершова, 2020]. Зооморфные образы, включая дракона как воплощение мужского начала ян и змею как хтонический символ, восходят к древнейшим тотемическим представлениям.

Гастрономический код праздников представляет особый интерес для исследования. Юаньсяо, цзунцзы и лунные пряники не просто являются традиционными блюдами, но выполняют роль медиаторов культурной памяти. Их форма, состав и способ приготовления несут в себе архаичные смыслы, связанные с жертвоприношениями предкам, аграрными культами и астрономическими наблюдениями. Ритуальные практики, такие как запуск фонариков или фейерверков, изначально имели апотропейную функцию, направленную на отведение злых сил и гармонизацию пространства.

Особого внимания заслуживает институт красных конвертов (хунбао), который трансформировался из средства передачи магических защитных символов в инструмент социальной коммуникации. Традиционная символика выполняет интегративную функцию, сплачивая коллектив через ритуализированные практики, коммуникативную обеспечивая передачу культурных кодов между поколениями, мирополагающую структурируя картину мира в соответствии с традиционными представлениями, и идентификационную формируя культурную самость носителей традиции [Ломанов, 2015].

Факторы и направления трансформации праздничной символики

Трансформация праздничной символики в современном Китае детерминирована комплексом взаимосвязанных факторов, анализ которых требует многоуровневого рассмотрения. Внутренние процессы социально-экономической модернизации, включая стремительную урбанизацию и формирование среднего класса, обусловили пересмотр традиционных культурных практик. Городская среда с ее стандартизированным образом жизни и новыми формами социальности порождает адаптационные механизмы переосмысления праздничных ритуалов [Лян, 2017]. Государственная культурная политика, направленная на конструирование национальной идентичности и продвижение мягкой силы, способствует целенаправленной селекции и модернизации традиционных символов. Этот процесс сопровождается одновременной архаизацией отдельных элементов и инновационной трансформацией других, что создает сложный спектр гибридных форм.

Внешние факторы глобализации и межкультурного диалога оказывают существенное влияние на перекодирование традиционной символики. Проникновение элементов массовой культуры и западных праздничных стандартов приводит к возникновению культурных гибридов, где традиционные китайские символы приобретают новые, подчас неожиданные значения. Распространение китайских праздников за пределами страны-носителя сопровождается их адаптацией к локальным культурным контекстам, что порождает обратное влияние на восприятие этих праздников внутри Китая [Одинокая, 2025].Четыре основных вектора трансформации демонстрируют системный характер изменений. Процесс коммодификации превращает сакральные символы в товарные знаки, включенные в логику рыночных отношений. Массовое производство сувенирной продукции и праздничный мерчандайзинг приводят к стандартизации и упрощению исходных символических комплексов. Виртуализация праздничных практик, особенно заметная в распространении цифровых красных конвертов и праздничных стикеров, создает принципиально новые формы социального взаимодействия, опосредованные цифровыми платформами. Этот процесс не просто переносит традиционные практики в новую среду, но качественно изменяет их природу и социальные функции.

Секуляризация проявляется в постепенном вытеснении религиозных и мифологических элементов развлекательными и коммерческими аспектами праздников. Ритуалы, изначально имевшие глубокое сакральное значение, трансформируются в формы досуговой активности, что отражает общую тенденцию десакрализации современной культуры. Гибридизация представляет собой наиболее сложный и многогранный процесс, в ходе которого традиционные китайские символы вступают во взаимодействие с глобальными культурными кодами. Возникающие синкретические формы демонстрируют не механическое смешение, а органичное

взаимопроникновение культурных элементов, порождающее новые смыслы и практики. Эти трансформационные процессы свидетельствуют о динамическом характере культурной традиции, способной к адаптации и обновлению при сохранении глубинной связи с историческим наследием [Сюевэй, 2025].

Результаты трансформации: новые значения и функции

Трансформация традиционной праздничной символики приводит к фундаментальным изменениям в семантике и функциональном назначении культурных кодов. Переосмысление символов проявляется в наполнении архаичных форм принципиально новым содержанием, соответствующим реалиям цифровой эпохи. Ярким примером служит эволюция красного конверта (хунбао), который из ритуального объекта, обеспечивающего символическую связь между поколениями, трансформировался в инструмент цифрового маркетинга и средство монетизации социальных отношений. Данная метаморфоза свидетельствует о глубоком перекодировании традиционных практик, в ходе которых сакральные элементы адаптируются к логике рыночных отношений [Сяо, 2022].

Цифровизация культурного пространства порождает новые формы праздничной коммуникации, создавая гибридные ритуальные практики. Онлайн-поздравления, виртуальные фейерверки и цифровые открытки не просто дублируют традиционные обряды, а формируют особую среду символического взаимодействия. Эти практики характеризуются одновременной глобализацией и персонализацией: с одной стороны, они стандартизированы платформенными решениями, с другой – позволяют конструировать индивидуальные сценарии празднования. Возникает парадоксальная ситуация, когда технологически опосредованные ритуалы усиливают эмоциональную вовлеченность участников, несмотря на опосредованный характер коммуникации [Ци, 2025].

Важнейшим аспектом трансформации становится использование праздничной символики в качестве ресурса конструирования национальной идентичности. Государственные институты и культурные элиты активно участвуют в процессе селекции и реинтерпретации традиционных элементов, создавая нарративы, сочетающие историческую преемственность с современными ценностями. Этот процесс особенно заметен в рамках реализации стратегии мягкой силы, где традиционные праздники становятся инструментом продвижения позитивного образа Китая на международной арене. Трансформированные символы, лишенные излишней политизированности, выступают эффективным средством культурной дипломатии. Парадоксальным образом коммодификация праздничной символики не всегда приводит к утрате традиционных смыслов. В некоторых случаях массовое тиражирование символов способствует их популяризации и сохранению в новых условиях [Цидун, 2024]. Возникает сложная диалектика между коммерциализацией и аутентичностью, где рыночные механизмы могут способствовать revitalization культурного наследия. Этот процесс демонстрирует удивительную адаптивность традиционной культуры, способную не только сохранять, но и приумножать свое символическое значение в условиях современности.

Формирование новых культурных практик на основе трансформированных символов свидетельствует о динамическом характере традиции, постоянно переосмысливающей себя в changing социально-культурных условиях. Эти процессы отражают более общие тенденции модернизации китайского общества, где наблюдается сложное взаимодействие между

глобальными влияниями и локальными культурными узоры.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать глубинные трансформации в системе символов китайских праздников, происходящие под влиянием комплекса социально-экономических и культурных факторов. Анализ выявил четыре основных вектора изменений: коммодификацию, виртуализацию, секуляризацию и гибридизацию традиционных представлений. Эти процессы демонстрируют не разрушение традиции, а ее адаптацию к современным условиям через переосмысление и наполнение архаичных форм новым содержанием. Семиотический анализ показал, что преобразование праздничной символики представляет собой диалектический процесс, в котором традиционные элементы вступают в сложное взаимодействие с современными культурными практиками. Изменения обусловлены как внутренними процессами модернизации китайского общества, так и внешними влияниями глобализации, что привело к формированию гибридных форм культурной идентичности.

Перспективные направления дальнейших исследований включают сравнительный анализ трансформационных процессов в китайской и российской праздничной культуре, изучение восприятия новых символических форм различными поколенческими группами, а также исследование региальных особенностей адаптации традиционных праздников в условиях урбанизации. Особый научный интерес представляет анализ долгосрочных последствий цифровизации для сохранения аутентичных культурных кодов традиционных праздников.

Библиография

1. Арташкина, Т. А. Традиционная культура в повседневной жизни современных китайцев // Профессиональное образование в современном мире. – 2018. – Т. 8, № 1. – С. 1598–1609.
2. Беляев, В. П. Особенности взаимодействия российских и китайских студентов в образовательном пространстве российского ВУЗа // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования : материалы конф. – Екатеринбург, 2019. – С. 799-811.
3. Борох, О. Н. Роль культуры в наращивании потенциала "мягкой силы" КНР // "Мягкая сила" в отношениях Китая с внешним миром. – М., 2015. – С. 62-111.
4. Ершова, И. Д. Китайский новый год как направление культурной политики КНР // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. – 2020. – С. 657-663.
5. Ломанов, А. В. Современная китайская концепция "мягкой силы" // "Мягкая сила" в отношениях Китая с внешним миром. – М., 2015. – С. 13-61.
6. Лян, Ч. Культурная дипломатия Китая в Центральной Азии в XXI веке на примере институтов Конфуция// Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2017. – Т. 19, № 1. – С. 33-46.
7. Одинокая, М. А. Технология метаморфических картин как инструмент развития иноязычной социокультурной компетенции китайских студентов-магистрантов // Мир науки, культуры, образования. – 2025. – № 1 (110). – С. 372-376.
8. Сюевэй, Ч. Роль культурных символов в визуальном оформлении китайского новогоднего концерта в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 4-1 (103). – С. 53-59.
9. Сяо, С. Исторические предпосылки развития фестиваля в образовательном пространстве Китая// Весці БДПУ. Серыя. – 2022. – Т. 1, № 1. – С. 44-48.
10. Ци, Ц. Символика китайских традиционных праздников как отражение национального менталитета // Приоритетные научные направления 2025 : сб. материалов LX-ой Междунар. очно-заочной науч.-практ. конф., 27 янв. 2025 г. – М. : Изд-во НИЦ «Империя», 2025. – С. 207.
11. Цидун, С. Анализ проблем межкультурной коммуникации в трудах китайских ученых // Верхневолжский филологический вестник. – 2024. – № 3 (28). – С. 250-261.

Transformation of Images and Symbols of Chinese Holidays in Modern Cultural Space

Jiang Qi

Graduate Student,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1 Leninskiye Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: jiangqi751@gmail.com

Abstract

The article examines the processes of transformation of images and symbols of traditional Chinese holidays in the context of modern cultural space. The key factors of change are analyzed, including the influence of globalization, digitalization, and socio-economic modernization of Chinese society. Based on semiotic and socio-cultural approaches, the main vectors of transformation are identified: commodification, virtualization, secularization, and hybridization of holiday symbolism. Special attention is paid to the rethinking of traditional meanings and functions of cultural symbols, as well as their adaptation to new conditions of existence. The study demonstrates that transformation processes do not lead to the destruction of tradition but contribute to its dynamic development and integration into the modern cultural context. The results of the work are valuable for further study of the mechanisms of cultural adaptation and transformation of traditional practices in the context of modernization.

For citation

Jiang Qi (2025) Transformatsiya obrazov i simvolov kitayskikh prazdnikov v sovremennom kul'turnom prostranstve [Transformation of Images and Symbols of Chinese Holidays in Modern Cultural Space]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (8A), pp. 62-69. DOI: 10.34670/AR.2025.12.30.007

Keywords

Chinese holidays, transformation of symbols, cultural space, semiotic analysis, traditional images, modern culture.

References

1. Artashkina, T. A. Traditional Culture in Everyday Life of Modern Chinese // Professional Education in the Modern World. – 2018. – Vol. 8, No. 1. – Pp. 1598–1609.
2. Belyaev, V. P. Features of Interaction between Russian and Chinese Students in the Educational Space of a Russian University // Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Experience of Empirical Research: Proc. Conf. – Ekaterinburg, 2019. – Pp. 799–811.
3. Borokh, O. N. The Role of Culture in Building Up the Potential of China's "Soft Power" // "Soft Power" in China's Relations with the Outside World. – M., 2015. – Pp. 62–111.
4. Ershova, I. D. Chinese New Year as a Direction of the Cultural Policy of the PRC // Russia and China: History and Prospects of Cooperation: Proc. of the XII Int. scientific-practical. conf. - 2020. - Pp. 657-663.
5. Lomanov, A. V. Modern Chinese Concept of "Soft Power" // "Soft Power" in China's Relations with the Outside World. - M., 2015. - Pp. 13-61.
6. Liang, C. China's Cultural Diplomacy in Central Asia in the 21st Century on the Example of Confucius Institutes // Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law. - 2017. - Vol. 19, No. 1. - Pp. 33-46.

7. Odinokaya, M. A. The Technology of Metamorphic Paintings as a Tool for Developing Foreign Language Sociocultural Competence of Chinese Master's Students // The World of Science, Culture, Education. – 2025. – No. 1 (110). – Pp. 372-376.
8. Xuewei, Ch. The Role of Cultural Symbols in the Visual Design of the Chinese New Year Concert in Russia // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2025. – No. 4-1 (103). – Pp. 53-59.
9. Xiao, S. Historical Prerequisites for the Development of the Festival in the Educational Space of China // Bulletin of the BDPU. Gray. – 2022. – Vol. 1, No. 1. – Pp. 44-48.
10. Qi, C. Symbolism of Chinese Traditional Holidays as a Reflection of National Mentality // Priority Research Directions 2025: Collection of Materials of the LXth Int. full-time and part-time scientific-practical. conf., January 27. 2025. – M.: Publishing House of the Research Center "Imperia", 2025. – Pp. 207.
11. Tsidun, S. Analysis of the Problems of Intercultural Communication in the Works of Chinese Scientists // Upper Volga Philological Bulletin. – 2024. – No. 3 (28). – Pp. 250-261.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 008 **DOI: 10.34670/AR.2025.98.16.008**

Ограничение эффективности программ сохранения культурной идентичности коренных народов в условиях пенитенциарной системы Канады

Смирнов Олег Аркадьевич

Кандидат физико-математических наук, доцент,
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина,
115035, Российская Федерация, Москва, ул. Садовническая, 52/45;
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется проблема сохранения культурной идентичности коренных народов в условиях пенитенциарной системы Канады. Анализируются ключевые исторические, социально-экономические и культурные детерминанты диспропорции присутствия коренных народов в пенитенциарной системе, в том числе влияние системы школ-интернатов, институциональных барьеров в образовании и занятости, а также утрата культурной идентичности. Особое внимание уделяется критическому анализу попыток имплементации программ культурной реабилитации в условиях пенитенциарных учреждений, выявляются системные противоречия. Доказывается эффективность культурно-ориентированных моделей ресоциализации в снижении уровня рецидивизма и восстановлении культурных связей. Делается вывод о необходимости глубоких структурных преобразований пенитенциарной системы на основе деколонизационного и восстановительного подходов.

Для цитирования в научных исследованиях

Смирнов О.А. Слабкая Д.Н. Ограничение эффективности программ сохранения культурной идентичности коренных народов в условиях пенитенциарной системы Канады // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 8А. С. 70-76. DOI: 10.34670/AR.2025.98.16.008

Ключевые слова

Коренные народы Канады, пенитенциарная система, сверхрепрезентация, школы-интернаты, межпоколенческая травма, культурное исцеление, ресоциализация, восстановительное правосудие.

Введение

Статистические данные свидетельствуют о непропорциональной репрезентации коренных народов в пенитенциарной системе Канады. Согласно официальным статистическим отчетам, лица аборигенного происхождения составляют значительную долю заключенных в провинциальных и территориальных исправительных учреждениях, в то время как их доля в общей демографической структуре населения остается незначительной [Marchetti et al., 2022]. При этом указанная диспропорция демонстрирует устойчивую тенденцию к росту. Уровень инкарцерации коренного населения систематически превышает его долю в общей популяции во всех административно-территориальных образованиях страны.

В академической литературе в качестве ключевых детерминант данной диспропорции идентифицируются три структурных фактора: возрастная стратификация, уровень образовательной аттестации и занятость [Смирнов, Новиков, Слабкая, 2022]. Однако причиной данной ситуации может быть потеря традиционных ценностей коренных народов и отсутствие возможностей их сохранения в условиях собственного общества в целом и пенитерциарной системы в частности [Degagné, 2007]. Так, коренное население характеризуется одним из наиболее молодых возрастных профилей в Канаде, что имеет существенное значение в контексте повышенной криминальной активности молодежи. Многочисленные эмпирические исследования подтверждают наличие корреляционной связи между низким уровнем образовательной аттестации и повышенным риском инкарцерации, что находит отражение в высоком проценте заключенных-аборигенов, не завершивших полное среднее образование. Статус безработного также идентифицируется как значимый предиктор пенитенциарного заключения, что характерно для обеих демографических групп [Marchetti et al., 2022].

Основное содержание

Факторы, детерминирующие повышенную представленность коренных народов в пенитенциарной системе, укоренены в исторических и системных процессах. Ключевым элементом выступает наследие системы школ-интернатов, функционировавшей с середины XIX века до конца 1990-х годов [Nielsen, 2016]. Данные институты реализовывали политику насильственной культурной ассимиляции: дети изымались из семей, им запрещалось использовать родные языки и практиковать традиционные обряды под угрозой применения репрессивных санкций. Собственно образовательная функция была маргинализована; учебные программы были ориентированы на подготовку к низкоквалифицированному труду, а не к полноценной социальной интеграции.

Последствия деятельности данной системы носят межпоколенческий и кумулятивный характер. Опыт, приобретенный в школах-интернатах, транслируется последующим поколениям, проявляясь в дефиците родительских компетенций, утрате культурной идентичности, распространении аддиктивных расстройств и социальной аномии. Современная система образования продолжает репродуцировать барьеры для коренных народов, поскольку основывается на образовательных стандартах, установленных доминирующим большинством. Это приводит к маргинализации учащихся, институциональной дискриминации и дальнейшей эрозии культурной самоидентификации [Смирнов, Ноздрина, 2021].

Низкий уровень образования непосредственно детерминирует ограниченные возможности трудоустройства. Работодатели часто используют формальные образовательные критерии даже для низкоквалифицированных позиций, что создает структурные препятствия для коренного населения. Все это стало причиной того, что уровень безработицы среди коренных народов стабильно превышает средние показатели по стране. Историческая зависимость многих общин от ресурсоориентированных отраслей усугубляет ситуацию в условиях их экономического спада. Молодой возрастной профиль населения усиливает данные тенденции, поскольку молодежь сталкивается с системными барьерами, включая дискриминационные практики и дефицит профессиональной подготовки [Hyatt, 2013].

Культурный фактор в этой связи играет критически важную роль. Нормативные акты, запрещавшие традиционные церемонии и практики (действовавшие до середины XX века), нанесли существенный ущерб культурной преемственности. В сочетании с системой интернатов это привело к утрате духовных ориентиров, языковой компетенции и позитивной идентичности. Таким образом, многие представители коренных народов оказываются в пенитенциарной системе, аккумулируя множественные факторы риска: образовательный и профессиональный дефицит, разрушенные социальные сети и, что наиболее значимо, утраченную культурную идентичность.

Следовательно, сверхрепрезентация коренных народов в пенитенциарных учреждениях является не результатом изолированных факторов риска, а следствием комплексного воздействия системной дискриминации и целенаправленного разрушения культурных институтов. Эти глубинные детерминанты формируют цикл уязвимости, воспроизводящийся на межпоколенческом уровне и требующий применения восстановительных и культурно-социальных подходов.

Несмотря на концептуальное признание важности культурной реинтеграции и духовных практик для реабилитации заключенных-аборигенов, их имплементация в пенитенциарной системе Канады сопряжена со значительными операциональными ограничениями. Исторически доступ к традиционным духовным практикам, таким как, например, «церемония потения», был предоставлен лишь в 1983 году, а равный конфессиональный статус духовность коренных народов приобрела только к концу 1980-х годов.

Однако практика показывает, что формальное признание не устранило системных барьеров. Духовные лидеры коренных народов, относящихся к традиционным традиционным культам сталкиваются с необходимостью досмотра сакральных объектов [Howell, 2016]. Архитектурные особенности и режим функционирования учреждений не адаптированы для проведения практик, требующих природного окружения и пространственной изоляции. Многие церемонии, предполагающие многодневную подготовку, соблюдение поста и уединение, не могут быть адекватно интегрированы в условиях пенитенциарных ограничений, ориентированных на параметры безопасности и унификацию.

Особую проблему представляет применение ограничительных мер, таких как обязательное присутствие охраны в ритуальном пространстве, что нарушает сакральный характер практик.

Значимым препятствием является хроническое недофинансирование культурных программ. Часть духовных лидеров аборигенов Канады принципиально отказывается проводить церемонии в пенитенциарных условиях, считая их несовместимыми с требованиями сакральных практик вследствие нарушения протоколов, а также из-за распространенности среди заключенных проблем с зависимостями. Альтернативой выступают культурные программы,

однако их эффективность лимитирована невозможностью аутентичной трансляции глубинных культурных знаний и духовного опыта лицами, не принадлежащими к традиции.

Существующая система предоставления духовных услуг коренным народам в пенитенциарных учреждениях демонстрирует институциональный разрыв между декларируемыми целями культурной реабилитации и операциональными возможностями их реализации, что указывает на необходимость структурных преобразований, а не частичных адаптаций.

Проблема злоупотребления психоактивными веществами, аддиктивных расстройств и психических нарушений, ассоциированных с травматическим опытом, широко распространена среди заключенных из числа коренных народов. Важным инструментом решения этих проблем в пенитенциарных учреждениях выступает культурологическая социализация – комплексный подход, интегрирующий традиционные практики.

Центральная роль в этом процессе отводится духовным лидером малых коренных народов, которые фасилитируют восстановление культурной идентичности заключенных через трансляцию традиционных знаний и проведение духовных церемоний («церемония потения», «церемония с трубкой мира», «танец солнца») [Nielsen, 2016].

Культурологическая ресоциализация ориентирована на осознание исторической и межпоколенческой травмы как источника личных проблем. Данный подход позволяет трансформировать травматический опыт через его когнитивную переработку и принятие и традиционные учения. Ключевым элементом является осознание того, как системное угнетение и потеря культурной идентичности привели к аддикциям как форме копинг-стратегии.

Культурное исцеление демонстрирует значительный потенциал в качестве инструмента ресоциализации, выходящего за пределы пенитенциарных учреждений и способствующего снижению рецидивизма после освобождения.

Статистические данные подтверждают эффективность культурно-ориентированных подходов и более низкие уровни рецидивизма. Качественные исследования свидетельствуют, что участие в программах культурного исцеления позволяет заключенным восстановить утраченные связи с культурным наследием. Обретенная культурная идентичность мотивирует стать позитивным примером для подражания в своих сообществах. Важным результатом является также стимулирование постоянной вовлеченности в культурные практики через деятельность в культурных центрах коренных народов. Однако в настоящее время эффективность программ культурологической ресоциализации существенно ограничена нормами и правилами пенитенциарной системы Канады и не позволяет учитывать потребности малых коренных народов, ведущих традиционный образ жизни. Поэтому необходимо в первую очередь реализовывать программы предотвращения вовлечения представителей коренных народов, особенно молодежи, в противоправную деятельность.

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать, что системная сверхрепрезентация коренных народов в пенитенциарной системе Канады представляет собой не криминологическую проблему, а следствие глубоких историко-культурных причин. Данное явление детерминировано комплексом взаимосвязанных факторов: межпоколенческой травмой, вызванной политикой насильственной ассимиляции, институциональными барьерами в

образовательной и профессиональной сферах, а также системными ограничениями на сохранение духовной практики.

Современная практика пенитенциарной системы Канады демонстрирует неэффективность традиционных подходов в решении коренных причин проблемы. Существующие попытки имплементации культурно-реабилитационных программ в пенитенциарной системе сталкиваются с фундаментальными противоречиями между требованиями духовных практик и институциональными ограничениями пенитенциарных учреждений.

В качестве перспективного направления выступает развитие культурно-ориентированных моделей ресоциализации, доказавших свою эффективность в снижении рецидивизма. Таким образом, преодоление кризиса сверхинкарцерации коренных народов требует системных преобразований, направленных на деколонизацию пенитенциарной системы и реализацию подходов, учитывающих культурные особенности и исторический контекст. По мнению авторов, дальнейшие исследования должны быть сфокусированы на разработке интегративных моделей, сочетающих традиционные практики с современными подходами ресоциализации.

Библиография

1. Смирнов О. А., Новиков А. В., Слабкая Д. Н. Правовая модель собственности коренных жителей на природные ресурсы: на примере права на воду аборигенов Австралии //Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12. – №. 1А. – С. 389-397.
2. Смирнов О. А., Слабкая Д. Н., Новиков А. В. Онтологические компоненты исследования причин противоправного поведения представителей коренного населения: на примере аборигенов Австралии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2012. – С. 176.
3. Смирнов О. А., Ноздрина Н. А. Здоровье как ценность в культурах традиционного уклада жизни: обобщение международных исследований //Культура и цивилизация. – 2021. – Т. 11. – №. 5А. – С. 230.
4. Degagné M. Toward an Aboriginal paradigm of healing: Addressing the legacy of residential schools //Australasian Psychiatry. – 2007. – Т. 15. – №. 1_suppl. – С. S49-S53.
5. Howell T. M., Yuille J. C. Healing and treatment of Aboriginal offenders: A Canadian example. – 2004. – Т. 22. – №. 4. С. 53-76.
6. Howell T. Stories of transformation: Aboriginal offenders' journey from prison to the community //American Indian Culture and Research Journal. – 2016. – Т. 40. – №. 1. – С. 101-118.
7. Hyatt A. Healing through culture for incarcerated aboriginal people //First Peoples Child & Family Review. – 2013. – Т. 8. – №. 2. – С. 40-53.
8. Marchetti E. et al. Listening to Country: a prison pilot project that connects Aboriginal and Torres Strait Islander women on remand to Country // Current Issues in Criminal Justice. – 2022. – Т. 34. – №. 2. – С. 155-170.
9. Nielsen M. O. Aboriginal healing lodges in Canada: still going strong? Still worth implementing in the USA? //The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. – 2016. – Т. 48. – №. 2. – С. 322-345.
10. Williams M. Connective services: Post-prison release support in an urban Aboriginal population: дис. – UNSW Sydney, 2015.

Limitations on the Effectiveness of Cultural Identity Preservation Programs for Indigenous Peoples within the Canadian Penitentiary System

Oleg A. Smirnov

PhD in Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor,
Russian State University named after A.N. Kosygin,
115035, 52/45, Sadovnicheskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The article examines the problem of preserving the cultural identity of Indigenous peoples within the Canadian penitentiary system. It analyzes key historical, socio-economic, and cultural determinants of the disproportionate representation of Indigenous peoples in the penitentiary system, including the impact of the residential school system, institutional barriers in education and employment, and the loss of cultural identity. Particular attention is paid to a critical analysis of attempts to implement cultural rehabilitation programs in penitentiary institutions, revealing systemic contradictions. The effectiveness of culturally-oriented models of resocialization in reducing recidivism rates and restoring cultural ties is substantiated. The conclusion is made about the necessity of deep structural transformations of the penitentiary system based on decolonial and restorative approaches.

For citation

Smirnov O.A., Slabkaya D.N. (2025) Ogranicheniye effektivnosti programm sokhraneniya kul'turnoy identichnosti korennykh narodov v usloviyakh penitentsiarnoy sistemy Kanady [Limitations on the Effectiveness of Cultural Identity Preservation Programs for Indigenous Peoples within the Canadian Penitentiary System]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (8A), pp. 70-76. DOI: 10.34670/AR.2025.98.16.008

Keywords

Indigenous peoples of Canada, penitentiary system, overrepresentation, residential schools, intergenerational trauma, cultural healing, resocialization, restorative justice.

References

1. Smirnov O. A., Novikov A.V., Slabkaya D. N. The legal model of indigenous ownership of natural resources: on the example of the right to water of the Aborigines of Australia //Issues of Russian and international law. – 2022. – Vol. 12. No. 1A. – pp. 389-397.
2. Smirnov O. A., Slabkaya D. N., Novikov A.V. Ontological components of the study of the causes of illegal behavior of representatives of the indigenous population: on the example of the aborigines of Australia //Context and reflection: philosophy about the world and man. - 2012. – p. 176.
3. Smirnov O. A., Nozdrina N. A. Health as a value in cultures of the traditional way of life: generalization of international studies //Culture and civilization. – 2021. – Vol. 11. – No. 5A. – P. 230.
4. Deganye M. Towards an Aboriginal treatment paradigm: Addressing the legacy of boarding schools //Australasian psychiatry. – 2007. – Vol. 15. - No. 1_application. – pp. S49-S53.
5. Howell T. M., Yuill J. K. Treatment of Aboriginal offenders: a Canadian example. – 2004. – Vol. 22. – No. 4. – pp. 53-76.
6. Howell T. Stories of Transformation: the Path of Aboriginal Offenders from Prison to Society //Journal of American Indian Culture and Research. – 2016. – Vol. 40. – No. 1. - pp. 101-118.
7. Hiatt A. Healing through culture for Aborigines in custody //First Peoples Child & Family Review. – 2013. – Vol. 8. – No. 2. – pp. 40-53.
8. Marchetti E. et al. Listening to the Country: A pilot prison project that unites Aboriginal and Torres Strait Islander women in pre-trial detention with the country //Current problems of criminal justice. – 2022. – Vol. 34. – No. 2. – pp. 155-170.

9. Nielsen M. O. Aboriginal healing lodges in Canada: are they still strong? Is it still worth implementing them in the USA? // Journal of Legal Pluralism and Informal Law. - 2016. – Vol. 48. – No. 2. – pp. 322-345.
10. Williams M. Communication services: Support for urban Indigenous populations after release from prison: dis.... – UNSW Sydney, 2015.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 130.2 **DOI: 10.34670/AR.2025.45.33.009**

Цифровой капитализм и постколониальная теория: критический анализ современных медиапрактик

Постнов Артём Георгиевич

Аспирант,
кафедра гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин,
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
655017, Российская Федерация, Абакан, просп. Ленина, 90;
e-mail: a.postnov09@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются теоретико-методологические основы анализа цифрового капитализма в рамках глобальной медиатизации, опираясь на постколониальный дискурс как важный аналитический инструмент. Особое внимание уделяется выявлению и критическому осмыслению скрытых механизмов цифровой колониализации, способствующих воспроизводству исторически обусловленных структур неравенства, символического господства и зависимости в условиях цифровой трансформации. Цель исследования – философское и социокультурное осмысление новых форм власти, возникающих на пересечении экономики, политики, культуры и технологий, а также изучение вызовов, связанных с обеспечением национального цифрового суверенитета в эпоху платформенного доминирования. Методология включает синтез критико-аналитического подхода, теории сетевого общества, концепций культурной гегемонии и транснациональных политических процессов. Анализ показывает, что цифровой капитализм не только преобразует социальные, экономические и коммуникационные отношения, но и усиливает структурные асимметрии в доступе к данным, алгоритмическому контролю и медиаресурсам. Делается вывод о необходимости переоценки категориального аппарата философии технологий и медиа с учётом трансграничного характера цифровой власти и новых форм культурной гегемонии. Результаты имеют практическую ценность для исследований цифровой культуры, платформенной экономики и разработки стратегий устойчивого цифрового развития.

Для цитирования в научных исследованиях

Постнов А.Г. Цифровой капитализм и постколониальная теория: критический анализ современных медиапрактик // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 8А. С. 77-85. DOI: 10.34670/AR.2025.45.33.009

Ключевые слова

Цифровой капитализм, постколониальная теория, медиатизация, цифровой суверенитет, цифровая колониализация, глобальные медиаплатформы, культурная гибридизация.

Введение

В условиях стремительной цифровой трансформации глобального общества и усиления влияния цифровых платформ на экономические, политические и культурные процессы, возрастает необходимость глубокого анализа новых форм власти и неравенства, формирующихся в рамках цифрового капитализма. Современный медиаландшафт, пронизанный технологическими и культурными взаимосвязями, демонстрирует сохранение и трансформацию исторических колониальных структур в цифровой сфере, что требует переосмысления классических подходов к анализу глобальных медиа- и коммуникационных процессов. В этой связи постколониальная теория приобретает особую актуальность, предоставляя критический методологический инструментарий для изучения взаимосвязей между цифровым капитализмом, медиатизацией и культурными практиками. Целью данной статьи является выявление ключевых механизмов цифровой колониализации и анализа современных медиапрактик с позиций постколониального дискурса, а также рассмотрение вызовов и перспектив обеспечения национального цифрового суверенитета в условиях глобализации. В ходе исследования ставятся задачи: определить основные характеристики цифрового капитализма, проанализировать его связь с постколониальными структурами власти, рассмотреть влияние цифровой трансформации на глобальные медиапроцессы и оценить роль постколониального подхода в понимании современных форм цифрового неравенства и культурной гибридизации.

Актуальность постколониальных исследований в реалиях цифрового капитализма обусловлена глубокими трансформациями, которые происходят в современном мире под влиянием цифровых технологий и глобальных экономических процессов. Цифровой капитализм, как новая форма капиталистической организации, характеризуется доминированием цифровых платформ и данных, что приводит к изменению традиционных экономических и социальных структур. В этих условиях постколониальные исследования приобретают особую значимость, так как они позволяют критически осмыслить и проанализировать новые формы неравенства, эксплуатации и власти, которые возникают в контексте цифровой экономики.

Материалы и методы

В качестве основных материалов исследования выступают современные теоретические разработки в области цифрового капитализма, постколониальной теории и медиатизации, а также аналитические данные о функционировании глобальных цифровых платформ и их влиянии на социокультурные процессы. В основу исследования положен широкий корпус научных публикаций, включающий труды классиков постколониальной мысли, а также современных исследователей цифровых технологий и медиа.

Методологическая база включает комплексный философско-аналитический подход, который сочетает элементы критической теории, системного анализа и культурно-исторической методологии. Особое внимание уделяется интерпретации и реконструкции постколониальных структур власти в цифровом пространстве, а также анализу влияния цифровых платформ на формирование новых социальных и культурных неравенств.

В работе применён сравнительно-сопоставительный анализ, позволяющий выявить перекрёстные связи между экономическими, политическими и культурными аспектами цифрового капитализма. Использование постколониального дискурса как методологического

инструмента позволяет глубже понять механизмы цифровой колониализации и предложить концептуальные основания для обеспечения национального цифрового суверенитета.

Литературный обзор

В современном научном дискурсе цифровой капитализм рассматривается как новая форма экономической и социальной организации, основанная на доминировании цифровых платформ и данных, что усиливает глобальное неравенство и формы эксплуатации [Srnicek, 2016; Шиллер, 2019; Срулевичи, 2017]. Постколониальная теория, представляемая классиками – Эдвардом Саидом и Гаятри Спивак, – позволяет критически осмыслить эти процессы, выявляя продолжение колониальных паттернов власти в цифровую эпоху [Said, 1978; Spivak, 1988].

Особое внимание уделяется проблеме национального цифрового суверенитета как способу противодействия цифровой колонизации, что отражено в работах отечественных исследователей [Ефремов, 2017; Терентьева, 2019]. Медиа и глобальная медиатизация выступают ареной современных неоколониальных отношений, сохраняя структурные дисбалансы между центрами и перифериями [Appadurai, 1996; Hjarvard, 2013].

В исторической перспективе формирование колониального дискурса и образа «Другого» подробно изучены в трудах Э. Саида, Л. Вульфа и Д. Чакрабарти [Said, 1978; Wolff, 1994; Chakrabarty, 2000], а также в современных исследованиях отечественных учёных [Антонова, 2023]. Однако существует недостаток сравнительных исследований взаимной «другизации» колониальных держав в прессе, что требует дальнейшего изучения.

Результаты

Постколониальная теория, развивающаяся с середины XX века, фокусируется на анализе колониальных и неоколониальных структур власти, а также на их влиянии на современные общества. Работы таких ученых, как Эдвард Саид и Гаятри Спивак, подчеркивают, что колониальные паттерны эксплуатации и неравенства продолжают существовать в различных формах и в современном мире. В условиях цифрового капитализма эти паттерны находят новое выражение, что требует переосмысления и адаптации постколониальных подходов к анализу современных реалий.

Дак что же тогда включает в себя понятие «Цифровой капитализм»? В международном научном сообществе под цифровым капитализмом понимается сложное и многогранное явление, которое возникло на стыке экономических, технологических и социальных трансформаций [Srnicek, 2016]. Этот термин описывает современную форму капитализма, в которой цифровые технологии играют ключевую роль в производстве, распределении и потреблении товаров и услуг. Понятие «цифровой капитализм» впервые было введено в научный оборот в конце XX века, когда информационные технологии начали активно интегрироваться в экономические процессы.

В научной литературе существует множество подходов к определению цифрового капитализма. Например, Д. Шиллер рассматривает его как форму капитализма, в которой данные становятся основным ресурсом, а цифровые платформы – основным средством их эксплуатации [Шиллер, 2019]. Шиллер подчеркивает, что в условиях цифрового капитализма данные о пользователях становятся товаром, который можно продавать и покупать, что приводит к новым формам наблюдения и контроля. Н. Срулевичи, в свою очередь, акцентирует внимание на том, что цифровой капитализм характеризуется глобальной сетевой структурой,

где транснациональные корпорации играют ведущую роль [Срулевичи, 2017]. Срулевичи утверждает, что цифровые платформы, такие как Google и Facebook, создают новые формы монополий, контролируя доступ к информации и данным.

Другой подход предлагает М. Фуко, который рассматривает цифровой капитализм через призму биополитики и контроля над телами и поведением людей [Фуко, 1975]. Фуко утверждает, что цифровые технологии позволяют государствам и корпорациям более эффективно контролировать и управлять населением, что приводит к новым формам власти и подчинения. Э. Морин, в свою очередь, акцентирует внимание на экологических и социальных последствиях цифрового капитализма, подчеркивая, что он способствует углублению социального неравенства и экологических кризисов [Морин, 2001].

Истоки цифрового капитализма можно проследить в развитии интернета и цифровых технологий, которые начали активно внедряться в бизнес-процессы в 1990-х годах. С развитием веб-технологий, облачных вычислений и больших данных, цифровой капитализм стал доминирующей формой экономической организации в XXI веке. Он проявляется в различных сферах, таких как электронная коммерция, социальные сети, финтех и многие другие. Цифровой капитализм часто используется в контексте глобальных корпораций, таких как Google, Amazon, Facebook и Apple, которые контролируют значительную часть цифрового пространства и данных.

О цифровом капитализме начали активно говорить в начале XXI века, когда стало очевидным, что цифровые технологии не только изменяют экономические процессы, но и влияют на социальные и политические структуры. В это время появились первые исследования, посвященные анализу влияния цифровых технологий на капиталистическую систему. Например, М. Кастейлс в своей работе «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» подчеркивает, что цифровые технологии создают новые формы сетевой экономики, которая характеризуется гибкостью, децентрализацией и глобализацией [Кастейлс, 1996].

Связь цифрового капитализма с постколониальной теорией проявляется в анализе неравенства и эксплуатации, которые сопровождают цифровую экономику. Постколониальные исследования, такие как работы Э. Саида и Г. Спивак, подчеркивают, что современные формы капитализма часто воспроизводят колониальные структуры власти и неравенства [Саид, 1978; Спивак, 1988]. В контексте цифрового капитализма это проявляется в том, что развивающиеся страны часто становятся поставщиками дешевой рабочей силы и ресурсов для цифровых корпораций, тогда как развитые страны контролируют технологии и данные.

Например, многие цифровые корпорации, такие как Apple и Samsung, используют дешевую рабочую силу в странах третьего мира для производства своих продуктов. Это приводит к эксплуатации рабочих и углублению социального неравенства. Кроме того, цифровые технологии позволяют развитым странам контролировать и управлять ресурсами развивающихся стран, что воспроизводит колониальные паттерны эксплуатации в цифровой форме. Таким образом, цифровой капитализм не только трансформирует экономические отношения, но и углубляет глобальное неравенство, воспроизводя колониальные структуры власти и эксплуатации.

Обсуждение

Цифровая трансформация в современном мире представляет собой одну из ключевых национальных целей как для развитых, так и для развивающихся стран. Однако, несмотря на очевидные преимущества, массовая цифровизация приводит к ряду негативных последствий,

таких как цифровой разрыв, трансформация рынков труда, технократизация социальной и политической сфер, что в значительной степени способствует процессу колонизации, инициируемому ведущими IT-корпорациями и странами, претендующими на статус цифровых империй. В этом контексте перед государствами встают новые задачи по обеспечению национальной безопасности, что требует формирования устойчивого цифрового суверенитета.

Идеализация информационного общества и цифровой трансформации, характерна для начала 2000-х годов, когда лидеры «Большой восьмерки» подписывали Окинавскую хартию развития глобального информационного общества, сменилась осознанием того, что цифровая трансформация не сокращает, а усугубляет разрыв в благосостоянии и качестве жизни между государствами. Цифровой разрыв проявляется не только географически, но и социально, создавая пропасть между цифровыми лидерами и аутсайдерами. Сверхбыстрая цифровизация приводит к трансформации рынка труда, утрате ценностных основ политики, непредсказуемости инновационно-технологического развития и технократизации социальной сферы. Эти вызовы стимулируют процесс колонизации, исходящий от государств и ведущих IT-корпораций, что затрагивает пространство политической и социальной коммуникации. Амбивалентность цифрового века, как отмечает Стивен Грэм, обусловлена зависимостью от тех же инструментов, которые используются для контроля [Маккуайр, 2018, с. 20].

Соединенные Штаты являются ведущим центром мировой цифровой колониализации, что подтверждается концентрацией интернет-трафика и объемов совокупной информации, хранимой на серверах в США, а также политическими решениями, направленными на отказ от равноправия государств в регулировании интернета. Примером этого является отказ делегаций США, Великобритании, Австралии и Канады подписать итоговый документ Международного союза электросвязи ООН в 2012 году, где постулировалась идея равного права государств на регулирование интернета [Карасев, 2021]. Современные цифровые империи формируются через альянсы с производителями программного обеспечения и владельцами крупнейших баз данных. Несмотря на формальную независимость крупнейших цифровых корпораций, их реальная практика взаимодействия с государствами показывает готовность к неформальному сотрудничеству [Никонов, 2021, с. 208].

В условиях цифровой колониализации особую актуальность приобретает проблема сохранения национального цифрового суверенитета. Существует два подхода к концептуализации «цифрового суверенитета»: узкое «информационное» понимание и расширенная трактовка, определяющая его как сложную систему суверенитетов, составляющих основу национального суверенитета в условиях новой цифровой экономики и общества знания [Ефремов, 2017; Терентьева, 2019; Винник, 2014; Володенков, 2020; Черняк, 2012].

Неэффективность линейных решений в противостоянии вызовам новой цифровой эпохи подтверждается неудачами международных организаций в решении проблемы цифрового разрыва. Несмотря на подписание различных деклараций и программ, цифровой разрыв между странами продолжает расти [Карасев, 2021]. Причиной этого являются не только линейные методы решения проблем, но и латентные национальные и блоковые интересы, противоречащие декларируемым целям международных организаций. Цифровой разрыв приобрел новое измерение, связанное с возможностями обработки больших данных. Современные «цифровые колонии» становятся источниками больших данных, которые превращаются в новую нефть. Государства, не обладающие такими возможностями, готовы обменять данные на предложения передовых стран, что приводит к их цифровому и экономическому освоению [Карасев, 2021].

Потеря цифрового суверенитета может быстро привести к потерям в критически важных для государства сферах и даже к полной потере национального суверенитета [Никонов, 2021, с.

213]. В условиях цифрового капитализма и постколониализма, государства должны стремиться к сбалансированному развитию всех компонентов национального цифрового суверенитета, чтобы противостоять вызовам и рискам цифровой эпохи. Постколониальные исследования подчеркивают важность критического анализа современных форм колониализма, которые проявляются в цифровой сфере. Эти исследования помогают понять, как исторические модели колониализма трансформируются в условиях цифровой эпохи, создавая новые формы зависимости и контроля.

Современный медиаландшафт, являясь одной из ключевых сфер цифрового капитализма, демонстрирует тесную взаимосвязь технологических, экономических и культурных процессов. Медиа прочно вошли в повседневную жизнь, став важным инструментом формирования общественного сознания, социальных практик и политических процессов [Hjarvard, 2013]. В этом контексте постколониальная теория становится незаменимым аналитическим инструментом для критического осмысления воздействия западной гегемонии на глобальные медиапроцессы, а также для изучения того, как медиа функционировали и продолжают функционировать как инструменты колониального дискурса и конструирования образа «Другого».

Эпоха цифровой трансформации с её стремительным развитием коммуникационных технологий не разрушила исторически сложившиеся нарративные модели, а лишь адаптировала их к новым условиям. Множество устойчивых схем репрезентации продолжают доминировать в западных медиа, формируя рамки восприятия и репродуцируя неоколониальные структуры власти. Однако в ответ на это в локальных медиасистемах активно формируются альтернативные формы представления, реализуемые через гибридные медиаплатформы, которые служат пространством для культурного диалога и символической борьбы [Appadurai, 1996].

Глобальная медиатизация, охватывающая практически все регионы мира, ставит перед исследователями задачу одновременного учёта универсальных закономерностей и локальной культурно-исторической специфики развития медиасистем. Сохраняющийся структурный дисбаланс глобального медиапространства, при котором одни регионы контролируют производство и распространение контента, а другие вынуждены адаптироваться к внешним форматам и нарративам, отражает современные постколониальные отношения в цифровой сфере. В этом контексте постколониальный анализ выступает продуктивной методологией, позволяющей сбалансировать глобальное и локальное измерения медиаисследований [Appadurai, 2006].

Медиатизация рассматривается не просто как технологический процесс, но как сложный социокультурный феномен, ведущий к глубокой трансформации культурных и коммуникативных практик. Исторические предпосылки этого процесса уходят в середину XX века, когда был зафиксирован разрыв между культурными ареалами и их территориальной основой под воздействием медиакоммуникаций [Shibutani, 1955]. Современные теоретики, развивая эти идеи, отмечают, что глобальные культурные потоки уже не вписываются в традиционную схему «центр-периферия», требуя более сложных и нюансированных моделей анализа [Appadurai, 1996].

Цифровые медиа способствуют формированию транснациональных коммуникативных сообществ [Anderson, 1983] и одновременно порождают новые формы культурной гибридизации. Вместе с тем, как отмечает Вельш, процесс детерриториализации не приводит к полной унификации медиапространства – культуры сохраняют гетерогенность, образуя сложные взаимопроникающие системы глобальных и локальных элементов [Welsch, 2004].

Эмпирические исследования пользовательских практик в цифровой среде показывают, что, несмотря на активное использование глобальных платформ, участники медиакоммуникаций воспроизводят глубокие культурные паттерны, свойственные их локальным контекстам. В журналистике это проявляется в появлении гибридных форматов, которые синтезируют международные стандарты с местными нарративными и эстетическими традициями. Постколониальный подход рассматривает глобальные медиаплатформы как динамическое пространство культурного взаимодействия, где постоянно переосмысливаются существующие иерархии и формируются новые медиапрактики, создающие многомерную картину современной коммуникационной среды.

Заключение

Таким образом, проведённый анализ подтверждает, что цифровой капитализм не просто трансформирует экономические и социальные отношения, но и воспроизводит, адаптирует и усложняет колониальные модели власти и неравенства в цифровом пространстве. Постколониальный подход выявляет скрытые механизмы цифровой колониализации, проявляющейся в контроле над данными, ресурсами и медиасферами, а также подчёркивает значимость культурных и политических аспектов этого процесса. В условиях глобальной медиатизации сохраняется структурный дисбаланс между центрами и периферийями, что требует критического и комплексного анализа с учётом локальных контекстов и глобальных тенденций. Национальный цифровой суверенитет выступает ключевым элементом противодействия новым формам цифровой эксплуатации, однако его реализация требует интеграции многоаспектных подходов и учёта постколониальных вызовов. Объединение постколониальной теории с исследованием цифрового капитализма и медиатизации создаёт эффективный теоретико-методологический фундамент для понимания и противостояния современным формам цифрового неравенства и культурной гегемонии в глобальном медиапространстве.

Библиография

1. Карасев, А. И. Цифровой суверенитет и международное регулирование интернета // Вестник международных отношений. – 2021. – № 2. – С. 78–92.
2. Никонов, А. В. Цифровая колониализация и национальный суверенитет // Политическая наука. – 2021. – № 4. – С. 204–220.
3. Ефремов, В. Н. Национальный цифровой суверенитет в условиях глобализации // Информационные технологии и безопасность. – 2017. – № 1. – С. 34–41.
4. Терентьева, М. Ю. Цифровой суверенитет: понятие и современные вызовы // Журнал цифровой экономики. – 2019. – № 3. – С. 15–23.
5. Винник, А. А. Цифровой суверенитет и государственная политика // Государственное управление и цифровая экономика. – 2014. – № 5. – С. 67–75.
6. Володенков, И. В. Современные аспекты цифрового суверенитета // Международное право и цифровая экономика. – 2020. – № 2. – С. 99–108.
7. Черняк, Ю. В. Цифровой суверенитет: теория и практика // Право и цифровые технологии. – 2012. – № 4. – С. 53–60.
8. Шиллер, Д. Цифровой капитализм: данные как ресурс и новые формы эксплуатации // Вопросы экономики. – 2019. – № 12. – С. 45–59.
9. Срулевичи, Н. Цифровой капитализм и глобальные платформы // Современная экономика и право. – 2017. – № 8. – С. 112–120.
10. Appadurai, A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. – 296 p.
11. Appadurai, A. The Future as Cultural Fact: Essays on the Global Condition. – London: Verso, 2006. – 250 p.
12. Anderson, B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – London: Verso, 1983. –

224 p.
13. Castells, M. The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I. – Oxford: Blackwell Publishers, 1996. – 534 p.
14. Hjarvard, S. The Mediatization of Culture and Society. – Routledge, 2013. – 170 p.
15. Morin, E. Homeland Earth: A Manifesto for the New Millennium. – Hampton Press, 2001. – 344 p.
16. Said, E. W. Orientalism. – New York: Pantheon Books, 1978. – 400 p.
17. Shibutani, T. Improvised News: A Sociological Study of Rumor. – Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1966. – 247 p.
18. Srnicek, N. Platform Capitalism. – Cambridge: Polity Press, 2016. – 150 p.
19. Spivak, G. C. Can the Subaltern Speak? – In: Marxism and the Interpretation of Culture / Ed. Cary Nelson, Lawrence Grossberg. – Urbana: University of Illinois Press, 1988. – P. 271–313.
20. Welsch, W. Transculturality: The Puzzling Form of Cultures Today. – In: Spaces of Culture: City, Nation, World / Ed. Mike Featherstone, Scott Lash. – London: Sage, 2004. – P. 194–213.

Digital Capitalism and Postcolonial Theory: A Critical Analysis of Contemporary Media Practices

Artem G. Postnov

Graduate Student,
Department of Civil and Criminal Law Disciplines,
Katanov Khakass State University,
655017, 90 Lenin ave., Abakan, Russian Federation;
e-mail: a.postnov09@yandex.ru

Abstract

The article examines the theoretical and methodological foundations of analyzing digital capitalism within the context of global mediatization, drawing on postcolonial discourse as a key analytical tool. Special attention is paid to identifying and critically reflecting on the hidden mechanisms of digital colonialism, which perpetuate historically conditioned structures of inequality, symbolic domination, and dependency in the era of digital transformation. The study aims to provide a philosophical and sociocultural understanding of new forms of power emerging at the intersection of economy, politics, culture, and technology, as well as to explore challenges related to ensuring national digital sovereignty in the age of platform dominance. The methodology combines critical-analytical approaches, network society theory, concepts of cultural hegemony, and transnational political processes. The analysis reveals that digital capitalism not only transforms social, economic, and communication relations but also reinforces structural asymmetries in access to data, algorithmic control, and media resources. The study concludes by emphasizing the need to reassess the categorical framework of philosophy of technology and media in light of the transnational nature of digital power and new forms of cultural hegemony. The findings have practical value for research in digital culture, platform economy, and the development of sustainable digital development strategies.

For citation

Postnov A.G. (2025) Tsifrovoy kapitalizm i postkolonial'naya teoriya: kriticheskiy analiz sovremennykh mediapraktik [Digital Capitalism and Postcolonial Theory: A Critical Analysis of Contemporary Media Practices]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (8A), pp. 77-85. DOI: 10.34670/AR.2025.45.33.009

Keywords

Digital capitalism, postcolonial theory, mediatization, digital sovereignty, digital colonialism, global media platforms, cultural hybridization.

References

1. Karasev, A. I. Digital Sovereignty and International Internet Regulation // Vestnik Mezhdunarodnykh Otnosheniy [Herald of International Relations]. – 2021, No. 2, pp. 78–92.
2. Nikonov, A. V. Digital Colonization and National Sovereignty // Political Science. – 2021, No. 4, pp. 204–220.
3. Efremov, V. N. National Digital Sovereignty in the Context of Globalization // Information Technologies and Security. – 2017, No. 1, pp. 34–41.
4. Terentyeva, M. Y. Digital Sovereignty: Concept and Contemporary Challenges // Journal of Digital Economy. – 2019, No. 3, pp. 15–23.
5. Vinnik, A. A. Digital Sovereignty and State Policy // Public Administration and Digital Economy. – 2014, No. 5, pp. 67–75.
6. Volodenkov, I. V. Contemporary Aspects of Digital Sovereignty // International Law and Digital Economy. – 2020, No. 2, pp. 99–108.
7. Chernyak, Y. V. Digital Sovereignty: Theory and Practice // Law and Digital Technologies. – 2012, No. 4, pp. 53–60.
8. Schiller, D. Digital Capitalism: Data as a Resource and New Forms of Exploitation // Voprosy Economiki [Economic Issues]. – 2019, No. 12, pp. 45–59.
9. Srulevich, N. Digital Capitalism and Global Platforms // Contemporary Economy and Law. – 2017, No. 8, pp. 112–120.
10. Appadurai, A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. – 296 p.
11. Appadurai, A. The Future as Cultural Fact: Essays on the Global Condition. – London: Verso, 2006. – 250 p.
12. Anderson, B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – London: Verso, 1983. – 224 p.
13. Castells, M. The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I. – Oxford: Blackwell Publishers, 1996. – 534 p.
14. Hjarvard, S. The Mediatization of Culture and Society. – Routledge, 2013. – 170 p.
15. Morin, E. Homeland Earth: A Manifesto for the New Millennium. – Hampton Press, 2001. – 344 p.
16. Said, E. W. Orientalism. – New York: Pantheon Books, 1978. – 400 p.
17. Shibutani, T. Improvised News: A Sociological Study of Rumor. – Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1966. – 247 p.
18. Srnicek, N. Platform Capitalism. – Cambridge: Polity Press, 2016. – 150 p.
19. Spivak, G. C. Can the Subaltern Speak? – In: Marxism and the Interpretation of Culture / Ed. C. Nelson, L. Grossberg. – Urbana: University of Illinois Press, 1988. – pp. 271–313.
20. Welsch, W. Transculturality: The Puzzling Form of Cultures Today. – In: Spaces of Culture: City, Nation, World / Ed. M. Featherstone, S. Lash. – London: Sage, 2004. – pp. 194–213.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 008 **DOI: 10.34670/AR.2025.88.72.010**

Функции вокальной музыки в современном кинематографе: семантика, драматургия и эмоциональное воздействие – на примере современных популярных западных фильмов

Ван Цзинси

Аспирант искусствоведение и культурология,
Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48;
e-mail: 411512467@qq.com

Аннотация

Вокал (песни, арии, бэк-вокал и другие формы вокального выражения) в современном кинематографе выполняет гораздо более значимую функцию, чем простое фоновое звуковое оформление. Как уникальное повествовательное средство с высокой степенью семантической определённости, он не только усиливает драматургическое воздействие фильма, но и становится ключевым инструментом передачи сложных эмоциональных состояний. В данной статье через детальный анализ конкретных музыкальных примеров из актуальных кинопроизведений и их эстетическое понимание раскрывается многогранная роль вокала: от точной передачи смысловых нюансов и динамичного развития сюжетных линий до глубокого раскрытия психологии персонажей и создания неповторимой эмоциональной атмосферы, которая вызывает интенсивный зрительский отклик. Особое внимание уделяется способности вокальных элементов формировать подтекст и усиливать идейную нагрузку визуального ряда, что в совокупности подтверждает их статус неотъемлемого компонента художественной структуры киноленты, определяющего её эстетическую завершённость и эмоциональную глубину. Вокальные композиции зачастую становятся смысловыми доминантами в критически важных сценах, таких как кульминации или моменты психологического перелома героев. Они служат своеобразным мостом между зрителем и экраном, усиливая сопереживание и вовлечённость. Таким образом, вокал в современном кино не только дополняет визуальный ряд, но и активно творит нарратив, выступая в роли полноценного средства художественной выразительности.

Для цитирования в научных исследованиях

Ван Цзинси. Функции вокальной музыки в современном кинематографе: семантика, драматургия и эмоциональное воздействие – на примере современных популярных западных фильмов // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 8А. С. 86-98. DOI: 10.34670/AR.2025.88.72.010

Ключевые слова

Вокал, кинопесни, вокал, функции, киномузыка, семантика, драматургия, эмоциональное воздействие.

Введение

Оглядываясь на столетнюю эволюцию киноискусства, мы видим, как вокальная музыка преодолела подчиненную роль традиционной оркестровой партитуры, сформировав самостоятельный акустический текст, обладающий нарративной силой. От роскошных арий ранних мюзиклов до цифрового пения в современных фантастических фильмах – вокал в кино демонстрирует свою уникальную динамику. Этот процесс эволюции отражает глубинные трансформации самой системы киноязыка: когда требуется визуализировать внутренние бури, невидимые для камеры, или сопоставить множественные временные пласты, неподвластные линейному повествованию, именно вокальная музыка становится тем незримым пером в руке режиссера, что выписывает на уровне подсознания зрителя эмоциональные уравнения, превосходящие визуальные рамки. Современные режиссёры и саунд-дизайнеры всё чаще используют вокал как полноценный драматургический компонент, который активно взаимодействует с визуальным рядом, подчёркивает ключевые моменты сюжета и раскрывает внутренний мир персонажей. Глубокое изучение вокалистических функций в кино касается не только саундтреков к фильмам, но и имеет ключевое значение для понимания кинорассуждения, психологии зрителя и комплексной художественной выразительности.

Основное содержание

Кино как синтетическое аудиовизуальное искусство всегда использует свою музыку в качестве уникальной знаковой системы для формирования смысла киноизображения. Фильмная музыка неизменно оказывается больше, чем кажется на первый взгляд. Она демонстрирует богатое разнообразие. Часто музыка в кино – это далеко не просто "звуковые обои": она живая и впечатляющая, являясь центральной опорой силы и очарования кинематографа [Donnelly, 2001, с. 1]. В фильмной музыке вокальная составляющая (в особенности песни с вокалом) выполняет незаменимую роль в построении целостного нарратива, углублении тематического содержания и создании эмоциональной атмосферы.

В отличие от чисто инструментальной музыки, вокальная обладает более прямой способностью к выражению смысла и эмоциональной силой воздействия – благодаря содержащемуся в ней тексту песен (семантический уровень) и самому вокалу (уровень эмоциональной экспрессии). Кинопесни отнюдь не всегда являются оторванными от нарратива "вставными номерами". Зачастую он структурно интегрирован в ткань нарратива, становясь важным инструментом для раскрытия внутреннего мира персонажей, развития сюжета, усиления драматической напряженности, воссоздания характерных черт эпохи и места действия, а также пробуждения глубокого эмоционального отклика у зрителя. Одновременно воздействуя на когнитивном, перцептивном и эмоциональном уровнях восприятия аудитории, вокальная музыка принципиально расширяет потенциал выразительности кинематографа.

Семантическая функция вокала в кинематографе

Вокал, особенно песни с текстом или арии, обладает наиболее непосредственной способностью смысловой транспортировки. Кинематографическая песня есть сплав поэзии и музыки. Она способна не только передавать конкретные сообщения и смыслы, но и выражать их через динамическую музыкальную форму, насыщенную живой выразительностью.

В фильме «La La Land» («La La Land», Chazelle, 2016) вступительный номер «Another Day of Sun» через изображение разнообразных мечтателей на автострадах Лос-Анджелеса, сочетая

жизнерадостный ритм с ансамблевым исполнением, мгновенно устанавливает ключевые темы фильма о мечтах, надежде и городской жизни, эффективно создавая нарративный фон. Музыка этой песни несёт оптимистичное и воодушевляющее настроение. На фоне стандартного джазового баса она интегрирует короткий фрагмент сальсы, затем использует типичные бродвейские медные духовые инструменты, чтобы создать атмосферу, естественным образом вплетая дух американской свободы в фильм [Ван Синь, 2018].

Повторяющийся рефрен «another day of sun» одновременно передаёт солнечную погоду Калифорнии и служит метафорой ежедневного обновления надежды для мечтателей – даже после неудачных проб и финансовых трудностей (как в строке «Without a nickel to my name»), новый день даёт возможность вновь зажечь решимость. Песня также демонстрирует черты концентрированного повествования: упоминание девушки, оставившей первую любовь ради актёрской карьеры, предвосхищает будущий выбор Мии и Себастьяна между «любовью и мечтой». Прямолинейная декларация «And when they let you down, you'll get up off the ground» становится духовным манифестом фильма, отражая непоколебимую настойчивость мечтателей и находя отклик в последующих действиях: когда Мия после провального прослушивания исполняет «Someone in the Crowd», а уволенный Себастьян открывает джазовый клуб.

В фильме «Величайший шоумен» («The Greatest Showman», Gracey, 2017) музыкальный номер «The Other Side» заменяет традиционные диалоги песенно-танцевальной формой, используя антифон и хоровое исполнение, демонстрируя процесс убеждения Барнумом Филиппа присоединиться к цирку. Этот музыкальный номер сочетает вокальное исполнение двух главных героев с инновационной хореографией, превращая деловые переговоры в художественное высказывание, наполненное развлекательностью, театральностью и метафоричностью. Текст песни «Trade your typical for something colorful» означает, что Филиппу следует оставить традиционную аристократическую среду ради красочного циркового дела. Текст «Stay in the cage or you'll finally take the key» выражает выбор между жизнью в ограничениях и взятием контроля над собственной судьбой. «Suddenly we're free to fly» перекликается с темами самопринятия, pursuit мечты и искупления человечности в фильме. Решение Филиппа преодолеть классовые предрассудки и присоединиться к цирку предвосхищает повествование о том, как группа «необычных людей» позднее сопротивляется дискриминации через песню «This Is Me».

Вокальное искусство в киноповествовании также может служить конкретизированным носителем внутреннего мира персонажа, внешне выражая духовное состояние героя через поэтическое измерение, превосходящее диалоги. В гоночном фильме 2025 года «F1: The Movie» (Kosinski) песня «Bad as I Used to Be» звучит в сцене, когда главный герой Сонни Хейес только прибывает в команду APXGP и начинает тестировать автомобиль и скорость. Эта песня, наполненная атмосферой старой школы кантри и блюза, идеально соответствует old school стилю персонажа, которого играет Брэд Питт. Текст «I'm just as bad as I used to be» намекает на былую славу героя в молодости и значение того, что, несмотря на возраст, его навыки сохранились. Слово «bad» также передает бунтарский и свободолюбивый характер персонажа.

Эта песня через текст выражает отношение персонажа, демонстрируя несгибаемый дух главного героя. По сравнению с прямым выражением через диалоги, кинопесни не только сохраняют достоинство персонажа, но и оптимизируют повествовательную эффективность. Тонкость этого вокального выражения заключается в сохранении духовного аристократизма персонажа. Будучи скитальцем, сопротивляющимся эмоциональным проявлениям, если бы Сонни сам произнес «мои амбиции не угасли», это разрушило бы его ауру одинокого волка.

Песня же становится поэтическим выражением от третьего лица, избегая клишированной сентиментальности и создавая эмпатическую связь со зрителем через музыкальную синестезию.

Когда персонажи исполняют песни непосредственно в ходе киноповествования, тексты часто становятся прямым носителем их внутренних монологов или эмоциональных деклараций. В фильме «La La Land» песня «Audition (The Fools Who Dream)», исполненная главной героиней Мией на прослушивании, является прямым выражением её внутреннего монолога и декларации ценностей, где сам текст становится ключом к пониманию мотивации персонажа. Песня, рассказывая историю тёти, "прыгнувшей в Сену" («Barefoot, leapt without looking... spent a month sneezing»), воплощает смелость мечтателей и её цену в виде физических страданий. Декларация «She'd do it again» снимает трагичность трудностей, возводя их в ранг романтики сознательного выбора. Строки «Here's to the ones who dream, foolish as they may seem» с долей самоиронии выражают отношение общества к мечтателям и их предубеждения, а также преданность мечте. «Here's to the hearts that ache», «Here's to the mess we make» обобщают трудности, горечь и сердечную боль на пути к мечте. Исполнение Emma Stone, переходящее от шёпота к драматическому форте, в сочетании с текстом живо передаёт душевное состояние героини.

В диснеевском анимационном фильме «Tangled» (Greno & Howard, 2010) песня «When Will My Life Begin» появляется в первой сцене, демонстрируя повседневную жизнь и внутренний мир Рапунцель в башне. Через текст песни устанавливается базовое положение главной героини и скрытое внутреннее противоречие, а также передаётся её оптимистичное и позитивное отношение к жизни через чистое вокальное исполнение актрисы озвучки Mandy Moore, что закладывает основу для развития всего сюжета.

Повторяющийся в тексте список дел («подметать, читать, играть на гитаре, готовить, рисовать...» и другие глаголы) через параллельную структуру создаёт механическую временную ловушку, намекая на её попытки заполнить духовную пустоту занятостью. Прогрессия от «7 AM, the usual morning lineup...» до «Stuck in the same place I've always been» раскрывает пробуждение Рапунцель к осознанию «повторяемости». Риторический вопрос в конце каждого куплета «When will my life begin?» становится ключевым экзистенциальным вопрошанием – жизнь не равна выживанию. А вкрапления слова «wonder» указывают на неудовлетворённое стремление к исследованию. Конфликт между ними создаёт двоичное напряжение "физического заточения" и "духовного путешествия", перекликаясь с физическими ограничениями пространства башни и духовной проекцией образа фонариков.

Эта песня также передаёт более глубокий смысл. Текст демонстрирует различные навыки, которые Рапунцель освоила, чтобы убить время: уборка, готовка, рисование, дартс, шитьё, шахматы, гончарное дело, изготовление свечей и т. д. В сочетании со сценами, где она использует свои волосы как верёвку для подвешивания и лазания, «магия» сводится к бытовому инструменту, намекая на то, что она уже обладает навыками выживания, а суть заточения – результат психологического приручения. Когда Рапунцель поёт «Tomorrow night, the lights will appear», мелодия и ритм внезапно замедляются, а вокал певицы наполнен нежным стремлением и тоской, подготавливая почву для последующего побега из башни и приключений.

Некоторые песни из фильмов могут даже превзойти сами фильмы, став символами конкретной культуры, эпохи или общественного духа. Например, песня «Edelweiss» из музыкального фильма «The Sound of Music» (Wise, 1965). Эдельвейс (Горный пустынник) – национальный цветок Австрии, произрастающий в высокогорных районах Альп. Его характеристика «Маленький и белый, чистый и яркий» (Small and white, clean and bright) наделена двойной метафорой: чистоты нации и стойкости духа. В тогдашнем социальном

контексте Эдельвейс контрастировал с агрессивной властью немецких нацистов, придав этому лёгкому и оживлённому мюзиклу ощущение серьёзности и раскрыв глубокое, возвышенное содержание. Это возвысило тему мюзикла [Гао Цяоянь, 2015].

Эта песня в фильме появляется всего дважды. Первый раз на семейном вечере капитана, вокал стал средством выражения отцовской любви. Когда строгий офицер с гитарой пел о цветке, этот момент "деавторизации" сделал эдельвейс символом смягчения отцовской сущности. Слова «You look happy to meet me» намекали на восстановление родительско-детских отношений.

Во второй раз капитан исполнил её на Зальцбургском фестивале, когда родине угрожала опасность. В историческом контексте аншлюса Австрии нацистами, лирическое воспевание родной земли («Bless my homeland forever») наполнилось интенсивным национальным чувством. В конкретном кинематографическом контексте образ цветка трансформировался во воплощение национального духа сопротивления колонизации, спровоцировав хоровое пение австрийских зрителей и превратив песню в устойчивый культурный символ австрийской идентичности и антифашистского духа.

Фактически, помимо текста песен в кино, сама музыка, несущая вокал, обладает определенным семантическим потенциалом. Музыкальная семантика имеет биологические, психологические и культурные основы. Через внешнюю отнесенность люди могут связывать музыку с не музыкальными объектами внешнего мира, придавая ей семантическое значение внешних явлений [Ван Цзинси, 2019, с. 22]. В рамках данной статьи этот вопрос подробно не рассматривается.

Драматургическая функция вокала в кинематографе

Кинопесни, помимо передачи ясного смыслового содержания через текст песни, также выполняют определённые драматургическая функции в конкретных сюжетных моментах фильма. Вокальные партии в них служат мощным двигателем для продвижения повествования, раскрытия персонажей и создания драматического напряжения.

Песни в кино с вокальным исполнением могут служить мощным инструментом для управления ритмом повествования и тонкой обработки пространственно-временных отношений. Фильмы способны связывать пространство и время через непрерывность музыки, используя вокал для продвижения сюжета и трансформации пространства-времени. Рассказ через песни эффективно сжимает время, демонстрируя развитие событий или изменения в состоянии персонажей. "Музыка обладает преимуществом, заключающимся в меньших ограничениях времени и пространства по сравнению с другими звуковыми и визуальными элементами... Вне времени и пространства музыка общается со всеми эпохами и пространствами фильма, при этом оставляя их в их собственных, отдельных и уникальных существованиях." [Chion M., 1994, с. 81]

Например, в диснеевском анимационном фильме «Король Лев» (Allers & Minkoff, 1994), фрагмент бессловесного хорового пения в песне «Hakuna Matata» соединяет серию "монтажных" кадров, где Симба, Пумба и Тимон пересекают бревно на фоне разных пейзажей, и всего за 10 секунд Симба вырастает во взрослого льва.

В анимационном фильме «Мулан» (Bancroft & Cook, 1998) используется аналогичный приём. Песня «I'll Make a Man Out of You» объединяет серию монтажных кадров, стремительно развивая сюжет и демонстрируя процесс тренировок армии и роста бойцов. Воинственный ритм композиции организует последовательную стыковку сцен, а соло и хоровые партии разных персонажей синтезируют повествовательное пространство-время. Всего за 3 минуты показана

трансформация новобранцев, включая Мулан, из разрозненной толпы в элитный отряд.

В первой половине песни большую часть времени звучит соло мужского персонажа Ли Сян, чей голос звучит твердо, с четкой и сильной артикуляцией, выражая неодобрение и наставления капитана Ли Сян по отношению к новобранцам. Слова "Mister I'll make a man out of you!" подчеркивают решимость Ли Сян во что бы то ни стало подготовить солдат. В песню также вплетены жалобы Мулан и нескольких основных товарищей по команде, а разнообразие вокальных стилей в сочетании с индивидуальными кадрами еще больше подчеркивает разницу в возможностях между ними и капитаном. В средней части песни Мулан, будучи физически слабее из-за своего женского телосложения, получает приказ от Ли Сян вернуться домой, но хочет доказать свою состоятельность, поэтому ночью взбирается на высокий столб, чтобы достать стрелу на его вершине. Рассвет на фоне, товарищи, выходящие из палаток и смотрящие вверх, и Мулан, почти достигшая вершины в своем восхождении, в сочетании с добавлением хорового пения в песню усиливают вдохновляющий эффект. Коллективное пение "Be a man" в сочетании с покрытым потом, но решительным лицом Мулан предвещает разрушение гендерных барьеров и ее превращение из девушки в сильного "мужчину" в армии. В момент, когда она бросает стрелу с вершины столба к ногам Ли Сян, вокальный хор в песне вместе с ликующими криками товарищей по команде доводит драматический эффект достигнутого успеха до максимума. Далее следует часть с чистым вокальным хором, которому соответствует монтажная сцена, показывающая преобразование всей команды в результате тренировок. Четкий и организованный хоровой вокал символизирует, что бойцы стали дисциплинированными и способными квалифицированными солдатами. Те же тренировочные упражнения, которые раньше давались с трудом, теперь выполняются безупречно, создавая резкий контраст с комедийно-неуклюжим процессом тренировок в первой половине.

Вокальное исполнение само по себе может стать полем для вспышки конфликтов или средством обострения противоречий, усиливая драматические коллизии в фильме. В музыкальном фильме «Чикаго» (Marshall, 2002) песня «Cell Block Tango» использует структуру с чередованием индивидуальных монологов с коллективным хором, рассказывая о мотивах убийств шестью заключенными женщинами. Вокальный дизайн сочетает холодный речитатив с ритмом танго, а актрисы чрезвычайно драматической манерой пения обвиняют мужчин, доведших их до преступления, деконструируя оправданность насилия. Хоровой лозунг «He had it coming!» (Он сам напросился!) передан величественным гармоническим звучанием, создавая коллективный экстаз, и контрастирует по громкости с низким гудящим напевом во время индивидуальных монологов. Такой дизайн усиливает ощущение массового безумия "самосудной справедливости", вскользь высмеивая манипуляцию общественным мнением над судебной системой, создавая кульминацию драмы.

В музыкальном фильме «Отверженные» (Хупер, 2012) фрагмент песни «The Confrontation» представляет собой кульминационную сцену противостояния на шпагах между Жаном Вальжаном и Жавером в больнице. Посредством сочетания полифонического дуэта, вокального противоборства и синергии аудиовизуального языка, эта песня превращает идеологический конфликт в осязаемую вокальную арену. Жан Вальжан и Жавер в погоне и уклонении, обвинениях и объяснениях исполняют две переплетающиеся мелодические линии, демонстрируя непримиримые противоречия между двумя персонажами и усиливая драматический конфликт.

Фильм усиливает физическое противостояние через наложение вокальных форм. Мелодическая линия в партии Жавера четкая, тон низкий, регулярный ритм дополнен точками,

имитируя механистичность правовых положений, отражая его rigidное чувство справедливости, а также холод закона и беспристрастность системы. В то время как пение Жана Вальжана имеет высокий тон, большую мелодическую амплитуду и много легато, что выражает его спешку в объяснениях и убеждении, а также символизирует текучесть человеческих эмоций. Такой подход превращает рефлексию «может ли закон вместить человечность» в слуховые физические различия, вызванные тембровыми тепло-холодными оттенками, жесткостью-мягкостью мелодии и скоростью ритма. Механическое пение Жавера метафорически указывает на бюрократическую систему, тогда как разорванный звук Жана Вальжана символизирует борьбу личности в системе. Такой дизайн превращает философские дебаты в слуховое противостояние, избегая ослабления глубины мысли из-за действий на экране.

Вокальная музыка в фильмах является чрезвычайно мощным и эффективным инструментом для создания образов персонажей. Создатели фильмов часто гибко используют такие элементы музыки, как мелодия, ритм, тембр, лад и тональность, динамика, темп и другие, чтобы формировать персонажей и создавать звуковой образ, соответствующий их характеристикам. В плане создания образов возможности визуального ряда в воспроизведении психологии персонажа ограничены, однако использование звуковых средств – особенно киномузыки и песен – позволяет раскрыть различные потенциалы в создании образов, предоставляя разнообразные творческие возможности для построения характера персонажа и эмоциональных измерений.

Песня «Be Prepared» из мультфильма «Король Лев» является музыкальной темой антагониста Шрама (Scar) и ключевым элементом в раскрытии глубины его персонажа. Она обнажает главные мотивации и сущность характера злодея. Композиция выполнена в характерном для Бродвея стиле песни злодея, сочетая мрачные, зловещие элементы джаза и марша с диссонансными нотами – что создаёт резкий контраст с величественным и светлым звучанием песни «Circle of Life», немедленно утверждая амплуа Шрама как "разрушителя порядка". Текст наполнен сарказмом, лицемерием и неприкрытым тщеславием. Исполнение Jeremy Irons вдыхает в эту песню душу: его вокал – томный, коварный, елейный и насмешливый, то переходящий в заговорщицкий шёпот, то разражающийся истеричным рёвом. Такая голосовая игра создаёт умного, харизматичного, но при этом подлинно зловещего и опасного антагониста. Она позволяет зрителю ясно увидеть внутренний мир Шрама и его планы, формируя образ более запоминающегося и угрожающего злодея.

В фильме уместно подобранная песня может вдохнуть душу в персонажа. В фильме «Стражи Галактики» (Gunn, 2014) вскоре после начала главный герой Звёздный Лорд (Peter Quill) надевает свои старомодные наушники, под песню группы Redbone «Come and Get Your Love» он в экстазе напевает и танцует, одновременно отбиваясь от инопланетных монстров. Мгновенный эффект этой песни – разрыв таинственной атмосферы начала, установление тона научно-фантастической комедии, полной юмора, ностальгии и духа приключений. На более глубоком уровне она косвенно формирует образ главного героя, раскрывает его характер и привычки, обнажает его внутреннюю сущность.

Прежде всего, она намекает на эмоциональную связь Звёздного Лорда с Землёй. Будучи гибридом человека и инопланетянина, Звёздный Лорд вырос на Земле. Песни с кассет, оставленных ему матерью, являются глубочайшей эмоциональной связью с родной Землёй, детством и матерью, а также важным ориентиром для самоидентификации в безграничной вселенной. Во-вторых, лёгкая и радостная мелодия самой песни «Come and Get Your Love» также отражает оптимистичный дух Звёздного Лорда, который наслаждается собой даже в

опасные моменты. Эта оболочка оптимизма и раскованности является для него формой самозащиты и жизненной позицией перед лицом жестокой вселенной и одинокого прошлого. Кроме того, эта песня также демонстрирует уникальные героические качества главного героя. Она мгновенно отличает Звёздного Лорда от других "серьёзных" героев Кинематографической вселенной Marvel, формируя его образ «нетипичного супергероя», кажущегося легкомысленным, но на деле глубоко эмоционального и верного. Эта песня «Come and Get Your Love» – не просто приятная фоновая музыка, это идеальный «выход» персонажа, позволяющий зрителям за несколько минут принять характер, прошлое и внутренний мир Звёздного Лорда, а также подготавливающий почву для дальнейшего сюжета.

Вокальная музыка может напрямую проникать во внутренний мир персонажа, раскрывая зрителю его эмоции, желания, страхи и изменения характера. В анимационном фильме Disney «Холодное сердце» (Buck & Lee, 2013) исповедная песня Эльзы «Let It Go» является как ключевым переломным моментом арки персонажа, так и кульминацией повествования фильма. С одной стороны, вокальное произведение дополняет и совершенствует вспомогательную narrative линию фильма, выделяя внутренний мир главной героини, с другой стороны, оно также воздействует на постепенную трансформацию характера и внутреннего мира персонажа [Бай Цзин, 2015]. Эта песня через вокальное исполнение певицы Идины Мензель создает iconic образ самопринятия и освобождения. Исполнение кульминационной части наполнено силой, уверенностью и чувством освобождения, реализуя преобразование характера персонажа и сюжетный поворот через воодушевленную вокальную выразительность. Изменения тембра и эмоций певицы детально передали эмоциональную трансформацию внутреннего мира Эльзы от страха и подавленности к высвобождению силы и принятию себя, раскрывая внутреннюю борьбу и процесс пробуждения персонажа, чей драматический эффект значительно превосходит диалоги.

Кинорежиссеры часто используют вокальные произведения для развития сюжета и углубления отношений между персонажами. В фильме «Once» (Carney, 2007) песня «Falling Slowly», импровизационно исполненная главными героями в музыкальном магазине, искусно заменяет вербальное общение между персонажами, непосредственно способствуя быстрому углублению их отношений и продвижению повествования. Через музыкальное взаимодействие и лирический диалог эта песня тонко передает быстро растущее взаимопонимание, глубинную связь и невысказанные эмоции между двумя одинокими душами, обозначая возможное начало любовных отношений.

В кино также часто используют вокальную музыку для создания атмосферы и настроения. В серии фильмов «Властелин колец» («The Lord of the Rings», Jackson, 2001-2003) многократно применяются различные формы вокальной музыки для усиления различных атмосферных эффектов и продвижения сюжета. Даже когда текст песен относительно абстрактен или отсутствует вовсе, мелодические линии вокальной музыки, гармонические краски, ритмическая пульсация и сам тембр способны создавать определённую эмоциональную атмосферу или указывать на психологическое состояние персонажа/окружения. Например, тематическая музыка при появлении эльфов чаще всего представляет собой эфирное и невесомое женское пение или хоровое исполнение, что подчёркивает святость и благородство эльфийского народа и создаёт сказочную атмосферу; фоновая музыка Айзенгарда в основном использует низкое, ритмичное мужское хоровое пение в сопровождении медных духовых и ударных инструментов, создавая тёмную, зловещую и напряжённую атмосферу, предвещая приближение войны и катастрофы; а предбоевой фоновый хор Рохана и армии орков использует величественные и

трагические гармонии для передачи жестокости войны и создания трагической атмосферы.

В третьем фильме «Властелин Колец: Возвращение Короля» («The Lord of the Rings: The Return of the King») в сцене, где второй сын Наместника Гондора Фарамир по приказу бездарного правителя ведёт войска в поход на старую столицу для атаки на армию орков, вставлен эпизод, где Пиппин поёт песню Наместнику во дворце. А капельное исполнение Пиппина в этой сцене создаёт контраст и противопоставление с боевыми сценами Фарамира, формируя трагическую атмосферу. Наместник пирует в пустом тронном зале, перед ним на столе ломятся от яств, в то время как его сын и солдаты всё ещё сражаются насмерть снаружи. В тихом дворце звучит песня Пиппина, мелодия грустная и печальная, что предвещает безвозвратную гибель армии Фарамира и отражает отчаяние перед равнодушием Наместника.

В третьем фильме «Властелин Колец: Возвращение Короля» в сцене, где второй сын наместника Гондора Фарамир по приказу бездарного правителя ведет войска в поход на старую столицу для атаки на армию орков, вставлен эпизод, где Пиппин поет песню наместнику во дворце. Пение Пиппина без инструментального сопровождения в этой сцене создает контраст и противопоставление с боевыми сценами Фарамира, формируя трагическую атмосферу. Наместник пирует в пустом тронном зале, перед ним на столе ломятся от яств, в то время как его сын и солдаты все еще сражаются насмерть снаружи. В тихом дворце звучит песня Пиппина, мелодия грустная и печальная, что предвещает безвозвратную гибель армии Фарамира и отражает отчаяние перед равнодушием наместника.

Эмоциональная функция вокала в кинематографе

Музыка является одним из наиболее эффективных художественных средств выражения эмоций. В аудиовизуальных произведениях, «если кадр направлен преимущественно на демонстрацию типа и динамики внутренних переживаний персонажа, то музыка становится наиболее эффективным средством выражения. Согласно теории изоморфизма в гештальт-психологии, музыка является "прямым аналогом эмоционального движения", тогда как визуальный ряд и вербальный язык требуют многократного перекодирования для воссоздания эмоционально-психологического процесса» [Хэ Сяобин, 1992]. Музыка способна использовать свою собственную текстуру, варьируя такие элементы как оркестровка, мелодия, ритм и тембр, чтобы объединить эмоциональную окраску музыки с визуальным рядом, выражая эмоциональный опыт и психологические переживания персонажей произведения.

При этом наиболее важной и незаменимой функцией киномузыки является её способность через человеческий голос пробуждать у зрителей глубокий эмоциональный резонанс. Человеческий голос как самый "человечный" и выразительный "инструмент" обладает природной способностью трогать сердца. Малейшие изменения в тембре, высоте тона, силе звука и интонации способны непосредственно передавать сложные эмоции исполнителя (радость, печаль, гнев, страх, longing и другие), легко вызывая у зрителей эмпатию.

В мюзикле «Отверженные» песня «On My Own» в исполнении Эпонины посредством синергии музыкального оформления, вокальных слоёв и поэтических образов реализует множественные эмоциональные функции. Она не только экстериоризирует муки безответной любви персонажа, но и углубляет ключевую тему «любви и искупления» в фильме. Композиция использует трёхчастную структуру. Исполнительница Саманта Баркс представила очень живо исполнение, которое постепенно развивается от лёгкости и игривости до слёз и далее до эмоционального взрыва, послойно раскрывая внутренний мир Эпонины. Первая часть с мягкой мелодией в ре мажоре создаёт мир фантазий Эпонины о неразделённой любви. Вокальный тембр певицы нежный и яркий, превращающий «воображаемую близость» в акустическую

эмоциональную анестезию. В средней части происходит модуляция в фа мажор и соль мажор, вокальная динамика усиливается, окраска темнеет, разрывая пузырь иллюзий. Третья часть репризирует мелодию первой части, модулируя обратно в фа мажор, эмоции исполнительницы становятся интенсивнее, темп немного ускоряется, вокальная линия Саманты переходит от протяжного легато к разрывающему крещендо с рыданием, в сочетании с крупным планом её лица, на котором слёзы смешиваются с дождём, обнажая жестокую правду под сладкой иллюзией – её любовь навсегда останется «только в одиночестве» (only on my own). По мере повышения вокальной высоты тона эмоции певицы становятся всё более интенсивными, приводя всю песню к кульминации, и когда динамика достигает максимума, вокал резко обрывается вместе с музыкой, переходя в коду. В заключительной части певица тихим, разбитым, плачущим голосом медленно выпевает «I love him», демонстрируя сердечную боль и печаль персонажа, а на последней фразе «but only on my own» происходит эмоциональное успокоение, показывающее, как персонаж после печального излияния и эмоционального выплеска возвращается к покою [Сяо Пин, Фан Ихан, 2018]. Исполнительница завершает композицию затихающим дыхательным звуком, как будто её жизненная сила утекает с пением, это «ощущение исчезновения» предвещает её последующую гибель, когда она примет пулю за Мариуса. И бесчисленные зрители увидели в исполнении Саманты Баркс свои собственные неразделённые чувства, обретая глубокий эмоциональный резонанс, что дарует униженной любви эстетическое достоинство.

В другом мюзикле «Величайший шоумен» песня «This Is Me» является не только кульминационной точкой взрыва сюжета, но и посредством вокального дизайна несёт многоуровневую эмоциональную функцию. Она преобразует подавленность, сопротивление и самопробуждение маргинальных групп в потрясающий аудиальный опыт. Песня начинается с лёгкого и тихого напевания Кеалы Сеттл «I'm not a stranger to the dark», в slightly низком регистре с хрипловатой текстурой, имитирующем состояние отвергнутых обществом людей, которые съёживаются в тени и боятся показывать себя. Виброто в конце фразы «No one will love you as you are» озвучивает накопленное за долгое время чувство стыда персонажа. В части перед припевом голос постепенно усиливается вместе с барабанным боем, эмоционально изображая психологический процесс перехода персонажа от пассивности к активности, от неуверенности к уверенности.

Во втором куплете певица использует множество яростных нот, выражая гнев и борьбу персонажа. На фразе «For we are glorious!» голос Сеттл выходит за пределы обычного диапазона, эмоционально насыщенный и воодушевлённый, символизируя прорыв ограничений и приход свободы и света. В припеве «Look out 'cause here I come» предупреждающий текст превращается в вокальный боевой клич, заставляя эмоции зрителей трепетать и следовать за ним. В заключительном припеве певица использует разрывающий мощный микст, сочетаясь с полным звучанием группы и гармонией хора, создавая ударную волну звука. В конце на «This is me» накладываются гармонии Сеттл и хора в верхней и нижней октавах, демонстрируя разнообразие членов цирка и их самоидентификацию.

Эта песня посредством грубого вокального выражения певицы озвучивает эстетику шрамов, использует канонический хор и ритмы боевого танца, чтобы сделать коллективное сопротивление слышимым. Вокальное выражение выходит за рамки лирической функции, становясь оружием для маргиналов, отвоёвывающих право голоса. Это манифест выживания, осуществлённый с помощью музыки. Эта песня получила на 75-й церемонии вручения премии «Золотой глобус» в 2018 году награду за лучшую оригинальную песню к фильму.

В кино также часто используют уже существующие песни для усиления эмоциональной выразительности. Благодаря правильно подобранной музыке, режиссер способен создать определенные условия для сопереживания, в которые помещен герой, и нашего участия как зрителя, будучи по ту сторону экрана [Платонова, 2020, с. 96]. В анимационном фильме «Шрек» («Shrek», Adamson & Jenson, 2001) после возникновения недоразумения между Шреком и Фионой, один возвращается на своё болото, а другой следует за лордом Фаркуадом в его замок для подготовки к свадьбе. В этом эпизоде режиссёр использует песню «Hallelujah» (оригинальное исполнение Leonard Cohen, 1985) в качестве фоновой музыки, соединяя серию монтажных кадров, которые демонстрируют эмоциональное состояние одиночества и неразделённой любви двух людей в разных местах, а также углубляют их взаимное непонимание. Оригинальная песня сочетает религиозные метафоры трагедии царя Давида с разбитыми мирскими чувствами, переплетая противоречие между священным гимном и человеческими желаниями, демонстрируя глубокое поэтическое выражение [Сяо Чэньган, 2018]. Многократно повторяемое «Hallelujah» символизирует как благоговение перед верой, так и метафору искупления разрушенной любовной страсти. В фильме песню исполняет Джон Кейл, который посредством пения с придыханием смягчает религиозную святость, его тембр нежный и печальный, в сочетании с появляющимися в кадре образами Шрека и Фионы в их соответствующих местах проживания (между сценами использованы переходы через растворение), что усиливает одиночество персонажей и их внутреннюю борьбу, намекая на их тоску друг по другу, а также пробуждает печальные эмоции зрителей. Выбор этой песни демонстрирует творческое присвоение классического текста в анимационном кино, её эмоциональная функция выходит за рамки простой фоновой музыки, становясь ключевой знаковой системой для углубления эмоций персонажей и пробуждения эмоционального резонанса зрителей.

Заключение

Вокал в кино является мощным и многогранным художественным элементом. Он отнюдь не является украшением или необязательным дополнением в кинонарративе. На семиотическом уровне кинопесни через текст точно передают информацию, разъясняют смысл, раскрывают внутренний мир персонажей, создают культурные символы и обозначают тему фильма. На драматургическом уровне кинопесни эффективно продвигают сюжет, внешне выражают конфликт, формируют характеристики персонажей, связывают время и пространство, создают атмосферу, являясь мощным контролером ритма и структуры повествования. На эмоциональном уровне вокал, благодаря естественной выразительности человеческого голоса и богатой выразительности самой музыки, способен проникать сквозь физические барьеры, непосредственно затрагивать душу зрителя, пробуждать глубокое сопереживание, усиливать immersive-опыт, запускать ассоциации памяти и в ключевые моменты становиться одним из самых мощных инструментов эмоциональной разрядки и возвышения. Эмоциональный эффект вокала в кино обычно более прямой и физиологичный, чем у чистой инструментальной музыки.

Талантливые создатели фильмов хорошо понимают множественные функции вокала и тщательно вплетают его в визуальный ряд, диалоги, звуковые эффекты и инструментальную музыку. Кинопесни объединяют ясность языка (текста) с абстрактностью и эмоциональностью музыки (мелодия, гармония, ритм, тембр), являясь незаменимым звуковым измерением, составляющим незабываемый, целостный и глубокий опыт кинематографического искусства.

Именно это глубокое вовлечение и искусное переплетение в трех измерениях – семиотической передачи, драматургического построения и эмоционального пробуждения – укрепляют непоколебимый статус вокала в искусстве кино и продолжают обогащать нарративные возможности и эмоциональную глубину кинематографа.

Библиография

1. Бай Цзин. Исследование функции музыки в создании персонажей в анимационном фильме «Холодное сердце»: дис. маг. искусств. наук: J617.6. - Хэбэй, 2015. - 24 с.
2. Ван Синь. О драматической повествовательной функции музыки фильма «La La Land» // Музыкальное Творчество. - 2018. - №04. - С. 109-110.
3. Ван Цзинси. Перевод и исследование «Музыки и дискурса: введение в музыкальную семиотику»: дис. маг. искусств. наук: J60-05. - Сиань, 2019. - 22 с.
4. Гао Цяоянь. Анализ классических музыкальных номеров мюзикла «The Sound of Music» // Голос Хуанхэ. - 2015. - №01. - С. 7.
5. Доннелли, К. Дж. (ред.) Film Music: Critical Approaches. - Эдинбург: Edinburgh University Press, 2001.
6. Платонова О. А. Киномузыка: к проблеме комплексного анализа // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. - 2020. - №1(55). - С. 94-100.
7. Сяо Пин, Фан Ихан. Исследование исполнения песни «On My Own» из мюзикла «Отверженные» // Северная музыка. - 2018. - №38(20). - С. 111-113.
8. Сяо Чэньган. Литературность американской народной песни через призму поэтических особенностей «Hallelujah» Леонарда Коэна // Английский язык в кампусе. - 2018. - №01. - С. 236-237.
9. Хэ Сяобин. Обоснование существования музыки в телесериалах // Современная коммуникация. - 1992. - №05. - С. 71-77.
10. Чион М. Audio-Vision: Sound on Screen. - Нью-Йорк: Columbia University Press, 1994.

Functions of Vocal Music in Contemporary Cinema: Semantics, Dramaturgy, and Emotional Impact – Examples from Modern Popular Western Films

Van Tszinsi

Graduate Student in Art History and Cultural Studies,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
191186, 48 Naberezhnaya Reki Moyki,
Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: 411512467@qq.com

Abstract

Vocal music (songs, arias, backing vocals, and other forms of vocal expression) in contemporary cinema serves a far more significant function than mere background sound design. As a unique narrative tool with a high degree of semantic specificity, it not only enhances the dramatic impact of a film but also becomes a key instrument for conveying complex emotional states. Through a detailed analysis of specific musical examples from recent films and their aesthetic interpretation, this article reveals the multifaceted role of vocal music: from precisely conveying semantic nuances and dynamically developing plotlines to deeply exploring character psychology and creating a unique emotional atmosphere that evokes an intense audience response. Special attention is paid to the ability of vocal elements to form subtext and enhance the ideological load of the visual sequence,

which collectively confirms their status as an integral component of the artistic structure of a film, determining its aesthetic completeness and emotional depth. Vocal compositions often become semantic dominants in critically important scenes, such as climaxes or moments of psychological turning points for characters. They serve as a bridge between the viewer and the screen, enhancing empathy and engagement. Thus, vocal music in contemporary cinema not only complements the visual sequence but also actively creates narrative, acting as a full-fledged means of artistic expression.

For citation

Van Tszinsi (2025) Funktsii vokal'noy muzyki v sovremennom kinematografe: semantika, dramaturgiya i emotsional'noye vozdeystviye – na primere sovremennykh populyarnykh zapadnykh filmov [Functions of Vocal Music in Contemporary Cinema: Semantics, Dramaturgy, and Emotional Impact – Examples from Modern Popular Western Films]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (8A), pp. 86-98. DOI: 10.34670/AR.2025.88.72.010

Keywords

Vocal music, film songs, vocals, functions, film music, semantics, dramaturgy, emotional impact.

References

1. Bai Jing. A study of the function of music in the creation of characters in the animated film "Cold Heart": dis. mag. arts. science city: J617.6. - October, 2015. - 24 p.
2. Wang Xin. About the dramatic production of the film "La La Land" // Musical creativity. - 2018. - No. 04. - pp. 109-110.
3. Wang Jingxi. Translation and research of "Music and Discourse: an introduction to musical Semiotics": dis. mag. arts. naukograd: J60-05. - January, 2019. - 22 p.
4. Gao Qiaoyan. Anal classical musical number of the musical "The Sound of Music" // Golosuan. - 2015. - No. 01. - p. 7.
5. Donnelly, K. J. (ed.) Film music: Critical approaches. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001.
6. Platonova O. A. Film music: towards a problem of complex analysis // Actual problems of higher musical education. - 2020. - №1(55). - Pp. 94-100.
7. Xiao Ping, Fan Yihan. Continuation of the story "By Myself" from the book Les Miserables // Northern music. - 2018. - №38(20). - Pp. 111-113.
8. Xiao Chengan. Literary translation of the American folk song "Hallelujah" by Leonard Cohn // English on campus. - 2018. - No. 01. - pp. 236-237.
9. He Xiaobing. Substantiation of the existence of music in television series // Modern communication. - 1992. - No. 05. - pp. 71-77.
10. Chion M. Audio vision: Sound on the screen. New York: Columbia University Press, 1994.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 008 **DOI: 10.34670/AR.2025.34.75.011**

Особенности художественного языка станковой графики Алтая 1960-1980-х годов

Крылова Виктория Игоревна

Аспирант кафедры искусств института гуманитарных наук,
Алтайский государственный университет,
656049, Российская Федерация, Барнаул, просп. Ленина, 61;
e-mail: kryllova.v@gmail.com

Аннотация

Статья направлена на исследование изменений и развития выразительных средств, стилистики и художественных приемов в станковой графике Алтая 1960-1980-х годов. **Цель** данного исследования – выявление основных особенностей художественного языка станковой графики, а также определение основных закономерностей их изменений в течение обозначенного периода. **Научная новизна** исследования заключается в том, что впервые в современном искусствознании воссоздается целостная историческая панорама становления и развития художественно-пластических качеств алтайской станковой графики позднесоветского периода, систематически определяются ключевые этапы её эволюции и раскрываются основные характеристики каждого этапа. **В результате исследования** выявлено, что 1) художественный язык алтайской станковой графики 1960-х годов развивался под влиянием тенденций советского изобразительного искусства в целом, локальных художественных центров профессионального художественного образования в СССР, а также местные изобразительные традиции и особенности региональной культуры и природы; 2) художественный язык алтайской графики 1960-1980-х годов развивался последовательно, ведущие средства выразительности, используемые художниками в графике менялись постепенно: от пятна – к линии, от простых композиций – к усложненным, от драматических контрастов пространства и цвета – к мягкости тональных переходов и декоративно-символическим ориентирам.

Для цитирования в научных исследованиях

Крылова В.И. Особенности художественного языка станковой графики Алтая 1960-1980-х годов // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 8А. С. 99-114. DOI: 10.34670/AR.2025.34.75.011

Ключевые слова

Алтайская станковая графика, позднесоветское искусство, художественный язык.

Введение

Актуальность современного обращения к теме анализа специфики и развития художественного языка алтайской станковой графики 1960-1980-х годов обусловлена несколькими факторами, среди которых основными является важность обращения к историко-культурному наследию регионального искусства, а также недостаток научных знаний в этой области. Формирование единой картины развития искусства локальных, удаленных от центра регионов, позволяет дополнить имеющиеся сегодня представления об особенностях и трансформации художественного языка советской станковой графики позднесоветского периода. Исследование формальных аспектов станковых графических произведений Алтая актуально в связи с необходимостью восполнения пробелов в научном знании о искусстве края, углубленного изучения малоисследованных аспектов, выявления уникальных черт и творческих достижений местных художников, сохранения культурно-исторического наследия и расширения представлений о разнообразии отечественных художественных процессов.

Для достижения цели исследования были поставлены задачи:

- выявление и анализ специфик художественного языка станковой графики Алтая в 1960-е, 1970-е, 1980-е годы;
- выявление закономерностей развития и анализ эволюционных изменений в художественном языке алтайской станковой графики 1960-1980-х годов.

Теоретической базой исследования стали научные статьи исследователей отечественного искусства позднесоветского периода, направленные на определение его специфики и выявлении эволюции художественно-пластических средств изобразительного искусства и графики в частности Ю.Я. Герчука (2007), А.А. Каменского (1989), А.К. Флорковской, А.Н. Иньшакова (2018), (2017), П.Д. Муратова (1975, 1980). Для понимания некоторых аспектов целостного развития искусства Алтая в указанный период в работе были использованы историко-искусствоведческие подходы исследователей изобразительного искусства Алтая Т.М. Степанской (2009), Л.И. Нехвядович (2010, 2012), а также статьи искусствоведов, направленные на выявление специфических особенностей развития художественно-выразительных средств в творчестве отдельных графиков Алтая: Т.М. Степанской (2009), Л.Н. Лихацкой (1999, 2010, 2018), О.В. Сидоровой (2017, 2021).

Материалы и методы. В качестве материалов исследования выступают: электронный ресурс «Госкаталог музейного фонда Российской Федерации» (https://goskatalog.ru/portal/#/), хранящий данные о художественных произведениях российских музейных фондов; а именно художественные произведения Ф.А. Филонова (Г-4512, Г-4515, Г-4120, Г-1349, Г-2052), А.Г. Вагина (Г-1893, Г-1358), А.А. Югаткина (Г-3201), Ю.Б. Кабанова и В.П. Туманова (Г-2759), Ю.Б. Кабанова (Г-4789, Г-4838, Г-464), В.П. Туманова (Г-3356, Г-2128), Т.В. Ашкинази (Г-2231, Г-3035), Ю.Е. Бралгина (Гр 1266, Г-3627), Г.Ф. Буркова и Г.А. Удаловой (Г-4830), Г.Ф. Буркова (Г-2744), Г.А. Удаловой (Г-5023), А.Н. Потапова (Гс. 10744) В.Ф. Рублева (Г-3714), Л.Н. Пастушковой (Г-3521).

Для достижения поставленных задач в статье, главным образом, использовался специальный искусствоведческий метод стилистического анализа для определения художественных особенностей отдельных произведений графического искусства, а именно: анализ композиции, колорита, рисунка, характера линии, штриха и пятна, и других используемых художником средств художественной выразительности. Также, для качественного анализа эволюции творческого метода отдельных авторов, а также для более

широкого художественного контекста потребовалось обращение к историко-искусствоведческому подходу.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его основные результаты и промежуточные выводы можно использовать при формировании единой исторической картины развития изобразительного искусства Алтайского края в период его расцвета – в 1960-1980-е годы, а также при исследовании художественного языка отдельных авторов для включения его в общую картину развития станкового графического искусства региона. Также, полученные данные могут быть применены для составления программ образовательных курсов, лекций, экскурсий и других публичных мероприятий, посвященных особенностям графического искусства Алтая.

Обсуждение и результаты

В 1960-е годы в алтайской станковой графике работают художники, среди которых наиболее яркими именами являются: Ф.А. Филонов (1919-2007), А.Г. Вагин (1923-2006), А.А. Югаткин (1926-2001), Ю.Б. Кабанов (1938-2019), В.П. Туманов (1938-2021). Стилистический анализ ряда их графических произведений позволит определить особенности художественного языка исследуемого периода.

Филонов Федор Андреевич (1919-2007) в 1960-е годы – уже устоявшийся мастер, со сложившейся художественной системой. Этот художник не получил профессионального образования, обучаясь в изобразительной студии, где ему преподавали С.М. Розе (1897-1964) и А.Н. Борисов (1889-1937). Также, художник воспитывал свое мастерство в рисунке и композиции копируя в музее произведения ученика И.И. Шишкина (1832-1898) – Г.И. Гуркина (1870-1937). Искусствовед О.В. Сидорова пишет, что в работах Ф.А. Филонова «та же эпическая поэзия, та же мощь, тот же восторг, восхищение человека вековой природой, что были присущи первым профессиональным художникам Алтая» (Сидорова, 2021, с. 53).

Работа Ф.А. Филонова «Водопад» 1960-го года – характерное графическое произведение автора того периода, созданное в технике тушь-перо. В нем, как и в других работах присутствуют «величественность, отстраненность от мира дольнего» и «романтическое мироощущение», отмеченные искусствоведом Л.Н. Лихацкой (1999, с. 13). Классическая уравновешенная, статичная композиция передает медленное, мягкое движение алтайской горной реки, окруженной плотным пространством чащи тайги. Иллюзия пространственной глубины в картине передана за счет распределения пространственных масс на первом, втором и дальнем планах. Разработанная средствами рисунка композиция картины дополняется использованием светотеневой моделировки пространства, где передний план высветлен, а задний затемнен. Анализ художественной фактуры работы показывает, что образ строится мелким, тонким штрихом, изображение детализировано, художник внимательно относится к передаче фактур изображенных поверхностей. Художник работает в черно-белой гамме, цветовое разнообразие пейзажа передано им при помощи разнообразия использования промежуточных оттенков. Об этом пишет в одной из статей Н.С. Царева, говоря о горных пейзажах Ф.А. Филонова в технике тушь-перо: «Казалось бы, в них только черное и белое, линия и пятно, а на самом деле – вся нарядность красок алтайской природы и весь ее чарующий аромат» [Царева, 2020, с. 400].

В 1960-е годы в некоторых работах Ф.А. Филонова заметно изменение стилистики, произошедшее, по всей видимости, под влиянием актуальных художественных тенденций

«сурового стиля». Изменения эти заметны уже в работе 1963 года «В леспромхозе», где вместо привычной автору штриховки для изображения лесного массива он использует заливки тушью. Но более ярко новая стилистика проявилась в 1967 году в работе «Искатели». Художник здесь использует смешанную технику: акварель, карандаш и тушь. Работа строится на контрасте небольших однотонных светлых (цвет бумажного фона) фигур идущих вдаль людей и крупных полей горных вершин, наслаивающихся друг на друга. Автор работает не штрихом, а пятном, создавая при этом монументальный, обобщенный образ, отсылающий к эстетике «суровых». Вероятно, выбор темы индустриального характера обусловил и выбор особенностей художественного языка.

Но и в работах, выполненных в жанре «чистого» пейзажа заметно изменение художественного языка в сторону больших обобщений. На листе «Скалы Катунского хребта» (Рис. 1), выполненном в традиционной для Ф.А. Филонова технике тушь-перо заметно усиление эпического характера композиции, направленной на панорамное видение горных вершин. Для пространственного построения работы также характерно использование контрастов масштабов (крупные ледник, скалы и облака против небольшой группы деревьев) для усиления восприятия грандиозности образа. Драматический контраст характерен и для колорита работы, где темные скалы ясно противопоставляются белоснежному изображению ледника.

Рисунок 1 - Филонов Ф.А. Скалы Катунского хребта. 1968. Бумага, тушь, перо. 55,0х81,0. Собрание КГБУ «Государственный художественный музей Алтайского края» (г. Барнаул)

В 1960-е годы Ф.А. Филонов работает и в цвете, в техниках акварели и гуаши создавая виды на алтайскую степь. Одной из характерных акварельных работ этого периода можно назвать лист «Степной пейзаж» 1966 года (Рис. 4), выполненный в гуаши. Изображенное пространство здесь минимизировано до двух ключевых объектов – неба и земли. Художника больше интересует их колористическое и композиционное взаимоотношение. Художник мастерски находит баланс между плоскостность графической техники и ее живописными возможностями, оставаясь одновременно и реалистическим пространстве и находя необходимый уровень условности для создания обобщенного художественного образа.

В 1960-е годы собственную художественную эволюцию художественного языка проходит и художник Андрей Григорьевич Вагин (1923-2006). Он приехал на Алтай в 1953 году после

окончания Горьковского (сегодня - Нижегородское) художественного училища. Уже в 1954 году в его творчестве появилась «большая тема», которой стала начавшая в тот год государственная программа по освоению целинных и залежных земель. В 1960-е художник вновь обращается к этой теме, но работает уже с оглядкой на стилистические особенности «сурового стиля». В художественном языке, который автор выбирает при создании работы «Целинные просторы» можно увидеть тяготение к обобщенным, монументальным образам. Отстраненная, написанная в профиль фигура человека труда дана почти плакатно. Окружающий пейзаж также трактован широкими, плоскостными полями приглушенных, грязноватых цветов. Параллельно с разработкой актуальных веяний «сурового стиля» в графике, художник занимается и поисками собственных композиционно-символических приемов. В данном случае таким стала резкая динамичная линия, разделяющая пространство картины на две части: вспученная плодородная вспаханная земля и необработанное поле. Тема целины станет ключевой в творчестве художника и в следующие десятилетия. Для ее реализации он иногда будет также использовать стилистические приемы «сурового стиля».

Некоторые работы А.Г. Вагина конца 1960-х годов, выполненные уже в технике линогравюры, остаются пластически близкими стилистике «суровых», как, например, лист «Над Обью» (Рис. 2). От «суровых» здесь энергия резких уверенных линий и контраст крупных локальных цветовых пятен, подчеркивающие пафос и драматизм пейзажа. Одновременно с этим, в работе уже чувствуется тот лирический настрой, которым будет наполнено искусство А.Г. Вагина в следующие годы. Поэтически трактует художник изображение неба и воды, обращая внимание на мельчайшие детали переходного состояния природы, светотени, отражения. Энергичная и строгая линия абриса города в изображении природы сменяется на более плавную, текучую, иногда причудливо изогнутую. художник, следуя эстетическим принципам своего времени, сохраняет уникальную авторскую позицию, органично интегрируя личные творческие установки в рамки доминирующего художественного направления.

В 1969 году А.Г. Вагин создает ряд работ, в которых отходит еще дальше от эстетики «суровых» - серию «Весенние мелодии». Некоторая плоскостность, свойственная монументальному искусству двухмерность изображения и фона в трактовке композиции все еще сохраняется, но во главу угла встает теперь подвижная, изобретательно изогнутая линия. Лирико-эпический характер художественного языка в работе серии «Птичье царство» передан не только разнообразием толщины и движения линий, но и работе с пятном, которое из цельного строгого по форме становится неоднородным и подвижным.

В техниках печатной графики (литографии, офорте, линогравюре) активно работают в 1960-е годы на Алтае Юрий Борисович Кабанов (1938-2019) и Владислав Петрович Туманов (1938-2021). Авторы приехали в край по распределению после окончания Ивановского художественного училища в 1959 году в возрасте 20 лет. На 1960-е годы приходится период их творческого становления через поиски художественного языка и эксперименты с формой. На первом этапе своей творческой деятельности, авторы часто работали совместно. В 1962 году они вместе создают графическую серию «О детях», одной из заглавных работ которой становится литография «В ТЮЗе».

В середине 1960-х годов художники активно начинают работать отдельно. В это время молодой художник Ю.Б. Кабанов находится в поисках собственного художественного стиля, создавая, порой, предельно отличные друг от друга художественные образы. Особенно это заметно при сравнении двух портретов, написанных в 1966-м и 1967-м году: офорта «Портрет художника Ю.Н. Панина» и линогравюры «Портрет художника В. Васильева». По своей

пластике портрет Ю.Н. Панина выглядит более подвижным, композиция строится на несколькими изогнутыми, сложно расположенными в пространстве линиями. В то время, как портрет В.Васильева выглядит более статичным и уравновешенным, больше напоминает монументальную мозаику, предназначенную для дальнего зрительского осмотра. Несомненно, фактурная разница в произведениях отчасти связана с выбором материала: более мягкий и податливый офорт и более жесткая линогравюра. Но и в офорте художник работает непривычно, используя драматический световой контраст, при том, что в линогравюре образ выглядит менее эмоционально насыщенным.

Рисунок 2 - Вагин А.Г. Над Обью. 1969. Бумага, линогравюра. Л: 62,4х89,5 см; И: 51,5х74,5. Собрание КГБУ «Государственный художественный музей Алтайского края» (г. Барнаул)

Эволюцию художественного языка в этот период совершает и его соратник по творчеству, В.П. Туманов. Она заметна при сравнении двух работ на тему профессиональной деятельности врачей, которая интересует художника в тот период: «Медсестра» (Рис. 3) и «Первая операция» из серии «Будни хирургов» (Рис. 4). Так же, как и в предыдущем сравнении, это тоже работы, выполненные в техниках линогравюры и офорта, что, несомненно играет определенную роль при создании художественного образа. И тем не менее, сам отказ от жесткости одной технике в пользу другой может говорить о художественной смене ориентиров. В работе 1964 года перед нами образ, более связанный языком с традициями «сурового стиля»: обобщенная трактовка, сдержанность композиционных и художественных приемов, характер самого образа. В офорте мы видим более плавную работу художника со штрихом и линией, передающей тонкую, изящную трактовку абриса модели. Здесь уже художник оставляет больше пустого, чистого пространства, не только символически передавая образ чистоты операционной, но композиционно облегчая образ, отстраняясь от несколько перегруженности пространства и стилистики работ прошлых лет.

В этот период на Алтае работает художник, в чьем творчестве в 1960-е годы и вовсе не нашла отражение популярная эстетика «сурового стиля». Алексей Александрович Югаткин

(1926-2001) – выпускник Ярославского художественного училища приехал на Алтай в 1954 году. О.В. Сидорова отмечает, что этот автор пришел в художественное пространство Алтая «со своим видением, своими знаниями, своей ментальностью, во многом видел и воспринимал алтайскую природу глазами художника среднерусской полосы» (Сидорова, 2021, с. 55).

Согласно исследованию проявления на Алтае русской пейзажной художественной традиции Л.И. Нехвядович, работы А.А. Югаткина можно типологически отнести к лирической линии: «лиричны виды русской деревни, засыпанных снегом тропинок, лесных опушек, небольших водоемов; солнечное утро или полдень, переходные состояния природы передают ощущение умиления и спокойствия» (Нехвядович, 2010, с. 143). Схожий с описанным исследователем образ мы можем увидеть в пейзаже А.А. Югаткина «Стога» (1961), изображающем камерный мотив заснеженных, обнесенных заборов стогов сена.

Рисунок 3 - Туманов В.П. Медсестра. 1964. Бумага, линогравюра. И: 48,5х55,0; Л: 56,0х72,2. Собрание ГБУК «Иркутский областной художественный музей им. В.П. Сукачева»

Наиболее заметными эти изменения выглядят в творчестве молодых на то время авторов. В работе «Внучка» (Рис. 5) Татьяны Викторовны Ашкинази (род. 1947) мы видим сидящую на кровати девушку в окружении интерьера бабушкиного дома. Это карандашный рисунок, в котором мягкая, трепетная фактура штриха определяет особенности художественно-пластического языка. Загадочности образу придают игра художника с пространством: словно оживающий олень на ковре на стене, динамично развернутые линии кровати, стены, окна. Представить себе такой зыбкий, подвижный, ускользающий от внимания зрителей образ невозможно в 1960-е годы, как и перенести туда эту героиню, погруженную в мысли, мечты или воспоминания и находящуюся вне времени и вне пространства. Композиция, штрих, рисунок, фактура, все в пространстве художественного языка картины выглядит нестабильным и трепетным.

Рисунок 4 - Туманов В.П. Первая операция. Из серии «Будни хирургов». 1967. Бумага, офорт, сухая игла. Собрание КГБУ «Государственный художественный музей Алтайского края» (г. Барнаул)

Рисунок 5 - Ашкинази Т.В. Внучка. Из серии «Деревня моего детства». 1977. Бумага, карандаш графитный. 60,0х80,0. Собрание ГАУК НСО «Новосибирский государственный художественный музей»

В этой работе выразились те художественные тенденции, которые Ю.Я. Герчук 1971 году назвал «тихой графикой» и выразил в словах о «стремлении художников к созданию аналитических, самоуглубленных, требующих от зрителя не «прочтения», а вживания и

сопереживания» (Герчук, 1971, с. 13). Немного позже об этом же написала А.А. Агамирова: «художники вновь открыли силу и прелесть рисунка, его пластические выразительные возможности в непосредственной передаче впечатлений окружающего мира. Рисунок оказался формой, наиболее полно отвечающей задачам сегодняшнего искусства графики» [Агамирова, 1981, с. 20].

Некоторые особенности пластических характеристик, определенных исследователями графики позднесоветского периода можно увидеть в произведениях алтайского графика Юрия Егоровича Бралгина (род. 1939): «Вещи негромкого голоса, часто маленького размера и к тому же неброские по технике (…). Они не притягивают внимания издали, да и вблизи не защищены как будто от давления более эффектных соседей. Раскрываясь не каждому, они ждут внимательного зрителя, готового и способного преодолеть неблагоприятную для них обстановку, остановиться, вглядеться, вдуматься» (Герчук, 1971, с. 10). Одна из первых работ автора в технике литографии «Бой сарлыков» (Рис. 6). Ее художественный язык по своей мягкости и живописности близок карандашному рисунку. Художник максимально использует художественные возможности слегка подкрашенного охристого фона, оставляя большие нетронутые или слегка обозначенные поля. Сам же рисунок дан мелким редким штрихом, фигуры людей и животных трактуются по больше части абрисом. Замкнутая композиция, избранная автором, смещает акцент с масштабности и динамичности события, придавая изображению интимность и камерность. Живописность, характерная для этой и других литографий автора может иметь истоки в его художественном образовании как живописца в Дальневосточном институте искусств (1967).

Рисунок 6 - Бралгин Ю.Е. Бой сарлыков. 1977.
Бумага, литография. 32,8х38,1; 48,0х61,9. Собрание ГБУ ГМХК
«Национальный художественный музей Республики Саха (Якутия)»

Работа «На балконе» (1978) Галины Афанасьевны Удаловой Удаловой (1937-2004), выпускницы Ивановского художественного училища, созданная в технике акварели с пастелью,

отличается тонкой цветовой передачей света и воздуха, благодаря чему создается ощущение легкости и прозрачности. Художница мастерски передает игру теней и бликов, подчеркивая объем и глубину пространства. Выбор замкнутой композиции делает незамысловатую сцену интерьера балкона особенно спокойным и гармоничным. Работа отсылает к импрессионистическим художественным поискам русских художников рубежа веков.

Другой выпускник Ивановского художественного училища Геннадий Федорович Бурков (

Рисунок 7 - Потапов А.Н. Жаворонки. 1978.
Бумага, литография. Л:78,8х62,0; И: 55,0х41,2. Собрание КГБУ «Государственный художественный музей Алтайского края» (г. Барнаул)

1936-2016), супруг и творческий союзник Г.А. Удаловой, в 1979 году создает в офорте графическую серию, посвященную строительству Коксохимического завода в г. Заринске Алтайского края. Стилистический анализ одной из работ серии, «Коксохим строится» демонстрирует ясную смену общего художественного вектора. Несмотря на обилие деталей в картине, масштабных колонн, балок, могучих стен строящихся корпусов завода, а также строительных лесов, кранов и другой техники, работа не выглядит перегруженной. Язык офорта художником выбран мягкий, изображение строится плавными тональными переходами оттенков серого, редко уходящий в чисто белый и черный цвета. Пластика образа передана мелким штрихом, без использования жестких строгих линий или крупных пространственных пятен. Изобразительный язык картины предельно далек от «сурового стиля» и максимально

приближен к эстетике и форме к «тихой графике» и созвучен актуальным стилистическим тенденциям 1970-х годов.

Пластически и тематически работе Г.Ф. Буркова близка литография выпускника Иркутского художественного училища (1967) Александра Никитовича Потапова (род. 1940) «Жаворонки» (Рис. 7). На ней изображены рабочие, строители, которые в минуту отдыха лежат на траве, смотрят на небо и наблюдают за полетом жаворонков. Стилистически данная работа близка описанному выше офорты: сама ткань работы решена мелким штрихом, схожим с карандашным рисунком. В работе нет крупных цветовых и белых полей, жестких, острых линий и контуров, она почти полностью заполнена мягкими штрихами, отчего создается трепетный, чувственно наполненный образ. Композиция картины статична, спокойна, в нет также не использовано резких динамичных линий и контрастов масштабов, все гармонично и уравновешено друг другу.

В пластическом языке алтайской графики ощущается большая свобода, авторское индивидуальное решение, энергия внутреннего голоса. Одним из ярких представителей свободного рисунка на Алтае являлся Владимир Федорович Рублев (1937-1994) и ученики его студии рисунка, которая была «объединением единомышленником, центром неформального искусства» (Сидорова, 2017, с. 31). В творчестве самого В.Ф. Рублева, например, в его быстром рисунке «Мужской портрет» (1974) выражены лаконичность и выразительность линии, умение передать внутренний мир персонажа всего несколькими штрихами. По образованию скульптор, выпускник Харьковского института искусств, он очень точно линиями строит общую форму фигуры, при этом обращая внимание и на детали6 мимику героя, торчащие из-под шапки-ушанки редкие волосы, пуговки на его фуфайке. Художник использует и пятно с мягкими растушевками, для передачи объема фигуры.

Для анализа художественного языка произведений станковой графики Алтая 1980-х годов, обратимся к ряду авторов, активно работающих в то время, а именно к произведениям Ю.Б. Кабанова, Ю.Е. Бралгина, Г.Ф. Буркова и Г.А. Удаловой, З.М. Ибрагимова, Л.Н. Пастушковой. В этот период продолжают работать и другие авторы, такие как Ф.А. Филонов, А.А. Югаткин, А.Г. Вагин, но язык их графики существенно не изменился в этот период.

Трансформация, произошедшая в художественном языке Ю.Б. Кабанова заметна в гравюре «В степи», для которой художник выбирает панорамную композицию. Разработки подобных типов пространственного построения художник начал еще в конце 1970-х, например, в автолитографии «Сростки. Чуйский тракт» из серии «На родине Шукшина» (1979). Позже эта работа станет основой для создании одноименной офортной серии, в которой главным пластическим ходом станет работа с большими панорамными видами окрестностей родины В.М. Шукшина. В работе «В степи» помимо выбора предельно открытой композиции интересно и художественное решение, в котором заполненное стадом поле визуально рифмуется заполненным кучевыми, причудливо закрученными облаками. Художник выбирает предельно мелкий штрих и крайне внимателен к деталям, открывая все возможности для достоверной, реалистической трактовки сюжетного мотива.

Ряд графических работ Юрия Егоровича Бралгина, созданных во второй половине 1980-х созданы в иной стилистике, с оглядкой на традиции декоративно-прикладного искусства коренного народа Алтая, а именно орнамента. Яркий пример этому, литография «Свадьба» (1987), главной особенностью которой можно назвать построенное автором композиционное пространство, напоминающее вышитый ковер. Основным средством выразительности в картине является линия, ее толщина практически не меняется на первом, втором и дальнем плане, что добавляет изображению условности. При этом, при всей условности изобразительного языка,

реалистический характер изображения в работе сохраняется, пространство и расположенные в нем предметы выглядят убедительными.

В 1980-е годы в графике продолжают ярко звучать имена художников Г.Ф. Буркова и Г.А. Удаловой. Их совместную графическую работу «Старый дом на улице Пароходной» (Рис. 8), как и другие автолитографии тех лет по характеру художественно-пластических решений можно отнести к «тихой графике». Работа наполнена небольшими деталями, призванным к долгому рассматриванию зрителем, позволяющим медленно погружаться в пространство ее повествования. Но здесь, в отличии от работ 1970-х еще происходит еще большее растворение самой художественной ткани: изображение выглядит почти прозрачным, призрачным. Несомненно, выбор такого изобразительного решения способствует раскрытию выбранной авторами темы: связь прошлого и настоящего, осмысление хода времени.

Рисунок 8 - Бурков Г.Ф., Удалова Г.А. Старый дом на улице Пароходной. 1984. Бумага, автолитография. И: 35,5х49; Л: 46,6х59,8. Собрание КГБУ «Государственный художественный музей Алтайского края» (г. Барнаул)

Ностальгическим можно назвать и образ, созданный художницей Т.В. Ашкинази в карандашном рисунке «К вечеру» из серии «Идиллия» (1988). Именно для создания такого эффекта «погружения в прошлое», она выбирает желтовато-охристую бумагу. Между этой и описанной выше работой есть ряд визуальных перекличек: старое деревянное строение, уходящая женщина с ведром, домашний скот. Это не случайные образы, они взяты из реальной жизни, но именно в 1980-е они так плотно интересуют художников. Автор работает карандашом, лепя пластическую форму мелким, отрывистым штрихом. В работе почти нет световых контрастов или драматических композиционных ходов.

Тема деревни интересует в это время и художницу Ларису Николаевну Пастушкову (род. 1947). В работе «Осень в Иогаче» (Рис. 9) она использует схожий с картиной «Свадьба» Ю.Е. Бралгина композиционный прием взгляда птичьего полета и смотрит на происходящее словно бы сверху, находясь высоко над поверхностью земли. Но здесь автор работает уже не линией, а цветным пятном, поэтому работа отчасти напоминает декоративное лоскутное одеяло. Несомненно, передавая реалистический пейзаж, Л.Н. Пастушкова, одновременно, создает сложносочиненное, мозаичное пространство.

Рисунок 9 - Пастушкова Л.Н. Осень в Иогаче. 1986. Бумага, темпера, пастель. 50,8х55,2. Собрание КГБУ «Государственный художественный музей Алтайского края» (г. Барнаул)

Заключение

Стилистический анализ некоторых произведений алтайских авторов, в 1960-1980-е годы работавших в станковой графике, показал, что на протяжении этих трех десятилетий произошли закономерные изменения художественного языка.

В станковой графике 1960-х годов на Алтае проявилось ряд особенностей художественного языка, а именно: влияние стилистики «сурового стиля» на композиционное, колористическое содержание работ, а также на технические художественные решения в виде приоритета в работе с цельным, локальным цветовым пятном в угоду линии; совмещение и последующее преодоление некоторых пластических решений «сурового стиля» посредством интеграции собственных оригинальных творческих методов и создание уникальных авторских образов, обогащающих традиционные подходы новыми смысловыми и художественными коннотациями; выражение в художественном языке графики предшествующих традиций русского лирического и эпического пейзажа путём переосмысления и адаптации классических композиционно-изобразительных моделей, унаследованных от отечественной пейзажной школы XIX–начала XX веков, в контексте современных концептуальных и стилистических тенденций.

Среди особенностей художественного языка алтайской станковой графики можно отметить то, что на него оказывало влияние сменяющая в советском искусстве стилистика так называемой

«тихой графики», с характерными для нее смешении акцентов на камерные композиции, мягкий тональный колорит, работа мелким штрихом.

Художественный язык алтайской станковой графики 1980-х, одновременно, претерпевает некоторые изменения, связаны с усилением символико-декоративного, условного начала и отказом от предельно реалистической передаче пространства, стилизации линий и форм, экспериментов с декоративным видением композиций. Также в станковой графике продолжаются ранее начатые направления развития стилистики «тихой графики», связанной с работой мелким графическим штрихом, мягкой трактовкой силуэтов и форм, спокойных, уравновешенный композиций с обилием деталей.

Библиография

1. Агамирова, А.А. Советский станковый рисунок : первая всесоюз. выставка / А. А. Агамирова, Р. А. Глуховская. - Москва : Совет. художник, 1981.
2. Герчук Ю. Я. К определению понятия «Графическое искусство» (введение в книгу «Парадоксы графики») // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. №18. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-ponyatiya-graficheskoe-iskusstvo-vvedenie-v-knigu-paradoksy-grafiki
3. Герчук Ю.Я. Тихая графика // Творчество. 1971. № 1.
4. Иньшаков А.Н. Предисловие // Позднесоветское искусство России : проблемы художественного творчества. - Москва : БукМАрт, 2018.
5. Каменский А.А. Романтический монтаж : научное издание. - Москва : Совет. художник, 1989.
6. Лихацкая, Л.Н. 80 лет со дня рождения художника Ф. А. Филонова. / Л. Н. Лихацкая // Страницы истории Алтая 1999 г. : календарь памятных дат. - Барнаул : АКУНБ им. В. Я. Шишкова, 1999.
7. Лихацкая Л.Н. Тема Горного Алтая в творчестве алтайского графика и живописца Юрия Егоровича Бралгина // Реклама и международные коммуникации: история и современность: Сб. материалов международ. Научно-практ. Конф. – Барнаул, 2010.
8. Лихацкая Л.Н. О творческом методе художника Татьяны Ашкинази // Седьмые искусствоведческие Снитковские чтения: Сборник материалов XV всероссийской научно- практической конференции. – Барнаул: Алтайский дом печати, 2018.
9. Ломанова Т.М. Сибирь в графике красноярского художника Р. К. Руйги история // Известия АлтГУ. 2006. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sibir-v-grafike-krasnoyarskogo-hudozhnika-r-k-ruygi-istoriya
10. Машанов А.Н., Прошкина О.А. Дом творчества «Челюскинская». Реальность и возможные перспективы развития // Искусство Евразии. 2019. №1 (12). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dom-tvorchestva-chelyuskinskaya-realnost-i-vozmozhnye-perspektivy-razvitiya
11. Муратов П.Д. Вступительная статья // Пятая зональная художественная выставка «Сибирь социалистическая» : каталог / «Сибирь социалистическая», зональная художественная выставка. - Барнаул, 1980.
12. Муратов П.Д. Вступительная статья // Четвертая зональная художественная выставка «Сибирь социалистическая» : каталог. - Новосибирск, 1975.
13. Нехвядович Л.И. Национальная специфика русской пейзажной традиции как проблема современного этноискусствознания // Известия АлтГУ. 2010. №1-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-spetsifika-russkoy-peyzazhnoy-traditsii-kak-problema-sovremennogo-etnoiskusstvoznaniya
14. Нехвядович Л. И. Факторы формирования стилистических особенностей пейзажной живописи Алтая второй половины XX века // МНКО. 2012. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-formirovaniya-stilisticheskih-osobennostey-peyzazhnoy-zhivopisi-altaya-vtoroy-poloviny-xx-veka
15. Сидорова О.В. Классики алтайской графики в собрании Государственного художественного музея Алтайского края (Барнаул, Россия) // Учёные записки (АГАКИ). 2021. №3 (29). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klassiki-altayskoy-grafiki-v-sobranii-gosudarstvennogo-hudozhestvennogo-muzeya-altayskogo-kraya-barnaul-rossiya
16. Сидорова О.В. «Черно-белое и цветное». Заметки с персональной выставки Татьяны Ашкинази // Искусство Евразии. 2017. №3 (6). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/cherno-beloe-i-tsvetnoe-zametki-s-personalnoy-vystavki-tatyany-ashkinazi
17. Степанская Т.М. Очерки истории искусства Алтая. Барнаул, 2009.
18. Флорковская А.К. Официальная и неофициальная версии искусства позднесоветского времени: живописцы поколения семидесятников // Манускрипт. 2017. №5 (79). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ofitsialnaya-i-neofitsialnaya-versii-iskusstva-pozdnesovetskogo-vremeni-zhivopistsy-pokoleniya-semidesyatnikov
19. Царёва, Н.С. Федор Андреевич Филонов. "Мой край - бескрайний и красивый" / Н. С. Царёва // Палитра, опаленная войной: научная монография. - Москва, 2020. - С. 394-405.

Features of the Artistic Language of Altai Easel Graphics from the 1960s to 1980s

Viktoriya I. Krylova

Postgraduate Student, Department of Arts,
Institute of Humanities,
Altai State University,
656049, 61, Lenin ave., Barnaul, Russian Federation;
e-mail: kryllova.v@gmail.com

Abstract

This article aims to study the changes and development of expressive means, style, and artistic techniques in Altai easel graphics from the 1960s to 1980s. The purpose of this study is to identify the key features of the artistic language of easel graphics and determine the main patterns of change over this period. The scientific novelty of this study lies in the fact that for the first time in modern art history, it reconstructs a comprehensive historical panorama of the formation and development of the artistic and sculptural qualities of Altai easel graphics in the late Soviet period, systematically identifying key stages of its evolution and revealing the main characteristics of each stage. The study revealed that 1) the artistic language of Altai easel graphics of the 1960s developed under the influence of trends in Soviet fine art in general, local artistic centers of professional art education in the USSR, as well as local visual traditions and the characteristics of regional culture and nature; 2) the artistic language of Altai graphics from the 1960s to 1980s developed consistently, with the leading expressive means used by artists changing gradually: from spot to line, from simple compositions to complex ones, from dramatic contrasts of space and color to soft tonal transitions and decorative and symbolic reference points.

For citation

Krylova V.I. (2025) Osobennosti khudozhestvennogo yazyka stankovoi grafiki Altaya 1960-1980-kh godov [Features of the Artistic Language of Altai Easel Graphics from the 1960s to 1980s]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (8A), pp. 99-114. DOI: 10.34670/AR.2025.34.75.011

Keywords

Altai easel graphics, late Soviet art, artistic language.

References

1. Agamirova, A.A. Soviet easel drawing : the first All-Union. exhibition / A. A. Agamirova, R. A. Glukhovskaya. - Moscow: The Council. the artist, 1981.
2. Gerchuk Yu. Ya. On the definition of the concept of "Graphic art" (introduction to the book "Paradoxes of graphics") // Problems of history, philology, culture. 2007. №18. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-ponyatiya-graficheskoe-iskusstvo-vvedenie-v-knigu-paradoksy-grafiki
3. Gerchuk Yu.Ya. Quiet graphics // Creativity. 1971. № 1.
4. Inshakov A.N. Preface // Late Soviet art of Russia : problems of artistic creation. Moscow: Bookmart, 2018.
5. Kamensky A.A. Romantic montage : scientific edition. - Moscow: The Council. the artist, 1989.

6. Likhatskaya, L.N. 80 years since the birth of the artist F. A. Filonov. / L. N. Likhatskaya // Pages of Altai history in 1999: calendar of memorable dates. Barnaul : AKUNB named after V. Ya. Shishkov, 1999.
7. Likhatskaya L.N. The theme of the Altai Mountains in the work of the Altai graphic artist and painter Yuri Egorovich Bralgin // Advertising and international communications: history and modernity: Collection of materials of the international Scientific and practical Conference – Barnaul, 2010.
8. Likhatskaya L.N. On the creative method of the artist Tat'yana Ashkinazi // Seventh art history Snitkov readings: Collection of materials of the XV All-Russian scientific and practical conference. Barnaul: Altai House of Printing, 2018.
9. Lomanova T.M. Siberia in the graphics of the Krasnoyarsk artist R. K. Ruigi history // News of AltSU. 2006. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sibir-v-grafike-krasnoyarskogo-hudozhnika-r-k-ruygi-istoriya
10. Mashanov A.N., Proshkina O.A. Chelyuskinskaya House of Creativity. Reality and possible development prospects // Art of Eurasia. 2019. №1 (12). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dom-tvorchestva-chelyuskinskaya-realnost-i-vozmozhnye-perspektivy-razvitiya
11. Muratov P.D. Introductory article // The fifth zonal art exhibition "Siberia Socialist" : catalog / "Siberia socialist", zonal art exhibition. Barnaul, 1980.
12. Muratov P.D. Introductory article // The fourth zonal art exhibition "Socialist Siberia" : catalog. Novosibirsk, 1975.
13. Nekhvyadovich L.I. National specificity of the Russian landscape tradition as a problem of modern ethnography // News of AltSU. 2010. №1-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-spetsifika-russkoy-peyzazhnoy-traditsii-kak-problema-sovremennogo-etnoiskusstvoznaniya
14. Nekhvyadovich L. I. Factors of formation of stylistic features of landscape painting of Altai of the second half of the XX century // MNKO. 2012. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-formirovaniya-stilisticheskih-osobennostey-peyzazhnoy-zhivopisi-altaya-vtoroy-poloviny-xx-veka
15. Sidorova O.V. Classics of Altai graphics in the collection of the State Art Museum of the Altai Territory (Barnaul, Russia) // Scientific notes (AGAKI). 2021. №3 (29). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klassiki-altayskoy-grafiki-v-sobranii-gosudarstvennogo-hudozhestvennogo-muzeya-altayskogo-kraya-barnaul-rossiya
16. Sidorova O.V. "Black and white and color". Notes from Tat'yana Ashkinazi's personal exhibition // Art of Eurasia. 2017. №3 (6). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/cherno-beloe-i-tsvetnoe-zametki-s-personalnoy-vystavki-tatyany-ashkinazi
17. Stepanskaya T.M. Essays on the history of Altai art. Barnaul, 2009.
18. Florkovskaya A.K. Official and unofficial versions of late Soviet art: painters of the Seventies generation // Manuscript. 2017. №5 (79). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ofitsialnaya-i-neofitsialnaya-versii-iskusstva-pozdnesovetskogo-vremeni-zhivopistsy-pokoleniya-semidesyatnikov
19. Tsareva, N.S. Fedor Andreevich Filonov. "My land is boundless and beautiful" / N. S. Tsareva // A palette scorched by war : a scientific monograph. - Moscow, 2020. - pp. 394-405.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 008 **DOI: 10.34670/AR.2025.51.34.012**

Петербургская композиторская школа в XXI веке: традиции и инновации

Хайновская Татьяна Александровна

Кандидат искусствоведения,
доцент кафедры музыкально-инструментальной подготовки,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48;
e-mail: skspb@list.ru

Аннотация

Петербургская школа композиции на современном этапе являет собой феномен сколь яркий и масштабный, столь же и малоизученный. Колоссальный спектр художественных направлений, стилистических течений, профессиональных династий, а также творчество отдельных крупнейших представителей – все это составляет живой и непрерывно развивающийся организм, генерирующий как тенденции развития современной академической музыки, легких жанров и даже массового искусства, так и регулярно рождающий шедевры индивидуального композиторского творчества, становящиеся притягательными маяками музыкальной жизни города на Неве на многие десятилетия. В задачу данной статьи, в силу ее жанра и объема, не входит подробная аналитическая характеристика многочисленных векторов развития современной академической петербургской музыки. Автор сочтет свою миссию выполненной, если ему удастся создать общий контурный «портрет» композиторской школы Петербурга XXI столетия и кратко представить ее наиболее заметные стилистические тенденции развития. Многочисленные лакуны практически неисследованных областей этой благодатной темы еще ждут своих пытливыхи усердных исследователей. «Автор надеется, что наши уважаемые музыковеды, а также их ученики – студенты и аспиранты обратятся к этим крупным именам, напишут статьи, дипломные работы, диссертации, по-настоящему обстоятельно и научно раскроют их значение, проанализируют их работу», – эти слова великого Сергея Слонимского, сказанные в поддержку изучения творческого наследия своих старших коллег и ровесников – композиторов XX-XXI столетия, подчеркивают несомненную актуальность вопроса изучения и всестороннего осмысления наследия петербургской музыки этого периода.

Для цитирования в научных исследованиях

Хайновская Т.А. Петербургская композиторская школа в XXI веке: традиции и инновации // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 8А. С. 115-120. DOI: 10.34670/AR.2025.51.34.012

Ключевые слова

Петербургская композиторская школа, современный музыкальный язык, художественные направления, педагогика композиции, стилистические течения, профессиональные композиторские династии.

Введение

Феномен Петербургской композиторской школы, от истоков этого явления в XIX веке и до наших дней, демонстрирует несомненную значимость, влиятельность и, что немаловажно, – востребованность как в российском, так и в мировом музыкальном пространстве. «У истоков этой школы стоял, несомненно, Михаил Глинка. К середине XIX века Глинка мощным рывком продвинул русскую национальную музыку вперед, как Пушкин несколькими десятилетиями ранее сделал это с литературой» [Волков, www].

Основное содержание

Фундаментальные академические традиции, заложенные М.И. Глинкой, композиторами «Могучей кучки», «Беляевского кружка» и далее А. Лядовым и А. Глазуновым, богатое музыкальное наследие России, бесценный русский фольклор, выдающиеся имена авторов, творивших в на берегах Невы стали глубокой и содержательной опорой дальнейшего развития петербургского композиторского творчества, сформировали основополагающие принципы, которые и по сей день остаются в основе высокого профессионализма и прекрасной выучки, которой отличаются представители петербургской школы композиции, в каком бы направлении и стиле они не работали – от академизма до авангарда, от тенденций претворения фольклора до компьютерной музыки. «Крупнейшие представители национальной композиторской школы: Д. Бортнянский и М. Березовский, М. Глинка и А. Даргомыжский, А. Бородин и М. Мусоргский, П. Чайковский и Н. Римский-Корсаов, И. Стравинский и С. Прокофьев, Д. Шостакович своей жизнью были связаны с Петербургом» [Самсонова, 2013, с. 8].

И, разумеется, одним из ключевых «родовых» признаков этой школы «является стремление к индивидуальности и оригинальности в музыкальном творчестве» [ЗетаХак, www].

При этом именно на основе глубокого и всестороннего изучения классических образцов музыкального искусства, от произведений старинных мастеров до творчества выдающихся композиторов XX века – С.С. Прокофьева, Д.Д. Шостаковича, И.Ф. Стравинского, а также наиболее заметных представителей западного музыкального искусства и по сей день выстроена в Петербурге вся система обучения, воспитания и всесторонней профессиональной подготовки композиторов, которые, даже избрав после окончания обучения «внеклассические» пути развития своего творчества, всегда отличаются высокопрофессиональной подготовкой и обширными музыкальными знаниями.

«…Соображения о свободе, индивидуальном разнообразии гармонических средств в творчестве мастеров и в высшем курсе гармонии отнюдь не отменяют, а предполагают первоначальную школьную учебу, кропотливое штудирование лучших учебников гармонии, практические задания по освоению традиционной гармонии, анализ классических образцов. <…> Отменять знание накопленных приемов, облегчать себе работу, под видом свободы творчества практиковать невежественный дилетантизм и нигилистическую неграмотность – еще более старо и "традиционно", чем требовать строгого соблюдения старинных правил и обычаев» [Слонимский, 2017, с. 12].

Все же большинство композиторов, выпускающихся из своей Alma mater – Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова, являют собой творцов, «наследующих и развивающих великие традиции существенного пласта отечественной

и <…> исконно петербургской музыкальной культуры» [Хайновская, с. 112].

Что же касается стилевых направлений и течений, в рамках которых творили и продолжают творить представители всех поколений современной петербургской школы композиции – современность в данном ракурсе будем трактовать достаточно широко – как период второй половины XX – первой четверти XXI столетий – то здесь мы обнаружим максимально разнообразную и содержательную палитру [Союз композиторов Санкт-Петербурга, www]. Помимо следования классическим традициям, в профессиональном стилевом багаже петербургских авторов мы обнаружим тенденции необарокко, неоромантизма, обращения к богатейшим фольклорным образцам, использование широкого спектра сюжетов – от исторических национальных эпосов до фантастических и сказочных сюжетов и, конечно же, всего спектра стилистических поисков и находок искусства композиции XX века – от додекафонии, алеаторики, минимализма и сонористики до использования многообразных возможностей компьютерной музыки и искусственного интеллекта.

Вот что пишет об этом выдающий композитор Сергей Слонимский, будучи при этом блистательным музыковедом, глубоким и тонким аналитиком в области музыкального искусства, в том числе современного: «Если в начале XX века атрибутом новизны была новая гармония, то ныне сферой новаторства и даже его мерилом стало расширенное Инструментоведение. По сути это обновленное возрождение в новом качестве древнейшего свойства музыки – Тембра, вооруженного до зубов новейшей технологией, инструментальной и компьютерной. Новый Тембровый мир выступает как самоценное явление вкупе с ритмом, динамикой и временно́й шкалой» [Слонимский, 2019, с. 7].

Что касается конкретных имен представителей петербургского цеха композиторов, живших и творивших в XX – XXI столетиях, то, ссылаясь на именной ряд, выстроенный С.М. Слонимским в его труде, посвященном как раз композиторским школам Петербурга [Слонимский, 2012], с благодарностью и восхищением назовем М.О. Штейберга, М.Ф. Гнесина, М.М. Чернова, В.П. Калафати, С. Ф. Вольфензона, Ф.А. Рубцова, И.Б. Финкельштейна, В.В. Щербачева, П.Б. Рязанова, Ю.Н. Тюлина, Х.С. Кушнарева, И.Я. Пустыльника, Т.Г. Тер-Мартиросяна, М.И. Чулаки, Б.А. Арапова, Ю.А. Балкашина, А.А. Чернова, Ю.В. Кочурова, В.В. Пушкова, О.А. Евлахова, В.Н. Салманова, О.С. Чишко, В.В. Волошинова, Л.А. Пригожина, В.А. Успенского, Ю.А. Фалика, Б.И. Тищенко. И, разумеется, в этом ряду выдающихся имен назовем и самого С.М. Слонимского.

Многие из Мастеров, чьи имена мы назвали, за свою жизнь воспитали целые плеяды учеников, в том числе «внучатых», которые в настоящее время активно работают и исполняются как в Петербурге, так и за его пределами, прославляя и поддерживая своим творчеством высокое реноме этого ярчайшего явления музыкальной культуры современности.

Благодатная тема всестороннего изучения профессиональных композиторских династий города на Неве может и должна стать предметом не только аналитических статей, но и фундаментальных музыковедческих работ. В этом ракурсе нельзя не отметить благодатную инициативу Санкт-Петербургской государственной консерватории, которая уже много лет проводит цикл концертов и встреч, посвященных представителям композиторской школы Петербурга и композиторских педагогических династий, иные из которых насчитывают до пяти-шести поколений [СПбГК им. Н.А. Римского-Корсакова, www].

В данной статье хотелось бы буквально «пунктиром» отметить профессиональные композиторские династии, сложившиеся за несколько десятилетий в музыкальной культуре

Петербурга.

Разумеется, одной из крупнейших композиторских и педагогических школ стала школа Д.Д. Шостаковича, воспитавшего ярких и высокопрофессиональных мастеров, во многом определивших художественное «лицо» своей и последующих эпох. Разумеется, в первом ряду учеников Дмитрия Дмитриевича назовем имя народного артиста России, профессора, кавалера Ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени, лауреата премии Правительства Российской Федерации в области культуры Бориса Ивановича Тищенко. Среди его учеников – известные и именитые авторы – Виктор Плешак, Леонид Резетдинов, Михаил Журавлев, Светлана Нестерова, Вячеслав Круглик, Наталья Волкова и многие другие, значительная часть которых продолжает эту педагогическую династию обучая молодых авторов в различных музыкальных учебных заведениях.

Народный артист России, профессор, лауреат Государственной премии РСФСР имени Глинки и Государственной премии Российской Федерации, композитор, композитор, пианист, музыковед, уже неоднократно и с благодарностью упоминаемый на страницах этой статьи Сергей Михайлович Слонимский, будучи в разные периоды своего обучения музыке учеником В.Я. Шебалина, С.Я. Вольфензона, Б.А. Арапова и О.А. Евлахова, в свою очередь за годы своей педагогической деятельности воспитал немало известных творцов, в ряду которых – Владимир Мигуля, Владимир Сапожников, Антон Танонов, Владислава Малаховская, Елена Иготти.

В плеяде авторов, определяющих направления развития петербургской и российской музыкальной культуры, так же как и вышеназванных, назовем ученика заслуженного деятеля искусств России, композитора, профессора Александра Дерениковича Мнацаканяна (в свою очередь ученика О.А. Евлахова и Д.Д. Шостаковича), композитора и пианиста Николая Мажару; ученика народного артиста России, композитора, дирижера, виолончелиста, профессора Юрия Александровича Фалика – композитора Евгения Петрова.

Заключение

Подводя итог краткой характеристике феномена петербургской школы композиции, скажем о том, что в целом творчество ее представителей объединяют универсализм авторского мышления, широкий спектр избираемой тематики произведений – так же как и широчайшая жанровая палитра [Дегтярёва, Брагинская, 2013], огромный арсенал средств музыкальной выразительности, стилистических устремлений и, несомненно, в своей основе – высочайшее профессиональное мастерство, во многом определяющее художественную ценность их произведений.

Библиография

1. Слонимский С.М. Заметки о композиторских школах Петербурга XX века / С.М. Слонимский. СПб.: Композитор • Санкт-Петербург, 2012. – 84 с.
2. Волков С. Достижение Римского-Корсакова, создание авторитетной школы композиции // Петербург – судьба и миф, История культуры Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.peterlife.ru/travel/saint-petersburg/265390.html (дата обращения 10.09.2025).
3. Самсонова Т. П. Музыкальная культура Санкт-Петербурга XVIII–XX веков: Учебное пособие / Самсонова Т. П. – Санкт-Петербург: Издательство «Лань»; Издательство «Планета музыки», 2013. – 144 с.
4. Принципы петербургской композиторской школы // ЗетаХак. Блог о технологиях [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://zoocentr-sirius.ru/printsipy-peterburgskoy-kompozitorskoy-shkoly/ (дата обращения 01.09.2025).
5. Слонимский С.М. Мысли о композиторском ремесле / С.М. Слонимский. – СПб.: Композитор • Санкт-Петербург,

2017. – 24 с.
6. Хайновская Т.А.
7. Союз композиторов Санкт-Петербурга: официальный сайт. Режим доступа: https://composers-spb.ru/news/11-fevralya-tvorcheskiy-vecher-sergeya-smolyaninova/ (дата обращения: 15.08.2025).
8. Слонимский С.М. Раздумья о третьем авангарде и путях современной музыки: заметки композитора / С.М. Слонимский. – СПб.: Композитор • Санкт-Петербург, 2019. – 16 с.
9. Петербургская композиторская школа. Учителя и ученики. Цикл встреч-концертов Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова // Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова. Официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.conservatory.ru/search/node?keys=%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%20%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B8 (дата обращения 11.09.2025).
10. Санкт-Петербургская консерватория в мировом музыкальном пространстве: композиторские, исполнительские, научные школы. 1862–2012: сб. ст. по материалам междунар. симпозиума, посвящ. 150-летию консерватории (20–22 сент. 2012 года) / ред.-сост.: Н. И. Дегтярёва (отв. ред.), Н. А. Брагинская; СПбГК им. Н. А. Римского-Корсакова. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. – 467 с.

The St. Petersburg Composer School in the 21st Century: Traditions and Innovations

Tat'yana A. Khainovskaya

PhD in Art History,
Associate Professor of the Department of Musical Instrumental Training,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
191186, 48 Moika River Embankment, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: skspb@list.ru

Abstract

The St. Petersburg composer school at the present stage is a phenomenon as bright and large-scale as it is understudied. The enormous spectrum of artistic movements, stylistic trends, professional dynasties, as well as the work of individual major representatives – all this constitutes a living and continuously developing organism that generates both trends in the development of modern academic music, light genres, and even mass art, and regularly gives rise to masterpieces of individual composer creativity that become attractive beacons of the musical life of the city on the Neva for many decades. The task of this article, due to its genre and volume, does not include a detailed analytical description of the numerous vectors of development of modern academic St. Petersburg music. The author will consider her mission accomplished if she manages to create a general outline "portrait" of the St. Petersburg composer school of the 21st century and briefly present its most noticeable stylistic development trends. Numerous lacunae of practically unexplored areas of this fruitful topic still await their inquisitive and diligent researchers. "The author hopes that our respected musicologists, as well as their students – undergraduates and postgraduates – will turn to these major names, write articles, theses, dissertations, truly thoroughly and scientifically reveal their significance, analyze their work," – these words of the great Sergei Slonimsky, said in support of the study of the creative heritage of his older colleagues and contemporaries – composers of the 20th-21st centuries – emphasize the undoubted relevance of the issue of studying and comprehensively comprehending the heritage of St. Petersburg music of this period.

For citation

Khainovskaya T.A. (2025) Peterburgskaya kompozitorskaya shkola v XXI veke: traditsii i innovatsii [The St. Petersburg Composer School in the 21st Century: Traditions and Innovations]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (8A), pp. 115-120. DOI: 10.34670/AR.2025.51.34.012

Keywords

Saint Petersburg composer school, contemporary musical language, artistic movements, composition pedagogy, stylistic trends, professional composer dynasties.

References

1. Slonimsky, S.M. Notes on the Composers' Schools of St. Petersburg in the 20th Century. Saint Petersburg, Composer, 2012, 84 p. (in Russian).
2. Volkov S. Rimsky-Korsakov's Achievement, the Creation of an Authoritative School of Composition. Petersburg - Fate and Myth, History of St. Petersburg Culture. Available at: http://www.peterlife.ru/travel/saint-petersburg/265390.html (дата обращения 10.09.2025). (in Russian).
3. Samsonova T.P. Musical Culture of St. Petersburg in the 18th–20th Centuries: A Study Guide. St. Petersburg: Lan Publishing House; Planet of Music Publishing House, 2013, 144 p. (in Russian).
4. Principles of the St. Petersburg School of Composition. ZetaHack. Blog about Technology. Available at: https://zoocentr-sirius.ru/printsipy-peterburgskoy-kompozitorskoy-shkoly/ (Accessed 01 September 2025) (in Russian).
5. Slonimsky, S.M. Thoughts on the Art of Composition. Saint Petersburg, Composer, 2017, 24 p. (in Russian).
6. Khainovskaya T.A. St. Petersburg Composers of the Present and the Future: Six Sketch Portraits. Saint Petersburg, Composer, 2012, 116 p. (in Russian).
7. St. Petersburg Union of Composers: official website. Available at: https://composers-spb.ru/news/11-fevralya-tvorcheskiy-vecher-sergeya-smolyaninova (Accessed 15 August 2025) (in Russian).
8. Slonimsky, S.M. Reflections on the Third Avant-Garde and the Paths of Contemporary Music: Notes by a Composer. Saint Petersburg, Composer, 2019, 16 p. (in Russian).
9. St. Petersburg School of Composition. Teachers and Students. Cycle of Concerts by the St. Petersburg State Rimsky-Korsakov Conservatory. St. Petersburg State Rimsky-Korsakov Conservatory. Official Website. Available at: https://www.conservatory.ru/search/node?keys=%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%20%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B8 (Accessed 11 September 2025). (in Russian).
10. St. Petersburg Conservatory in the World Music Space: Schools of Composition, Performance, and Research. 1862–2012: Collection of Articles Based on the Materials of the International Symposium Dedicated to the 150th Anniversary of the Conservatory (September 20–22, 2012). Edited by N. I. Degtyareva (Editor-in-Chief) and N. A. Braginskaya; St. Petersburg Conservatory named after N. A. Rimsky-Korsakov. – St. Petersburg: Publishing House of the Polytechnic University, 2013. – 467 p. (in Russian).

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 008 **DOI: 10.34670/AR.2025.10.33.013**

Композитор Светлана Нестерова: художественный мир и особенности индивидуального стиля

Ло Сы

Выпускница аспирантуры кафедры музыкального воспитания и образования,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48;
e-mail: luosixiaoluo@gmail.com

Аннотация

Современное композиторское искусство города на Неве представлено множеством ярких и значимых имен. В среде авторов среднего поколения одним из самых заметных явлений стало творчество Светланы Нестеровой, впитавшее в себя благотворные традиции петербургской академической музыки и развивающее их на новом этапе, привносящее в сферу современного музыкального искусства неповторимые ноты индивидуальной стилистики и образы авторского художественного мира. Плодотворно работающая практически во всех существующих жанрах современного академического творчества и отчасти легкой музыки, Светлана Нестерова практически с самого начала своего профессионального композиторского пути обрела собственный неповторимый и эффектный стиль и мастерские средства его выражения. Ныне Светлана Владимировна Нестерова – одна из ведущих представителей современной петербургской школы композиции, органично и высокопрофессионально синтезирующая в своем творчестве неповторимую индивидуальную манеру выражения и достижения в сфере мировой академической музыки и развития музыкального языка.

Для цитирования в научных исследованиях

Ло Сы. Композитор Светлана Нестерова: художественный мир и особенности индивидуального стиля // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 8А. С. 121-126. DOI: 10.34670/AR.2025.10.33.013

Ключевые слова

Петербургская композиторская школа, современный музыкальный язык, индивидуальный авторский стиль, музыкальные жанры, художественная стилистика.

Введение

Героиня данной статьи – талантливый российский композитор среднего поколения, яркий представитель крупнейшего, значимого, чрезвычайно содержательного и имеющего исключительно высокую художественную и профессиональную репутацию явления – петербургской композиторской школы. «Яркая оркестровка, сквозной симфонизм, личностное авторское начало, ведущая роль музыкального полотна, новые средства музыкальной выразительности дают основания считать <…> музыку петербургских композиторов начала XXI века выдающимся явлением современной музыкальной культуры» [Гао Шихао, 2023, с. 143].

Основная часть

Многообразие художественных поисков, разнонаправленность художественных и стилистических исканий, сокровища и находки композиторской мысли, каскад творческих идей и мастерская выучка, верность более чем трехвековым традициям, сложившимся в искусстве Петербурга и их трепетное и сохранное развитие, высокая востребованность в профессиональной исполнительской и широкой слушательской среде – все это современная петербургская композиторская школа – феномен, который, несмотря на увеличивающийся с каждым годом интерес исследователей, остается во многом «целинным», требующим комплексного искусствоведческого, культурологического, музыковедческого и исторического изучения явлением. Что касается незыблемых «опор» современной петербургской музыки, то очень точно в этом плане высказалась исследователь этого направления: «Крупнейшие представители национальной композиторской школы: Д. Бортнянский и М. Березовский, М. Глинка и А. Даргомыжский, А. Бородин и М. Мусоргский, П. Чайковский и Н. Римский-Корсаов, И. Стравинский и С. Прокофьев, Д. Шостакович своей жизнью были связаны с Петербургом» [Самсонова, 2013, с. 8].

«Общеизвестны богатейшие традиции и высокая "котировка акций" петербургской композиторской школы. Столь же бесспорен и значительный "удельный вес", который имеет сегодняшняя петербургская музыка в контексте широкой и разнообразной панорамы современного российского композиторского творчества в целом» [Хайновская, 2012, с. 4]. И все эти и вышеперечисленные «генетические» признаки петербургской школы композиции отражены в многогранной сфере деятельности Светланы Нестеровой.

Совершенно определенно этого композитора характеризует чувство неизменной благодарности тем людям, которые дали ей путевку в профессиональную жизнь. Так, Светлана очень тепло упоминает своего екатеринбургского учителя – Валентина Барыкина. И, конечно, ее самые сердечные чувства признательности обращены к ее петербургскому педагогу и, как она сама пишет, «любимому учителю, наставнику и другу – Борису Тищенко», который также всегда высоко отзывался о творческом даровании своей ученицы.

Только лишь нарастающая год от года бурная композиторская, педагогическая, исполнительская и музыкально-просветительская деятельность Светланы Владимировны, ее энергичный общественный темперамент, востребованность практически во всех сферах приложения ее усилий неоспоримо свидетельствуют о постоянном профессиональном росте и развитии, стремлении к покорению новых вершин и о мастерском решении задач, которые ставит перед каждым творцом среда его существования.

Первые сочинения были созданы Светланой Нестеровой еще в школьные годы, а собственно профессиональный путь композитора начался в Музыкальном училище Екатеринбурга, где Светлана поняла, что композиция – основное призвание ее жизни. Закончив училище, С. Нестерова поступила в Санкт-Петербургскую государственную консерваторию им. Н.А. Римского-Корсакова в класс народного артиста России, профессора, одного из столпов современной российской музыки Бориса Ивановича Тищенко. После блестящего окончания консерватории вполне ожидаемым было окончание аспирантуры, начало преподавательской деятельности в стенах этого прославленного вуза на кафедре инструментовки и вступление в Союз композиторов Санкт-Петербурга [Союз композиторов России, www].

«Совмещение учёбы с практической работой, как правило, бывает очень полезным в становлении музыканта-профессионала. Так, будучи концертмейстером на кафедре сценического движения в Академии театрального искусства, Светлана Нестерова не только совершенствовала свои пианистические навыки, но и познавала законы сценического искусства, что помогло ей в дальнейшем в работе над произведениями для театра» [Копий, www]

Первая серьезная победа и выход в «большую музыку» ожидали Светлану после представления на конкурсе Мариинского театра оперы «Тяжба» по Гоголю в начале 2000-х годов [Мариинский театр, www]. Также очень серьезным достижением стала первая премия в номинации «Симфоническая музыка» на I Всероссийском конкурсе композиторов имени Андрея Петрова [Oreanda-news, www]. В этот же период балет «Волшебное кольцо», созданный совместно с супругом, композитором Вячеславом Кругликом, стал одним из победителей конкурса Большого театра и Союза театральных деятелей России [Санкт-Петербургский Дом музыки, www].

Нынешний год принес С. В. Нестеровой новую громкую победу – она стала обладателем II премии Международного конкурса пианистов, композиторов и дирижеров имени С.В. Рахманинова, который прошел в Москве при поддержке Правительства Российской Федерации и Министерства культуры Российской Федерации, по специальности «Композиция». Художественным руководителем конкурса является народный артист России Денис Мацуев. Судейскую коллегию по специальности «Композиция» возглавлял народный артист России Александр Чайковский [Российская газета, www].

Конкретность, определённость, ясность мысли в жизни и творчестве, сочинительский талант и широкая художественная перспектива, простота и, вместе с тем, нетривиальность замыслов, мастерство (в данном случае уже можно употребить это высокое слово), изящество и артистизм их воплощения – вот суммарные черты, которые характеризуют художественный облик Светланы Нестеровой, а также ее основу жизненной и творческой позиции.

В своем творчестве С. Нестерова предстает как тонким лириком и в то же время автором, не чуждым остроумного музыкального комментирования сюжетных линий или других особенностей содержания произведения, так и выразителем больших человеческих страстей. «Творческая индивидуальность не может сформироваться, пока не созрела сама личность творца, его человеческие свойства, твердые черты, его характера, общественного поведения. Индивидуальность композитора может быть простой – определяемой одним-двумя приемами, будь то малообъемная минорная диатоника и тоникальные диатонические кластеры…» [Слонимский, 2023].

Импровизационный формат некоторых музыкальных высказываний в ее произведениях, как правило, встроен в четкую и слаженную драматургию. В сочинениях этого композитора все части мастерски и монолитно соединены друг с другом, «проходных» фраз или бессмысленной

заполняющей фактуры в них нет; «мужской» тип музыкального мышления определяет логичные построения и фразы, рациональность в выборе средств музыкальной выразительности и ясность авторской мысли. Завершает картину высокого композиторского профессионализма эффектность языковой стилистики, словом, Светлана Нестерова – сложившийся, яркий и зрелый музыкант, чье творчество становится все более востребованным и отмечено различными престижными наградами.

Кроме характеристики композиторского творчества необходимо сделать акцент на фортепианной исполнительской деятельности С. Нестеровой, которая ярко одарена и как пианистка, имеющая к тому же серьезную профессиональную исполнительскую базу. Всесторонняя музыкальная образованность позволяет Светлане Владимировне свободно ориентироваться в самых разных фортепианных жанрах и стилях, акцентируя основное внимание на исполнении сочинений современных авторов – как своего учителя Б.И. Тищенко, творчество и педагогические взгляды которого оказали значительное и благотворное влияние на развитие художественного мира героини статьи, так и многих своих коллег по композиторскому цеху.

Для более детальной характеристики композиторского стиля остановимся подробнее на кратком анализе одного из центральных сочинений С.В. Нестеровой – одноактной опере «Тяжба» по одноименной пьесе Н.В. Гоголя. Как уже было упомянуто в данной статье, опера создавалась для конкурса молодых композиторов, объявленного Мариинским театром в 2005 году в связи с юбилеем этого писателя. С. Нестерова стала одним из победителей этого конкурса, и ее произведение было отобрано к постановке. Премьера состоялась в Мариинском театре 1 апреля 2009 года – в день 200-летия Гоголя. (Режиссер – А. Коваленко, дирижер – М. Татарников). Спектакль вызвал значительный интерес у публики и остался в репертуаре театра.

Вопреки уже сложившимся ожиданиям публики, эта пьеса Гоголя, к счастью, не была осовременена композитором и либреттистом – в опере максимально сохранен гоголевский текст со всеми выразительными возможностями его языка.

Как известно, эта гоголевская пьеса не была завершена, и непростую в данном случае композиционную задачу решила форма «замкнутого круга» оперы. Основная тема увертюры проводится почти через всю музыкальную ткань произведения и в качестве кульминации «взрывается» в центральной части оперы – концентрированно буффонадной сцене с участием всех персонажей.

Музыкальный язык оперы несет ощущение законченности, ясности, выстроенности и при всем этом чрезвычайно ярок и рельефен. Глубокое знание и любовь автора оперы к музыке М.П. Мусоргского, Д.Д. Шостаковича и, конечно же, своего учителя Б.И. Тищенко, узнавание или, скорее аллюзии интонаций их произведений искусно переплетаются со сложившейся авторской манерой письма. «Музыкальные реплики персонажей изобилуют остро-характерными интонациями, подчеркивающими речевые изгибы и откликающимися на сюжетные повороты. Колоритен еще один важный участник и комментатор событий – симфонический оркестр» [Хайновская, 2012, с. 54]

Кроме этого, музыкальный язык этого произведения представляет ощутимые трудности для исполнителей – как для вокалистов, так и для оркестра. Серьезные интонационные трудности, переменный метр, тонко и точно выписанный требуют от исполнителей этого опуса серьезного профессионализма как в плане общей подготовки, так и в сфере исполнения современной академической музыки.

Заключение

Таким образом, краткая характеристика творчества и «эскизный» портрет профессиональной деятельности Светланы Владимировны Нестеровой во многих и разных областях представляют этого музыканта как талантливого, разностороннего и темпераментного творца, обладающего собственным – четким, ярким и темпераментным авторским обликом, сложившейся стилистикой и богатым художественным миром.

Библиография

1. Гао Шихао. К вопросу музыкальной образности петербургского балета XXI века // Культура и цивилизация. 2023. Том 13. № 7А. С. 139-145.
2. Самсонова Т.П. Музыкальная культура Санкт-Петербурга XVIII–XX веков: Учебное пособие / Самсонова Т.П. Санкт-Петербург: Издательство «Лань»; Издательство «Планета музыки», 2013. – 144 с.
3. Хайновская Т.А. Петербургские композиторы настоящего и будущего: шесть эскизных портретов / Т.А. Хайновская. СПб., Композитор, 2012. – 116 с.
4. Союз композиторов России: официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.unioncomposers.ru/composer/view/?id=370&ysclid=mf9x24lenk605949708 (дата обращения: 08.09.2025).
5. Копий Е. Композитор Светлана Нестерова – музыка в заметках [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.musnotes.com/contemporaries/Nesterova1?ysclid=mf9x4surzi192091477 (дата обращения: 30.08.2025).
6. Гоголиада. Мариинский театр [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.mariinsky.ru/playbill/opera_conchall/gogoliada1/ (дата обращения: 22.08.2025).
7. Названы имена первых победителей конкурса композиторов им. А. Петрова [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.oreanda-news.com/kultura_i_dosug/Nazvany_imena_pervyh_pobediteley_konkursa_kompozitorov_im_A_Petrova/article238841/ (дата обращения: 25.08.2025).
8. Светлана Нестерова // Санкт-Петербургский Дом музыки [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.spdm.ru/svetlana-nesterova (дата обращения: 20.08.2025).
9. В Москве подвели итоги II Международного конкурса имени Сергея Рахманинова // Российская газета, 30.06.2025 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rg.ru/2025/06/30/v-moskve-podveli-itogi-ii-mezhdunarodnogo-konkursa-imeni-sergeia-rahmaninova.html?ysclid=mf8sb76dsp996238080 (дата обращения: 25.07.2025).
10. Сергей Слонимский. Мысли о композиторском ремесле (фрагменты) // Открытый текст, электронное периодическое издание, 09.12.2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://opentextnn.ru/music/personalii/slonimsky/slonimskij-mysli/?ysclid=mf9volv3dp378834520 (дата обращения: 15.08.2025).

Composer Svetlana Nesterova: Artistic World and Features of Individual Style

Luo Si

Graduate of the Postgraduate Program,
Department of Music Education and Training,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
191186, 48 Moyka River Embankment, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: luosixiaoluo@gmail.com

Abstract

The contemporary composer art of the city on the Neva is represented by many bright and significant names. Among the authors of the middle generation, one of the most notable phenomena

is the work of Svetlana Nesterova, which has absorbed the beneficial traditions of St. Petersburg academic music and develops them at a new stage, bringing unique notes of individual stylistics and images of the author's artistic world to the sphere of modern musical art. Working fruitfully in almost all existing genres of modern academic creativity and partly in light music, Svetlana Nesterova has practically from the very beginning of her professional composer path found her own unique and impressive style and masterful means of its expression. Today, Svetlana Vladimirovna Nesterova is one of the leading representatives of the modern St. Petersburg school of composition, organically and highly professionally synthesizing in her work a unique individual manner of expression and achievements in the field of world academic music and the development of musical language.

For citation

Luo Si (2025) Kompozitor Svetlana Nesterova: khudozhestvennyy mir i osobennosti individual'nogo stilya [Composer Svetlana Nesterova: Artistic World and Features of Individual Style]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (8A), pp. 121-126. DOI: 10.34670/AR.2025.10.33.013

Keywords

Saint Petersburg composer school, contemporary musical language, individual authorial style, musical genres, artistic stylistics.

Библиография

1. Gao Shixao. To the music of the Petersburg Ballet of the Twenty-First Century. Cool in Civilization, 2023, Volume 13. № 7A. pp. 139-145. (in Russian).
2. Samsonova T.P. Musical Culture of St. Petersburg in the 18th–20th Centuries: A Study Guide. St. Petersburg: Lan Publishing House; Planet of Music Publishing House, 2013, 144 p. (in Russian).
3. Khainovskaya T.A. St. Petersburg Composers of the Present and the Future: Six Sketch Portraits. Saint Petersburg, Composer, 2012, 116 p. (in Russian).
4. Russian Union of Composers: official website. Available at: https://www.unioncomposers.ru/composer/view/?id=370&ysclid=mf9x24lenk605949708 (Accessed 8 September 2025) (in Russian).
5. Kopiy E. Composer Svetlana Nesterova – music in notes. Available at: https://www.musnotes.com/contemporaries/Nesterova1?ysclid=mf9x4surzi192091477 (Accessed 30 August 2025) (in Russian).
6. Gogoliana. Mariinsky Theatre. Available at: https://www.mariinsky.ru/playbill/opera_conchall/gogoliada1/ (Accessed 22 August 2025) (in Russian).
7. The names of the first winners of the A. Petrov Competition for Composers were announced. Available at: https://www.oreanda-news.com/kultura_i_dosug/Nazvany_imena_pervyh_pobediteley_konkursa_kompozitorov_im_A_Petrova/article238841/ (Accessed 25 August 2025) (in Russian).
8. Svetlana Nesterova // St. Petersburg House of Music. Available at: https://www.spdm.ru/svetlana-nesterova (Accessed 20 August 2025) (in Russian).
9. The results of the II International Sergei Rachmaninoff Competition were summed up in Moscow. Rossiyskaya Gazeta, 30.06.2025. Available at: https://rg.ru/2025/06/30/v-moskve-podveli-itogi-ii-mezhdunarodnogo-konkursa-imeni-sergeia-rahmaninova.html?ysclid=mf8sb76dsp996238080 (Accessed 25 July 2025) (in Russian).
10. Sergey Slonimsky. Thoughts on the Art of Composition (fragments). Open text, an electronic periodical, 09.12.2023. Available at: https://opentextnn.ru/music/personalii/slonimsky/slonimskij-mysli/?ysclid=mf9volv3dp378834520 (Accessed 15 August 2025) (in Russian).

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 008 **DOI: 10.34670/AR.2025.27.51.014**

«Insular» и «Continental»: европейские влияния в английской музыке начала XVI века

Свирская Екатерина Васильевна

Старший преподаватель, кафедра хорового дирижирования,
Московский государственный институт культуры,
141406, Российская Федерация, Химки, ул. Библиотечная, 7;
e-mail: esvirskaia@gmail.com

Аннотация

Английская музыка начала XVI века рассматривается с точки зрения влияния на неё некоторых особенностей западноевропейского искусства. Подвергая сомнению распространенный тезис об «островной» изоляции английской музыки дореформационного периода, исследуются пути проникновения континентальной полифонии в Англию, в частности, посредством дипломатических подарков. В процессе анализа хранящихся в английских архивах старинных рукописей, а также тех историко-культурных событий, которые обусловили их появление на территории страны, обнаруживаются признаки влияния жанрово-стилевых особенностей западноевропейского музыкального искусства на развитие английской музыки начала XVI века. В связи с этим автором сформулирован предмет исследования, заключающийся в обнаружении фактов, свидетельствующих о подобном влиянии «континентальной» музыки на «островную» английскую. Особое внимание в работе уделяется рукописям *GB–Lcm MS 1070*, GB–*Lbl Royal Appendix 58, GB–Lbl Add. MS 31922*, содержание которых отражает музыкальные вкусы Европы того времени. Ведущими методами исследования стали стилевой и жанровый анализ. Цель работы — выявить особенности влияния европейской музыкальной культуры на развитие английской музыки начала XVI века. На основе анализа рукописных источников и данных о континентальных музыкантах, работавших в Англии, делается вывод о том, что, несмотря на определённую степень замкнутости английского музыкального пространства, контакты с европейской музыкой всё же имели место и оказали влияние на развитие английской музыкальной культуры, в частности, на формирование светских музыкальных форм. Статья предлагает новое понимание сложного диалога между островными и континентальной музыкальными традициями в эпоху Ренессанса.

Для цитирования в научных исследованиях

Свирская Е.В. «Insular» и «Continental»: европейские влияния в английской музыке начала XVI века // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 8А. С. 127-136. DOI: 10.34670/AR.2025.27.51.014

Ключевые слова

Английская музыка XVI века, музыка эпохи Тюдоров, «островная» культура, жанровая интеграция, Уильям Корниш, Филипп ван Уалдер, Anne Boleyn Music book, шансон.

Введение

«Anglia, quae sola gaudet propriis moribus» («Англия, которая только и радуется своим собственным обычаям») Эразм Роттердамский (*Epistolae ad diversos) - данная фраза* отражает критическое отношение, одного из самых влиятельных мыслителей эпохи Возрождения, Эразма Роттердамского, к английской самобытности. Подобная оценка британской культуры не была единичной в те времена. Вспомним, к примеру, знаменитый отрывок из труда *Музыкальные пропорции* (*Proportionale Musices,* 1472–75) фламандского теоретика XV века Иоанна Тинкториса, в котором автор критиковал современных ему английских композиторов за старомодность. Музыковедческая и культурологическая позиция, связанная с признанием уникального «изолированного» пути развития английского искусства ввиду географической обособленности Англии как островного государства, оказалась настолько прочной и убедительной, что, во многом, сохранилась до сих пор. Однако современная наука ставит одной из своих целей постоянную актуализацию имеющихся знаний, посредством критического осмысления и пересмотра многих традиционных взглядов. Поэтому, представляется интересным вновь обратиться к вопросу об английской музыке XVI века и оценить степень её подверженности влиянию западноевропейского искусства.

Многие исследователи признают существование уникального английского стиля, английской манеры [Wegman, 2003, *233*], пронизывающих все сферы культуры — от архитектуры и живописи до музыки и литературы. Эта «английскость», проявляющаяся в своеобразном сочетании сдержанности и эксцентричности, консерватизма и новаторства, часто становится определяющим фактором при характеристике «островной» [Taruskin, 2005, *503*] культуры. Формирование английской идентичности традиционно связывают с географическим положением страны, с её островной обособленностью. Этот фактор, несомненно, сыграл определённую роль в развитии самобытных традиций. С другой стороны, удалённость от континента позволяла экспериментировать, не испытывая прямого влияния континентальных практик. Подобная «островная» ментальность проявляется в различных аспектах английского искусства, в том числе и в музыкальной культуре.

Однако настолько изолированной была английская музыка в действительности? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к вопросу взаимодействия европейской и английской музыкальных культур на примере некоторых музыкальных рукописей начала XVI века и обозначим в качестве предмета исследования идею поиска фактов, свидетельствующих о влиянии «континентальной» музыки на «островную» английскую. Жанровый и стилевой методы анализа старинных манускриптов позволят обнаружить возможные доказательства подобного взаимодействия. Соответственно, целью работы будет выявление особенностей влияния европейской музыкальной культуры на развитие английской музыки начала XVI века (на примере некоторых старинных рукописей).

Сохранение в английских архивах и библиотечных фондах большого количества европейских манускриптов свидетельствует о наличии контактов между Англией и континентом, хотя точные обстоятельства их создания порой установить сложно. Собрания манускриптов не всегда создавались только благодаря музыкантам и композиторам: наполняющие рукопись сочинения могли отражать личные вкусы и взгляды коллекционеров или меценатов. Таким образом, физическое присутствие манускрипта на британских землях ещё не может быть доказательством активного использования этой музыки, например, в богослужениях или при дворе.

Известно, что значительная часть коллекций хоровой полифонии попала в Англию в качестве дипломатических подарков, что делало обмен рукописями важным инструментом политической дипломатии. Характерно, что в этих коллекциях преобладают светские жанры, при этом образцы европейской мессы в большинстве случаев отсутствуют (хотя и не исключены полностью). Примером раннего английского источника, включающего светский жанр, служит рукопись *GB–Lbl Royal Appendix 58* (*Рисунок № 1*), датируемая рубежом 1515–40-х годами. В этот период французская мода, вероятно, оказывала некоторое влияние на английскую музыкальную культуру, возможно, связанное с женитьбой Генриха VIII на Анне Болейн. Указанная коллекция хоровых партий содержит 84 сочинения разных жанров, в том числе одну мессу, 12 французских светских песен, гимны, один кэрол и т.д. Большинство из них (58 работ) анонимны, и лишь 12 сочинений идентифицированы или атрибутированы в рукописи, включая произведения английских композиторов Хьюга Астона (H. Aston; ок. 1485–1558) и Уильяма Корниша (W. Cornysh или Cornish; ум. 1523).

Музыкальные образцы рукописи иллюстрируют примечательную композиционную особенность: во многих сочинениях наблюдается силлабический принцип построения музыкальной ткани (гомофонная фактура), который проявился в них задолго до эпохи Реформации, когда это станет повсеместным. Примером может служить сочинение Blow thy horne hunter Уильяма Корниша (Рисунок 1). Танцевальная музыка, особенно широко распространившаяся во Франции и Италии, вероятно, оказала значительное влияние на развитие более простых форм, таких как «песня» (song).

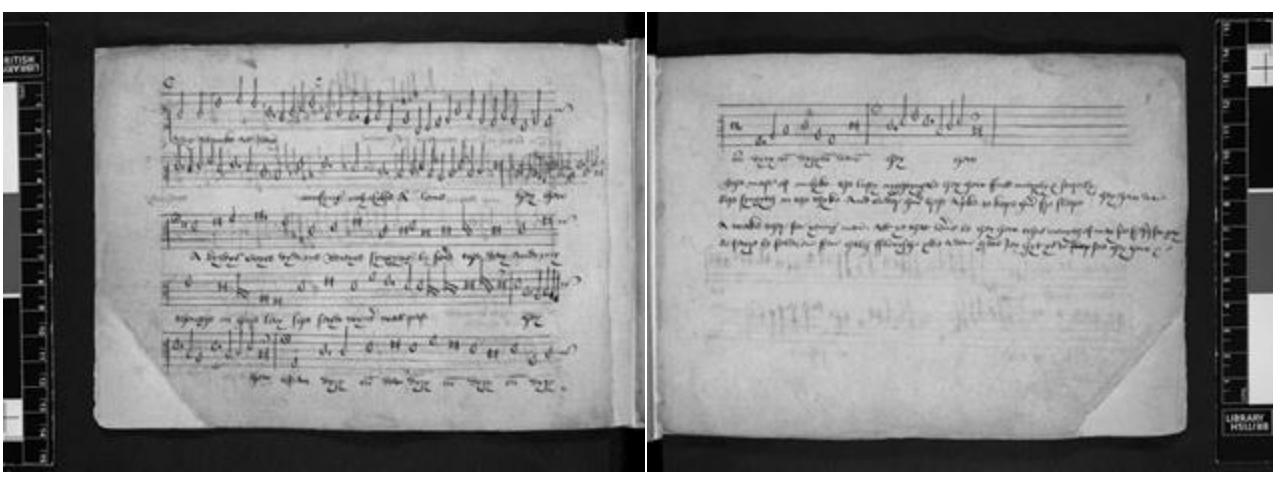

***Рисунок 1* - Фрагмент шансона *By a banke as I ley* анонимного композитора, рукопись *GB–Lbl Royal Appendix 58,* 10v и 11r**

Имя Уильяма Корниша упоминается в контексте и других историко-культурных событий, раскрывающими некоторые способы взаимодействия английской и европейской культур. Его творческий путь был связан с *Королевской Капеллой* Англии, где в 1509 году он стал учителем детей (Master of the Children of the Chapel Royal) и занимал это место до своей смерти (информация об образовании хористов в Англии – [Наумова, 2019, *36–53*)]). Важным свидетельством его влияния при дворе оказывается то, что *Королевская Капелла* во главе с Корнишем сопровождала Генриха VIII во Францию в 1513 году, где их принимала Маргарита Австрийская, и в 1520 году на встречу с Франсуа I на поле Золотой парчи, что демонстрирует возможный культурный обмен между странами. В 1522 году, когда император Священной

Римской империи Карл V посетил Англию для укрепления союза с Генрихом VIII против Франции, именно Уильям Корниш стал автором аллегорического представления, сопровождавшего переговоры. Несмотря на то, что информации о пьесе немного, её описание можно найти в письме Мартина де Салинсас (Martin de Salinas [Dillon, 2008, *36–42*]).

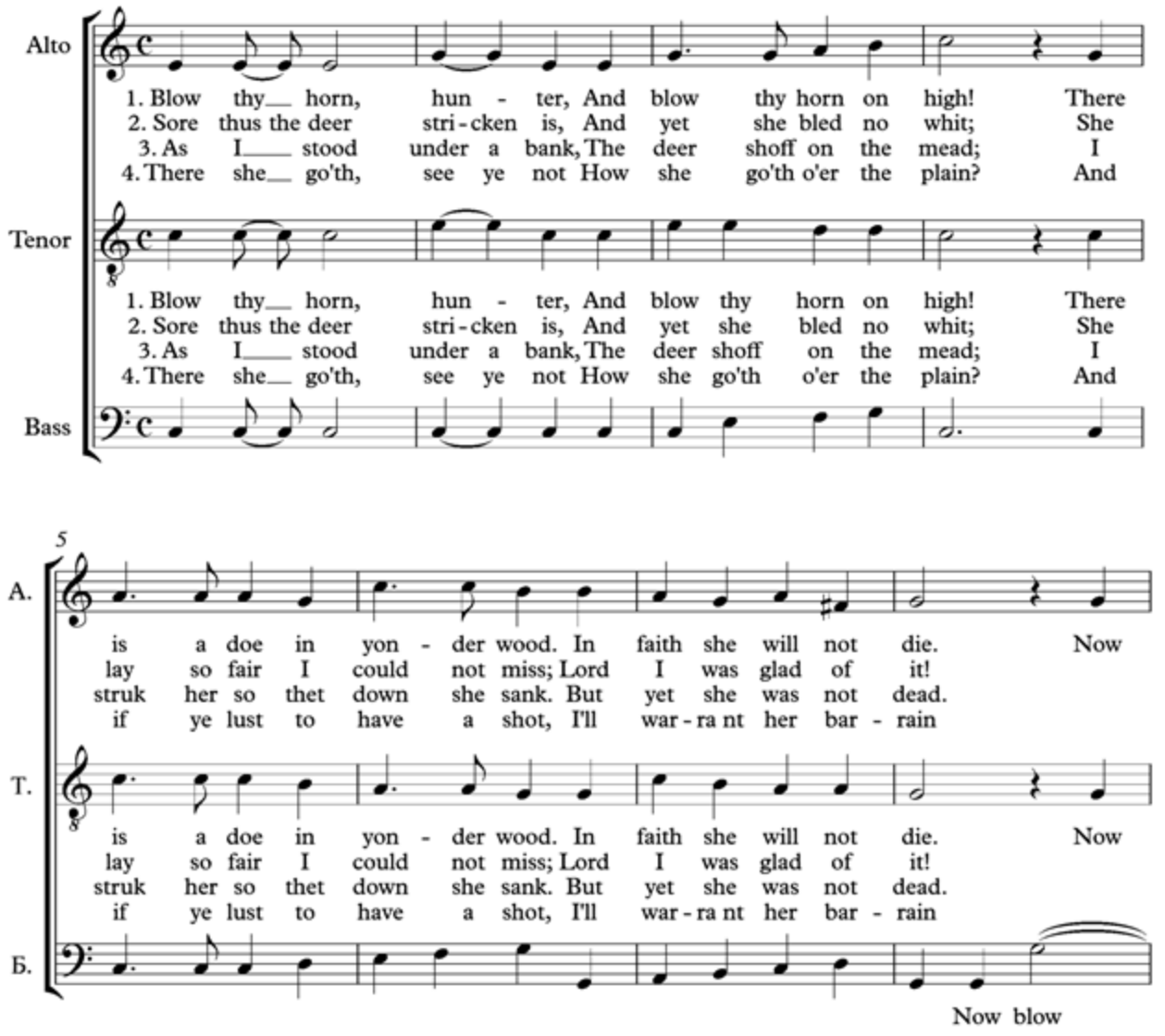

Рисунок 2 **- Фрагмент антифона *Blow thy horne hunter* Уильяма Корниша**

В Англии есть ещё одна рукопись, связанная с именем второй жены Генриха VIII, Анны Болейн, — *GB–Rcm MS 1070*, известная также под названием *Anne Boleyn Music book*, которая хранится в Королевском колледже музыки в Лондоне (*Рисунок № 2*). Что касается наполнения манускрипта, то почти четверть рукописи (10 работ) представлена произведениями Жоскена Депре, который во время её создания (1530-е годы) был уже хорошо известным «международным» композитором. Остальные сочинения принадлежат композиторам, чьё творчество было более тесно связано с французским двором в начале 1500-х годов, поэтому репертуар манускрипта демонстрирует особенности развития французской музыки. В числе этих композиторов – Жан Мутон (J. Mouton; ок. 1459–1522), Антуан де Февин (A. de Fevin; ок.

1470–1511/12), Лойзе Компер (L. Compere; ок. 1445–1518), Антуан Брюмель (A. Brumel; ок. 1460–1512/13), Пьеркен де Тераш (P. de Therache; ок. 1470–1528) и Матье Гасконн (M. Gascongne; ок. 1485–ок. 1540), а также Клоден де Сермизи (C. de Sermisy; ок. 1490–1562), прославившийся примерно 20 лет спустя. Также имеется единственное произведение фламандского композитора Якоба Обрехта (J. Obrecht; 1457/58–1505), который, как известно, путешествовал по Франции в 1492 году.

Большинство сочинений этой рукописи демонстрирует те черты музыкальной композиции, которые были характерны для французского придворного стиля конца XV – начала XVI веков. Исследователи выделяют следующие особенности этой музыки: компактная фразировка, значительное количество гомофонной декламации, развитие музыкального материала за счёт чередования пар голосов, которые сами по себе чаще гомофонные, чем имитационные [Haar, 2006, *29–31*].

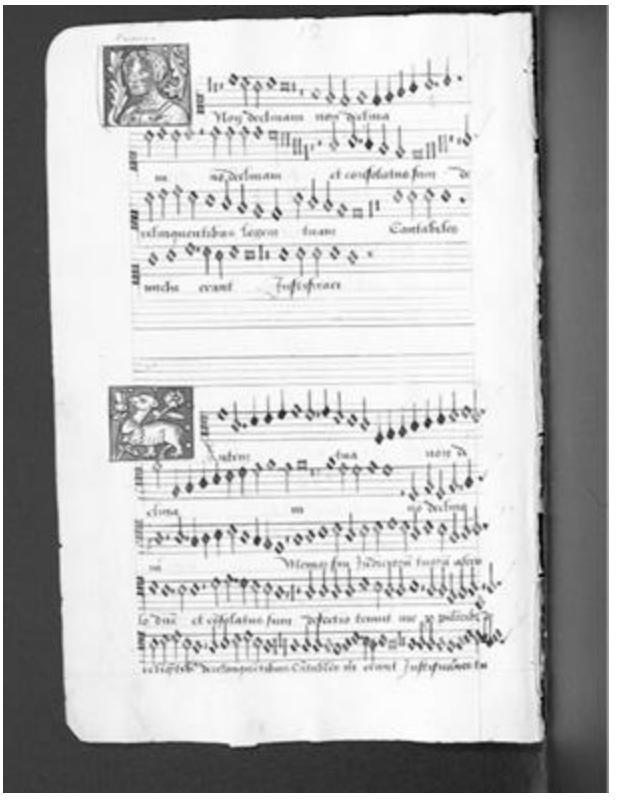

Рисунок 3 - Фрагмент из Memor esto Жоскена Депре, рукопись GB-Lcm MS 1070, 006v, 7r

Другим важным источником, в котором представлены английские и континентальные сочинения, оказывается рукопись, хранящейся в Британской библиотеке, *GB–Lbl Add. MS 31922*, так называемая *King Henry VIII's* или *Book Henry VIII Manuscript* (*Рисунок № 3*). Вероятно, это музыкальное собрание было создано в Лондоне примерно в 1510–1520 годах как своеобразная антология придворного репертуара короля Генриха VIII. Обширный репертуар манускрипта чрезвычайно разнообразен и представлен образцами не только хоровой, но и инструментальной музыки: мотет (1), шансон (1), английская светская песня (53), французская светская песня (12), голландская светская песня (3), пьесы без текста (35). Последние, вероятно, были предназначены для инструментального исполнения, что было связано с растущей популярностью в Англии инструмента виолы.

Исследователь Джон Брайан, анализируя разные параметры сочинений Хенрика Изака (Heinrich Isaac; 1450–1517), Александра Агриколы и Уильяма Корниша, представленных в рукописи, обращает внимание на использование последним в произведении *Fa la sol* широкого диапазона звучания голосов, аналогичного тем, что встречаются в работах континентальных композиторов. Более того, ни в одной другой песне Корниша, хранящейся в рукописи *GB–Lbl Add. MS 31922*, не используется диапазон, приближающийся к 12 нотам, который характерен для теноровой партии сочинения *Fa la sol*. Общий же диапазон этой партитуры, составляющий 21 ноту, сопоставим с диапазоном сочинения Изака *Der Hundi* [Bryan, 2011, *133*].

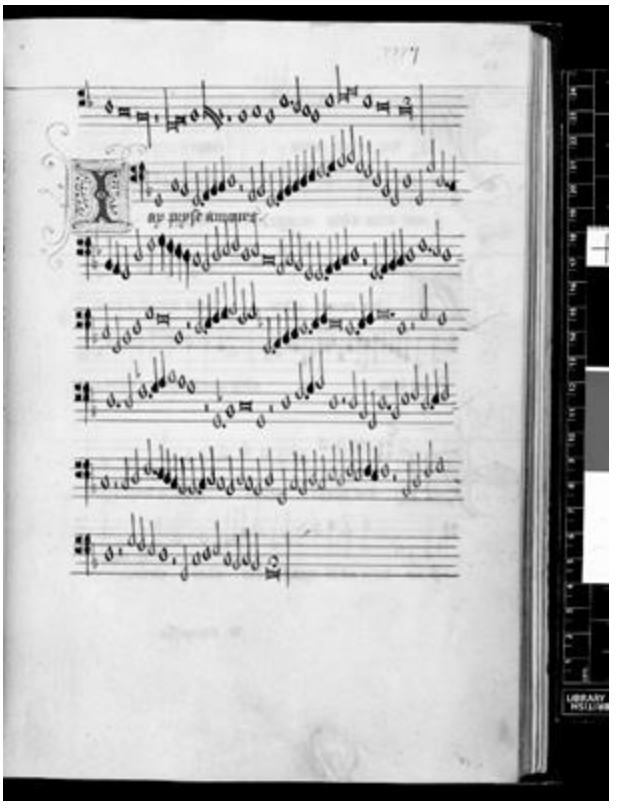

Рисунок 4 - Фрагмент из шансона J'ai pris amours анонимного композитора, рукопись GB–Lbl Add. MS 31922, 41v

Несмотря на обозначенные возможные музыкальные параллели, свидетельства сознательного моделирования английскими композиторами европейских сочинений обнаружить не просто, а информация о континентальных композиторах, работавших в Англии в этот период, часто ограничивается лишь указанием на их физическое присутствие. Также нет и убедительных доказательств значительного влияния континентальной литургической (!) музыки на английский репертуар. Вероятно, *Королевская Капелла* принимала только английских граждан, и исполняла в основном, или исключительно, произведения «отечественных» композиторов. Тем не менее, известно, что уже в 1520-х годах, во время правления Генриха VIII, при дворе появлялись европейский музыканты [Taruskin, 2005, *867*]. Так, с 1525 по 1526 год при дворе были произведены выплаты двум новым музыкантам Хансу Хоссенету [H. Hossenet] и Хансу Хейгорну [H. Heighorne], которые играли на виоле [6, *134*].

Одним из наиболее заметных континентальных музыкантов был Филипп ван Уалдер (Philip van Wilder; ок. 1500–1554), завоевавший призвание как талантливый исполнитель лютневой

музыки и композитор. До прибытия ко двору английского короля, музыкант был менестрелем герцога Бургундии Филиппа Красивого и находился в свите герцога, когда в начале 1506 года они укрывались в Англии при дворе Генриха VII после кораблекрушения, прервавшего их путешествие в Испанию [Meconi, 2003, *38–39*]. Пожилой Александр Агрикола (Alexander Agricola; 1446–1506), которого высоко ценили как певца и инструменталиста, также был членом группы, потерпевших кораблекрушение, и провёл три месяца под покровительством короля.

Картотека вокальной музыки Филиппа ван Уалдера насчитывает около 30 полифонических сочинений, преимущественно пяти- и шестиголосных шансонов. Светское направление его творчества обнаруживает ряд интересных характеристик, которые потенциально могли повлиять на «островную» музыку. В частности, наблюдается предпочтение компактных форм, где частые имитации создают достаточно плотную фактуру, прерываемую чёткими каденциями. Основной структурой таких форм оказывается повторное изложение материала (ABA), где непрерывная полифония встречается редко, уступая место компактности и кратковременным контрастам. Эти стилистические особенности представляют особый интерес, поскольку, в том числе могли быть косвенно восприняты английскими композиторами середины XVI века.

В общем контексте развития английской музыкальной культуры начала XVI века становится очевидным, что существовало значительное число рукописей, содержащих образцы континентальной музыки. Ниже в *Таблице № 1* представлен перечень наиболее значительных европейских рукописей, достигших Англии только (!) в первой половине XVI века. Этот краткий список позволяет проследить широкую географию взаимодействия разных музыкальных культур.

***Таблица 1* - Список основных европейских рукописей, оказавшиеся в Англии в первой половине XVI века**

Рукопись	Краткая характеристика
Lbl Royal 20.A.xvi British Library, London	Начало XVI века; 25 светских произведений; В основном, трехголосие; Первоначальным владельцем был, скорее всего, Луи д'Орлеан (позже король Людовик XII); Среди сочинений есть образцы Александра Агриколы, Хайне ван Гизегема, Жосена Депре.
Lbl Add. 35087 British Library, London	До 1509 года; 14 мотетов и 22 шансоны; Возможно, скопирована в Брюгге. Составлена для Жерома Лауверена — чиновника при нидерландском дворе во время правления Максимилиана I. В Англию попала, возможно, благодаря связям между семьей Лауверен и английскими гуманистами. В состав входят произведения Якоба Обрехта, Жоскена Депре, Жана Мутона.
Lbl Harley 5242 British Library, London	Около 1509-1515; 31 шансон; В основном, трехголосие; Скопирован во Франции; Сочинения Александра Агриколы, Антуана Брюмеля, Антуана де Февина, Пьера де ла Рю.
Cmc 1760 Magdalene College, Cambridge	Около 1509-1516; 3 канона, 25 мотетов, 27 шансонов и несколько других ритуальных работ; Скопировано во Франции; В коллекцию включены произведения Антуана де Февина, Якоба Обрехта, Жана Мутона, Антуана Брюмеля, Жоскена Депре.

Рукопись	Краткая характеристика
Lbl Royal 11.e.xi British Library, London	1516 год; 7 мотетов; Скопирован и оформлен, возможно, в Антверпене для короля Генриха VIII и Екатерины Арагонской; Сочинения Бенедиктуса Аппенцеллера, Ричарда Сампсона.
Lbl Royal 8.g.vii British Library, London	До 1527 (возможно, 1522) года; 35 мотетов; Четырехголосие; Скопирован переписчиком из Нидерландов, подарено в качестве подарка Генриху VIII и Екатерине Арагонской; Сочинения Антуана де Февина, Пьера де ла Рю, Жана Мутона, Хенрика Изака.
Rcm 1070 Royal College of Music, London	Около 1533-6; 39 мотета и 3 шансона; Трех-, шестиголосие; Скопировано четырьмя писцами на бумаге одного типа, изготовленной в Северной Франции в конце XV или начале XVI века; Произведения Антуана Брюмеля, Антуана де Февина, Жоскена Депре, Пьера де ла Рю, Якоба Обрехта.

Заключение

Таким образом, в качестве выводов отметим: во-первых, обширная география рукописных источников свидетельствует о достаточно быстром распространении музыкального репертуара среди различных культур. На это повлияли и культурно-исторические факты, и политические события, и монархические браки. Во-вторых, взаимодействие между музыкантами и композиторами всё же имело место: как в непосредственном сопровождении дипломатических миссий или переездов монарших персон, так и в опосредованном виде – через знакомство и творческое взаимодействие английских мастеров с сочинениями западноевропейских композиторов, фамилии которых в большом количестве обнаружены в хранящихся в Англии старинных рукописях. Отдельные произведения могли создаваться композиторами как знак уважения или в духе творческого соперничества «островных» авторов с «континентальными». В-третьих, анализ музыкальных источников свидетельствует о значительной интеграции а английскую музыкальную жизнь начала XVI века светских жанров, в частности шансона, характерных для западноевропейской музыки. Наконец, стилевые признаки старинных английских рукописей свидетельствуют о заимствовании некоторых приёмов западноевропейской полифонии, силлабических принципов построения музыкальной ткани, ранних гомофонных форм, а также о некотором влиянии французского придворного стиля. Безусловно, комплексно оценить степень влияния «континентальных» сочинений на английскую музыкальную культуру сложно, но так или иначе можно утверждать, что к началу XVI века «островная» музыка не была изолированной. Научная новизна полученных выводов напрямую отражает ту неполную, местами даже неправомерную оценку английского искусства как полностью обособленного и «изолированного» вплоть до периода Реформации. Это, в свою очередь, делает актуальными и перспективными дальнейшие исследования поставленной проблемы и научные доказательства более активного и тесного взаимодействия между английской и западноевропейской культурами, чем было принято считать.

Библиография

1. *Наумова Н.И.* Английская духовная музыка эпохи ранних Тюдоров (конец XV – первая половина XVI века): дис. … канд. искусствовед. Казань, 2019. 248 с.
2. *Смирнова Т.В.* Династии итальянских музыкантов при дворе Тюдоров // Музыка в системе культуры: Научный вестник уральской консерватории. Екатеринбург, 2022. С. 19–29.
3. *Теплова А.С.* Три лика средневекового английского мотета // Научный вестник Московской консерватории. Том 14. Выпуск 3, 2023. С. 420–443.
4. *Bernstein J.* An Index of Polyphonic Chansons in English Manuscript Sources, c. 1530–1640 // Royal Musical Association Research Chronicle. Volume 21, 1988. P. 21–36.
5. *Brobrck J.* A Music Book for Mary Tudor, Queen of France // Early Music History. Volume 35, 2016. P. 1–93.
6. *Bryan J.* Reflections of Henrich Isaac's Music in Early Tudor England // The Journal of Musicology. Volume 28, № 1, 2011. P. 118–141.
7. *Dillon J.* The Early Tudor Histiry Play // English Historical Drama, 1500–1660. Forms Outside the Canon. Ed. by T. Grant and B. Ravelhofer, 2008. P. 32–57.
8. *Haar J.* European Music, 1520–1640. Boydell Press, 2006. 576 p.
9. *Schmidt T., Skinner D., Airaksinen-Monier K.* The Anne Boleyn Music Book (Royal College of Music MS 1070). Facsimile with introduction. Oxford: DIAMM Publications, 2017. 58 p.
10. *Meconi H.* Pierre de la Rue and Musical Life at the Habsburg-Burgundian Court. Oxford: Oxford University Press, 2003. 385 p.
11. *Taruskin R.* Music from the earliest notations to the sixteenth century. London: Oxford University Press, 2005. 906 p.
12. *Wegman R.* New Music for a World Grown Old: Martin Le Franc and the «Contenance Angloise» // Acta Musicologica. Volume 75, № 2, 2003. P. 201–241.
13. *GB–Lbl Add. MS 31922* (Book Henry VIII Manuscript), ок. 1510–20, British Library, London, England. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.diamm.ac.uk/sources/1238/#/images (дата обращения: 27.07.2025).
14. *GB–Lbl Royal Appendix 58*, ок. 1515–40, British Library, London, England. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.diamm.ac.uk/sources/1976/#/ (дата обращения: 27.07.2025).
15. *GB–Rcm MS 1070* (Anne Boleyn Music book), 1533–6, Royal College of Music, London, England. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.diamm.ac.uk/sources/2033/#/images (дата обращения: 27.07.2025).

"Insular" and "Continental": European Influences in Early 16th Century English Music

Ekaterina V. Svirskaya

Senior Lecturer,
Department of Choral Conducting,
Moscow State Institute of Culture,
141406, 7 Bibliotechnaya str., Khimki, Russian Federation;
e-mail: esvirskaia@gmail.com

Abstract

English music of the early 16th century is examined from the perspective of influences from certain features of Western European art. Questioning the widespread thesis of the "insular" isolation of English music in the pre-Reformation period, the study explores the pathways through which continental polyphony reached England, particularly through diplomatic gifts. Through the analysis of ancient manuscripts preserved in English archives, as well as the historical and cultural events that led to their appearance in the country, signs of the influence of genre and stylistic features of Western European musical art on the development of English music in the early 16th century are revealed. In this regard, the author defines the subject of the research as the identification of facts

indicating such influence of "continental" music on "insular" English music. Special attention is paid to the manuscripts GB–Lcm MS 1070, GB–Lbl Royal Appendix 58, and GB–Lbl Add. MS 31922, whose contents reflect the musical tastes of Europe at that time. The leading research methods are stylistic and genre analysis. The aim of the work is to identify the features of the influence of European musical culture on the development of English music in the early 16th century. Based on the analysis of manuscript sources and data on continental musicians who worked in England, it is concluded that, despite a certain degree of isolation in the English musical space, contacts with European music did take place and influenced the development of English musical culture, particularly in the formation of secular musical forms. The article offers a new understanding of the complex dialogue between insular and continental musical traditions during the Renaissance.

For citation

Svirskaya E.V. (2025) "Insular" i "Continental": yevropeyskiye vliyaniya v angliyskoy muzike nachala XVI veka ["Insular" and "Continental": European Influences in Early 16th Century English Music]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (8A), pp. 127-136. DOI: 10.34670/AR.2025.27.51.014

Keywords

English music of the 16th century, Tudor-era music, "insular" culture, genre integration, William Cornysh, Philip van Wilder, Anne Boleyn Music Book, chanson.

References

1. Naumova N.I. English sacred music of the early Tudor period (late XV – first half of the XVI century): Dis. ... cand. art history. Kazan, 2019. 248 p.
2. Smirnova T.V. Dynasties of Italian musicians at the Tudor court // Music in the cultural system: Scientific Bulletin of the Ural Conservatory. Yekaterinburg, 2022. P. 19–29.
3. Teplova A.S. Three Faces of Medieval English Motet // Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii / Journal of Moscow Conservatory 14, no. 3, 2023. P. 420–43.
4. *Bernstein J.* An Index of Polyphonic Chansons in English Manuscript Sources, c. 1530–1640 // Royal Musical Association Research Chronicle. Volume 21, 1988. P. 21–36.
5. *Brobrck J.* A Music Book for Mary Tudor, Queen of France // Early Music History. Volume 35, 2016. P. 1–93.
6. *Bryan J.* Reflections of Henrich Isaac's Music in Early Tudor England // The Journal of Musicology. Volume 28, № 1, 2011. P. 118–141.
7. *Dillon J.* The Early Tudor Histiry Play // English Historical Drama, 1500–1660. Forms Outside the Canon. Ed. by T. Grant and B. Ravelhofer, 2008. P. 32–57.
8. *Haar J.* European Music, 1520–1640. Boydell Press, 2006. 576 p.
9. *Schmidt T., Skinner D., Airaksinen-Monier K.* The Anne Boleyn Music Book (Royal College of Music MS 1070). Facsimile with introduction. Oxford: DIAMM Publications, 2017. 58 p.
10. *Meconi H.* Pierre de la Rue and Musical Life at the Habsburg-Burgundian Court. Oxford: Oxford University Press, 2003. 385 p.
11. *Taruskin R.* Music from the earliest notations to the sixteenth century. London: Oxford University Press, 2005. 906 p.
12. *Wegman R.* New Music for a World Grown Old: Martin Le Franc and the «Contenance Angloise» // Acta Musicologica. Volume 75, № 2, 2003. P. 201–241.
13. *GB–Lbl Add. MS 31922* (Book Henry VIII Manuscript), ок. 1510–20, British Library, London, England. [Electronic resource]. URL: https://www.diamm.ac.uk/sources/1238/#/images (accessed: 27.07.2025).
14. *GB–Lbl Royal Appendix 58*, c. 1515–40, British Library, London, England. [Electronic resource]. URL: https://www.diamm.ac.uk/sources/1976/#/ (accessed: 27.07.2025).
15. *GB-Lcm MS 1070* (Anne Boleyn Music book), 1533–6, Royal College of Music, London, England. [Electronic resource]. URL: https://www.diamm.ac.uk/sources/2033/#/images (accessed: 27.07.2025).

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 008 **DOI: 10.34670/AR.2025.87.63.015**

Иррациональные мотивы в пьесах Теннеси Ульямса (пьеса «Кошка на раскаленной крыше»)

Мотин Данил Витальевич

Аспирант,
искусствоведческий факультет
по направлению театральное искусство,
Институт современного искусства,
123557, Российская Федерация, Москва, ул. Новозаводская, 27-а;
e-mail: motin_danil@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются иррациональные мотивы в пьесе Теннесси Уильямса «Кошка на раскаленной крыше», которые служат важным инструментом для исследования глубинных психологических конфликтов и динамики отношений между персонажами. Пьеса, отличающаяся эмоциональной насыщенностью и высокими психологическими ставками, раскрывает сложные переплетения человеческих желаний, страха и подавленных амбиций. Акцентируется внимание на образах главных героев – Мэгги и Брика, их внутренней борьбе и зависимости от социальных ожиданий и семейных традиций. Иррациональные мотивы, проявляющиеся в их действиях и диалогах, подчеркивают не только их личные травмы, но и общую атмосферу недоверия и скрытых эмоций, которая пронизывает всё произведение. Работа привносит новое понимание в исследование творчества Уильямса, показывая, как иррациональные аспекты в «Кошке на раскаленной крыше» не только формируют уникальную атмосферу пьесы, но и служат отражением более широких культурных и социальных контекстов. Это исследование может быть полезно литературоведам, театроведам и всем интересующимся проблематикой человеческой психологии и драматургии XX века.

Для цитирования в научных исследованиях

Мотин Д.В. Иррациональные мотивы в пьесах Теннесси Уильямса (пьеса «Кошка на раскаленной крыше») // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 8А. С. 137-143. DOI: 10.34670/AR.2025.87.63.015

Ключевые слова

Теннеси Уильямс, «Кошка на раскаленной крыше», ограничение, герой, пьеса.

Введение

Рассказ "Три игрока в летнюю игру", созданный Теннесси Уильямсом в 1952 году, послужил фундаментом для трехактной драмы "Кошка на раскалённой крыше". Произведение повествует о судьбоносном дне в жизни преуспевающего предпринимателя Харви Поллита, известного как Большой Па. Празднование его 65-летия омрачено трагическим диагнозом - смертельной онкологией, перечеркнувшей все его амбициозные замыслы на будущее. Несмотря на приближающийся конец, Поллит успевает совершить нечто важное - помочь сыну Брику преодолеть внутренние противоречия. Параллельно происходит и обратный процесс: Брик становится опорой для отца, помогая ему смириться с неизбежностью своей участи. Напряжённая семейная динамика, мечты о побеге и воспоминания формируют центральные темы произведения "Кошка на раскалённой крыше", что роднит его с другими известными работами Теннесси Уильямса – "Трамвай "Желание" и "Стеклянный зверинец". Автор часто черпал вдохновение в собственной жизни: властная фигура Большого Папочки в "Кошке" имеет явные параллели с отцом драматурга, подобно тому как ранее материнский образ писателя воплотился в Аманде Уингфилд из "Стеклянного зверинца". Биографические элементы пронизывают все творчество Уильямса, делая его персонажей удивительно реалистичными отражениями людей из личного окружения автора [Кошка на раскалённой крыше (Теннесси Уильямс), www…].

Цель исследования – определение иррациональных мотивов в пьесах Теннеси Ульямса (Пьеса «Кошка на раскаленной крыше»).

Материалы и методы исследования

Лингвокультурный, историко-литературный, системный лингво-стилистический анализ, ретроспективный анализ, обобщение, синтез, сравнение.

Результаты исследования

В драматическом полотне автор конструирует уникальную систему символических элементов, объединенных общими смысловыми и эстетическими нитями. Метафора хищных птиц пронизывает произведение, когда главная героиня Мэгги сравнивает Гупера и Мэй с ястребами, алчно выжидающими наследство отца. Эта образная параллель не просто украшает текст, а формирует ключевые интонационные и тематические линии всей драмы. Брачные узы Мэгги и Брика обретают в её едких комментариях форму "совместного заточения в клетке" - ещё один повторяющийся мотив неволи, который Уильямс искусно вплетает в художественную ткань пьесы, дополняя свой символический лексикон образами заключения и хищничества. В числе ключевых сюжетных линий драматургического произведения Уильямса, как отмечает исследователь Гренделл, фигурируют конфликты за наследие Большого Па между парами Брик с Мэгги и Гупер с Мэй, тема неплодотворного супружеского союза Мэгги и Брика, а также предполагаемые гомоэротические отношения между Бриком и Скиппером. Несмотря на скандальный для своей эпохи намёк на нетрадиционную ориентацию протагониста, пьеса "Кошка на раскаленной крыше" стала одним из самых востребованных и финансово успешных произведений в творчестве драматурга [Williams, 2000].

Междисциплинарный анализ героев через сочетание психоаналитических, философских и социокультурных теорий раскрывает многогранные причины их иррационального поведения. Шопенгауэр в своем труде «Мир как воля и представление» утверждает, что человеческие действия часто определяются не рациональным мышлением, а фундаментальной «волей к жизни» – первичной силой, которая преодолевает границы логики. Именно эта концепция помогает понять сложные поведенческие стратегии персонажей, где иррациональность становится ключевым элементом, формирующим их решения вне логических рамок.

В пьесе "Кошка на раскалённой крыше" психика персонажей ярко демонстрирует бессознательные процессы, перекликающиеся с теориями Фрейда. Неподвластные контролю импульсы и вытесненные эмоции существенно влияют на формирование поведенческих шаблонов героев. Экзистенциальный кризис, который можно рассматривать через призму философии Сартра о "Бытии и ничто", наряду с прошлыми травмами и противостоянием между общественными ожиданиями и личными стремлениями, становится определяющим фактором иррационального поведения действующих лиц. Эти три элемента - травматический опыт, внутренний конфликт социальных норм и индивидуальных желаний, а также экзистенциальный кризис - выступают ключевыми детерминантами нерациональности в произведении [Уильямс, 2020].

Согласно современным критериям DSM-5, иррациональные реакции персонажей на жизненные обстоятельства часто обусловлены неизгладимым психологическим отпечатком пережитого насилия и потерь, что проявляется в симптомах посттравматического стресса. Внутренний разлад усугубляется необходимостью подчинять личные амбиции общественным канонам. Самоотчуждение и психологический конфликт возникают из противоречия между индивидуальными стремлениями и патриархальными ожиданиями социума, вынуждающими соответствовать навязанным нормам вопреки глубоко личным желаниям [Уильямс, 2020].

Персонажи, попадая в противоречие между желанием свободы и давлением социальных правил, совершают нелогичные поступки из-за усиливающейся душевной ранимости – это отражает экзистенциальную пустоту, описанную в работах Сартра. Яркой иллюстрацией подобных сложных взаимодействий выступает Брик Поллитт. Его образ представляет собой не олицетворение классической маскулинности, а скорее печальную личность, раздираемую глубоким внутренним разладом, корни которого уходят в пережитую психологическую травму [Уильямс, 2020].

В рамках анализа психологического состояния Брика, его зависимость от алкоголя предстает не слабостью воли, а скорее компульсивным механизмом совладания с психологической травмой. Самоубийство его друга Скипера, имеющее неявный гомоэротический контекст, становится триггером, запускающим у Брика симптоматику, характерную для посттравматического стрессового расстройства.

Психологический разлад героя проявляется в комплексе симптомов: эмоциональная анестезия (что метафорически выражено образом "ледяного блока" в его монологах), избегание разговоров о гибели Скипера, а также состояние повышенного возбуждения, выражающееся в агрессивных коммуникативных паттернах при взаимодействии с Мэгги. Все эти признаки указывают на глубокое травматическое переживание, соответствующее клинической картине посттравматического стрессового расстройства.

Поведение Мэгги в пьесе раскрывает интересный парадокс: она преследует логичные цели,

но делает это совершенно нерациональными способами, что составляет важный элемент общей картины иррациональности. Что касается Брика, его пристрастие к спиртному выступает не просто как зависимость, но как социально допустимый способ саморазрушения. Внутренний диалог персонажа ясно показывает это: "Ты думаешь, я не знаю, что ты пытаешься забыть? Ты бежишь от того, что было между вами...". Эта защитная реакция позволяет ему избегать болезненных воспоминаний и нерешенных внутренних конфликтов, отражая не только его личностный кризис, но и то, как социальное окружение влияет на его деструктивные модели поведения [Уильямс, 2020].

Исследование драматического произведения "Кошка на раскалённой крыше" выявляет парадоксальную природу человеческого поведения. Несовместимость идеалов с действительностью и внутренние конфликты персонажей подчёркивают трагический характер их судеб. Когда герои противостоят общественным нормам, их сопротивление принимает форму иррациональных действий, которые одновременно служат защитой личности и источником драматических столкновений. Неразумность как ключевая черта поведения действующих лиц возникает на пересечении внутренних психологических процессов и внешних социокультурных влияний. Именно этот сложный механизм позволяет понять глубинную мотивацию персонажей, которые, вопреки кажущейся нелогичности своих поступков, продолжают отстаивать собственную идентичность перед лицом безжалостного времени и стереотипных ожиданий общества. Уильямс создает в своем произведении многослойную картину человеческих судеб. Внутренняя борьба становится главным испытанием для всех действующих лиц – от Большого Папы до Брика и Мэгги. Их личности раздираются противоречиями, а иррациональное начало играет двойственную роль: с одной стороны, помогает приспособиться к жизненным обстоятельствам, с другой – несет разрушительный потенциал. Эта двойственность может как укрепить внутренний стержень персонажей, так и привести к их полному краху, превращая героев пьесы в пленников собственной природы [Попова, 2020].

Под гнетом патриархальных устоев общества формируется особая динамика, где человеческие драмы разворачиваются на грани рационального и бессознательного. Когда личность пытается утвердиться в мире постоянного давления, иррациональное поведение становится не просто защитной реакцией, но и отражением коллективных социальных травм. Анализируя эти процессы через призму концепций Эриксона, Батлер, Боуэна, Сиксус, Фрейда, Шопенгауэра и Сартра, мы видим, как сложные жизненные обстоятельства порождают неизбежный конфликт между сознательным и бессознательным. Эта напряженность превращается в ключевой двигатель психологической драмы, где иррациональность функционирует как многослойное зеркало, отражающее не только индивидуальные комплексы, но и глубинные социальные противоречия современного мира [Уильямс, 2020].

Эмпирические факты и междисциплинарные исследования подтверждают: в пьесе «Кошка на раскалённой крыше» иррациональность выступает универсальным связующим звеном между личными драмами и общественными процессами. Человеческая трагедия становится понятнее через призму этого феномена, который соединяет индивидуальное с коллективным. Вечное противостояние личности с непреодолимыми обстоятельствами и внутренними конфликтами отражается в творческих поисках автора. Тщательное изучение произведения показывает, что иррациональное начало – это не просто художественный приём, а фундаментальный элемент,

раскрывающий глубинную сущность трагического в человеческом существовании.

Драматургия Уильямса исследует противоречия человеческого существования, где инстинктивное начало сталкивается с потребностью упорядочить внутренний хаос. В пьесе раскрывается, как иррациональное поведение становится инструментом самоутверждения в непредсказуемом мире. Произведение приглашает зрителя к размышлению о фундаментальных вопросах бытия, предлагая уникальный взгляд на внутренние конфликты личности. Борьба с собственными демонами, верность инстинктам и стремление обрести контроль – всё это отражает сложную природу души, которую так мастерски анализирует автор [Уильямс, 2020].

Заключение

Таким образом, "Кошка на раскалённой крыше" раскрывает иррациональность не как художественный приём, а как фундаментальное свойство человеческой природы, имеющее корни в социальных и биологических аспектах нашего существования. Это требует от исследователя применения разносторонних методов анализа произведения. Жизнь предстаёт метафорой вечного конфликта между правдой внутри нас и внешними социальными ограничениями. Это противостояние проявляется во всех элементах пьесы: в откровенных признаниях Брика, в хитроумных тактиках Мэгги, в доминирующем поведении Большого Папы. Персонажи постоянно балансируют между рациональным стремлением к упорядоченности и саморазрушительными иррациональными импульсами, что составляет самую сущность человеческого бытия. Анализируя поведение героев в пьесе Уильямса, обнаруживаем, что за кажущейся нелогичностью их поступков скрывается глубокая обусловленность. Современное общество, где традиционные ценности противостоят новым вызовам, создает бесконечные внутренние противоречия. Персонажи мечутся между стремлением к индивидуальности и давлением социальных норм, что формирует многомерный феномен иррациональности. Коллективное сознание требует подчинения, в то время как каждый стремится утвердить свою уникальность – этот конфликт становится ключом к пониманию не только личных драм героев, но и трагедии всего общества. Психические процессы индивидов переплетаются с культурными и социальными факторами, создавая сложную картину человеческого поведения. Именно эта двойственность лежит в основе иррациональных стратегий персонажей, отражая фундаментальные противоречия человеческой природы.

Библиография

1. Попова, Ю. В. Тема семьи в пьесе Теннесси Уильямса «Кошка на раскаленной крыше» // LITTERA TERRA. Материалы VIII Международной конференции молодых ученых. К 90-летию со дня рождения Ю. М. Проскуриной (1929-2019). Екатеринбург : УрГПУ, 2020. - С. 165-171.
2. Уильямс, Т. Кошка на раскаленной крыше / пер. с англ. Г. П. Злобина, В. В. Воронина. М. : Издательство АСТ, 2020. - С. 109-111.
3. Кошка на раскалённой крыше (Теннесси Уильямс) • пьеса // URL: https://spadilo.ru/proizvedeniya/koshka-na-raskalyonnoj-kryshi-tennessi-uilyams/ (дата обращения: 18.05.2025).
4. Tennessee, W. Plays 1937: 1955. New York: Library of America. - 2000. - 975 p.
5. Williams T. Cat on a hot tin roof. – Bloomsbury Publishing, 2014.
6. Lahr J. Tennessee Williams: Mad pilgrimage of the flesh. – WW Norton & Company, 2014.
7. Williams T. The Theatre of Tennessee Williams. – New Directions Publishing, 1971. – T. 736.
8. Kolin P. Tennessee Williams: A guide to research and performance. – Bloomsbury Publishing USA, 1998.
9. Heintzelman G., Howard A. S. Critical Companion to Tennessee Williams. – Infobase Publishing, 2014.
10. Murphy B. Tennessee Williams and Elia Kazan: A collaboration in the theatre. – Cambridge University Press, 1992.

Irrational Motifs in Tennessee Williams' Plays (The Play "Cat on a Hot Tin Roof")

Danil V. Motin

Graduate Student,
Faculty of Art History,
Direction: Theater Arts,
Institute of Contemporary Art,
123557, 27-a, Novozavodskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: motin_danil@mail.ru

Abstract

This article examines the irrational motifs in Tennessee Williams' play "Cat on a Hot Tin Roof," which serve as an important tool for exploring the profound psychological conflicts and dynamics of the relationships between the characters. The play, distinguished by its emotional intensity and high psychological stakes, reveals complex intertwinings of human desires, fears, and suppressed ambitions. Emphasis is placed on the images of the main characters–Maggie and Brick–their internal struggles, and their dependence on social expectations and family traditions. The irrational motifs manifest in their actions and dialogues highlight not only their personal traumas but also the general atmosphere of distrust and hidden emotions that permeates the entire work. The study contributes a new understanding to the research of Williams' oeuvre, demonstrating how the irrational aspects in "Cat on a Hot Tin Roof" not only shape the play's unique atmosphere but also reflect broader cultural and social contexts. This research may be useful to literary scholars, theater experts, and anyone interested in the issues of human psychology and 20th-century drama.

For citation

Motin D.V. (2025) Irratsional'nyye motivy v p'esakh Tennesi Uil'yamsa (p'esa «Koshka na raskalennoy kryshe») [Irrational Motifs in Tennessee Williams' Plays (The Play "Cat on a Hot Tin Roof")]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (8A), pp. 137-143. DOI: 10.34670/AR.2025.87.63.015

Keywords

Tennessee Williams, "Cat on a Hot Tin Roof", limitation, hero, play.

References

1. Popova, D. V. The theme of family in the novel by Tennessee Williams "The Cat on the roof" // LITERATURE OF THE EARTH. Materials at the VIII International Conference of Young Scientists. Dedicated to the 90th anniversary of the birth of Y. M. Proskurina (1929-2019). Yekaterinburg : USPU, 2020. pp. 165-171.
2. Williams, T. Cat on a hot roof / translated from English by G. P. Zlobin, V. V. Voronin. Moscow : AST Publishing House, 2020. - pp. 109-111.
3. Cat on a hot roof (Tennessee Williams) • link // URL: https://spadilo.ru/proizvedeniya/koshka-na-raskalyonnoj-kryshi-tennessi-uilyams/ (date of access: 05/18/2025).
4. Tennessee, W. Plays 1937: 1955. New York: American Library. - 2000. - 975 p.
5. Williams T. The cat on a hot tin roof. – Bloomsbury Publishing House, 2014.
6. Lar J. Tennessee Williams: The Insane Pilgrimage of the Flesh. – WW Norton & Company, 2014.

7. Williams T. The Tennessee Williams Theater. – New Directions Publishing House, 1971. – p. 736.
8. Colin P. Tennessee Williams: A guide to research and activities. – Bloomsbury Publishing House, USA, 1998.
9. Heinzelman G., Howard A. S. A critical commentary on Tennessee Williams. – Publishing house "Information Base", 2014.
10. Murphy B. Tennessee Williams and Elia Kazan: Collaboration in the theater. – Cambridge University Press, 1992.

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

1) заголовок (название) статьи;

2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);

3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;

4) аннотация (авторское резюме);

5) ключевые слова;

6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;

7) список использованной литературы в алфавитном порядке;

8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

– информативной (не содержать общих слов);

– оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);

– содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);

– структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);

– «англоязычной» (написанной качественным английским языком);

– **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (**www.translit.ru**, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

– книги;

– статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;

– диссертации и авторефераты;

– нормативные акты;

– электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

– архивы;

– неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2 или http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои корректировки, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 an 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

– informative (be free of common words);

– original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);

– substantive (to reflect the main content of an article and research results);

– structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);

– "English-speaking" (written in high-grade English);

– **volume from 150 to 250 words**.

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2 or http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Cultorology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.

Our services

In addition to the scientific journals publishing the "ANALITIKA RODIS" publishing house provides a wide range of services.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house provides services for publishing scientific articles, monographs, author's theses and books. Manuscripts coming to us subject to proof-reading and editing by publisher's specialists, provided that authors

are able to evaluate the results and make corrections, add comments and suggest additions at any stage before publishing.

Technical design of the "ANALITIKA RODIS" publishing house includes makeup, design layout, design of covers and illustrations.

Our specialists provide assistance in the design of scientific works – from articles to dissertations according to GOST standards, Higher Attestation Commission or precise scientific organizations, as well literary and scientific editing and proofreading.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house has extensive scientific relations with national and foreign scientists and organizations.